

НОВЫЙ ЧАСОВОЙ

ПЕТЕРБУРГ

1994

№ 4

Приносим благодарность всем, кто пожертвовал свои средства на издание настоящего номера:

Евгению Романовичу Романову
(от Народно-Трудового Союза российских солидаристов и издательства «Посев»
[Франкфурт-на-Майне, ФРГ])

Борису Георгиевичу Врангелю (Псков, Россия)
членам Русского Обще-Воинского Союза (РОВС),
Организации Российских Юных Разведчиков (ОРЮР),
пожелавшим остаться неизвестными.

НОВЫЙ ЧАСОВИЙ

Русский военно-исторический журнал

Russian Military History Journal «NEW SENTRY»

№1

С.-Петербург

1994

Издатель: Независимая Гуманитарная Академия С.-Петербурга

Редакционный Совет: К.М.Александров
В.Г.Бортневский
В.Б.Конасов
А.В.Терещук
М.Н.Яковлев

Адрес редакции:Российская Федерация, 197198,
С.-Петербург, Мытнинская наб., 5/2
Телефон: (812) 238—47—09
Факс: 233—06—72
E-mail: iha@iha.spb.su

Представитель журнала в Германии
J.Friesen (Иван Иванович Фризен)
Flurscheideweg 15, D—65936
Frankfurt a.M. BRD

Представитель журнала в США
Viktor G. Bortnevski
(Виктор Георгиевич Бортневский)
83 Concord St. Hamden, CT 06514
Phone: (203)248—0013

Представитель журнала в Вологде
Конасов Виктор Борисович
160024. Вологда, ул.Северная, д.28—А, кв.31
тел.: (81722) 46431 (дом.); 22531 (раб.)

Банковский счет журнала
В Германии: J.Friesen («НОВЫЙ ЧАСОВОЙ»—С.-Петербург)
Frankfurter Volksbank e G. Frankfurt am Main
BLZ: 50190000 Konfo—NR.: 0301188471

В России: Р/с 49000609240 в
Парнасском отделении
филиала АО «Банк»СПб»

Издательства и редакции средств массовой информации, желающие полностью или частично перепечатать какие-либо материалы «Нового часового», должны предварительно сообщить о своих намерениях редакционному совету журнала.

ISBN 5-88012-006-6

© «НОВЫЙ ЧАСОВОЙ», 1994

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 5

Исследования

Фирсов С.Л. Протопресвитеры русской армии и флота (1890—1917 гг.) 6

Яковлев М.Н. История разработки первых систем автоматического стрелкового
оружия для русской армии 15

Александров К.М. Новое об инциденте в Майниле (Малоизвестные страницы
истории советско—финляндской войны 1939—1940 гг.) 24

Конасов В.Б., Терещук А.В. Узники войны (К истории иностранных
военнопленных в России и СССР) 30

Миронов В. 23 февраля. История фальсификации 39

Наши публикации

Генерал—майор фон Лампе А.А. Генерал барон Петр Николаевич Врангель . . . 43

Росс Н.Г. Попытка создания русской революционной армии
(май—июнь 1917 г.) 75

Неизвестные документы

Из обзора работы военных трибуналов Киевского особого военного округа
за 1938 г. Публикация К.М.Александрова 88

Персоналии

Лурье В.М. Адмиралы Военно—Морского Флота СССР 91

Интервью

Доктор Йоахим Хоффманн 98

Русский скаутъ 101

ОТ РЕДАКЦИИ

Уважаемый читатель! Перед Вами — первый номер военно-исторического журнала «НОВЫЙ ЧАСОВОЙ». Его появление обусловлено неиссякаемым интересом к прошлому нашего Отечества, пониманием того, что одним из самых больших несчастий, обрушившихся на дорожку нашему сердцу Россию, является утрата многими ее гражданами исторической памяти.

Наше издание во многом продолжает традиции своего предшественника — журнала «Часовой», выходившего в 1929—1989 гг. в Париже и Брюсселе под редакцией капитана Василия Васильевича Орехова. Вместе с тем «НОВЫЙ ЧАСОВОЙ» не является непосредственным преемником прежнего «Часового», однако будет стремиться к тому, чтобы сохранить и приумножить его лучшие традиции. Поэтому журнал будет публиковать материалы, посвященные истории Русской армии и флота, их крестному пути в XX столетии. В то же время «НОВЫЙ ЧАСОВОЙ» обращается к малоизвестным страницам истории Красной Армии. Среди тем, которые, без сомнения, окажутся в числе приоритетных, — история русской военной мысли, в том числе конструкторской; военное духовенство, история русской эмиграции. При этом Редакционный совет будет отдавать предпочтение сюжетам, отличающимся новизной, дискуссионностью. Особое внимание мы предполагаем уделять документальным публикациям, что позволит наиболее точно и объективно реконструировать портрет той или иной эпохи. Это могут быть документы и материалы из архивов, частных собраний и коллекций, различные по жанру и познавательной ценности. Кроме того, мы надеемся, что в последующих номерах «НОВОГО ЧАСОВОГО» будет широко представлена иконография, разнообразные иллюстративные материалы.

Отдавая дань традиции, журнал поддерживает возрождение русского скаутского движения и сообщает о своей готовности принимать к публикации материалы, отражающие прошлую и нынешнюю историю Национальной Организации Русских Скаутов, Организации Российских Юных Разведчиков, Национальной Организации Витязей, Русского Студенческого Христианского Движения и Русского Сокольства как в Русском Зарубежье, так и на Родине.

Редакционный совет «НОВОГО ЧАСОВОГО» считает необходимым особо подчеркнуть, что журнал приложит все силы, чтобы не оказаться вовлеченным в сегодняшнее политическое противостояние, чтобы его принципиальный курс формировался вне зависимости от наших личных политических симпатий и антипатий. Главную цель нашей деятельности мы видим в неустанном поиске исторической правды, в изучении и популяризации истории многострадального Отечества. Очень надеемся на то, что журнал приобретет своего постоянного заинтересованного читателя, к советам и пожеланиям которого мы будем относиться с исключительным вниманием и деликатностью. С нетерпением будем ожидать отклики на первый номер «НОВОГО ЧАСОВОГО». С чувством искренней благодарности предоставим страницы журнала всем, кто предложит интересные статьи, воспоминания, документы, фотоматериалы. Что же касается периодичности выпуска «НОВОГО ЧАСОВОГО», то она в значительной мере будет зависеть от наших финансовых возможностей, а издается журнал главным образом на общественные деньги. Пока мы планируем выпускать два номера в год.

Верим, что журналу уготована счастливая судьба, сам же он будет достойно соответствовать своему благородному предназначению.

С. Л. Фирсов

Протопресвитеры русской армии и флота

/1890 — февраль 1917 гг./

Сравнительно-исторический обзор

Начиная с эпохи Петра I, деятельность духовенства в русской армии и на флоте приобретала все большее значение и играла серьезную роль в деле укрепления моральных устоев вооруженных сил страны. По словам генерала А.И.Деникина, “испокон века вся военная идеология наша заключалась в известной формуле: — За веру, Царя и Отечество. На ней выросли, воспитались и воспитывали других десятки поколений”¹. Естественно, что с годами все более выявлялась проблема самостоятельного существования военного духовенства империи (в смысле, прежде всего, административного его подчинения). Весь XVIII век священники, состоявшие при частях, подчинялись епархиальному духовенству, — по месту дислокации своего подразделения. Идея “обособить полковое духовенство от епархиального, создав для управления им особые органы и наделив их правами”, принадлежала императору Павлу². 4 апреля 1800 г. он повелел, чтобы главная роль относительно “перемен по части армейских священников” принадлежала бы полевому обер-священнику, должность которого с того времени сделалась постоянной³. Кроме того, из нескольких лиц, имевших в то время должность полевого обер-священника, преимуществу нового положения были присвоены одному — протоиерею П.Я.Озерецковскому (1880—1807 гг.).

В течение XIX века строительство военного духовного ведомства идет достаточно активно: 12 декабря 1815 г. Александр I учреждает должность обер-священника гвардии и гренадер⁴, а в 1830 г. Николай I своим указом учреждает должности обер-священников Главного Штаба и Отдельного гвардейского корпуса⁵. В 1858 г. его сын вводит пост обер-священника Кавказской армии⁶. (В дальнейшем, название “обер-священник” заменяется наименованием “главный священник”).

Работа военного духовного ведомства, однако, осложнялась рядом обстоятельств, одним из которых был недостаток средств, что, в свою очередь, делало карьеру “военного батюшки” в глазах выпускников семинарий и академий мало привлекательной. Но более всего укреплению новой структуры мешало отсутствие единого руководства военным духовенством, необходимость создания которого с каждым годом становилась все более понятно как светским, так и духовным властям. Постоянное увеличение личного состава армии и флота и усложнение стоящих перед вооруженными силами задач иллюстрировали это положение со всей очевидностью. Кризис в самой Православной Церкви, со второй половины XIX века проявившийся достаточно явно⁷, также внушал серьезные опасения за нравственное здоровье вооруженных сил, о чем речь пойдет ниже.

Таким образом, утверждение императором Александром III доклада Святейшего Правительствующего Синода от 12 июня 1890 г., введившего в действие «Положение об управлении церквами и духовенством военного и морского ведомств», является закономерным завершением строительства управления военным духовенством.

Для придания полновесности должности руководителя военных пастырей, ей было присвоено протопресвитерское достоинство — высшее звание для лиц белого (т.е. немонашеского) духовенства. Моральный авторитет “протопресвитера военного и морского духовенства” усиливался еще и тем, что в то время в России подобное наименование имели, кроме него, только три священнослужителя: Заведующий придворным духовенством, в большинстве случаев исполнявший и обязанности духовника царственных особ (он занимал на богослужениях, происходивших в присутствии императора, первое, после архиереев, место), и настоятели Успенского и Архангельского соборов в Москве. “По рангу чинов протопресвитер приравнивался к архиепископу в духовном мире и генерал-лейтенанту — в военном. Мог иметь личные доклады у Государя”⁸. Необходимо отметить, однако, что и до 1890 г. высшие военно-духовные должности занимали лица, иногда имевшие высшее для белого духовенства протопресвитерское звание (например, протопресвитер Н.В.Музовский — обер-священник гвардейского и гренадерского корпусов, член Св.Синода и духовник императора /1827—1848/; протопресвитер В.И.Кутневич — главный священник армии и флота /1832—1865/, член Св.Синода; протопресвитер В.Б.Бажанов — главный священник гвардии и гренадер, член Св.Синода и духовник императора /1849—1883/). Однако это было связано с обстоятельствами, не имевшими отношения к рангу самой должности.

Согласно «Положения об управлении церквами и духовенством военного и морского ведомств» (Глава I, п.2), протопресвитер военного и морского духовенства избирался Св.Синодом и утверждался императором⁹.

Пункт 3 пояснял, что “протопресвитер с учрежденным при нем Духовным Правлением состоит в непосредственном ведении Св.Синода, относящимся собственно до церковного управления, он получает указы только от Синода; по делам, имеющим связь с предметами ве-

дения военного или морского министерств, протопресвитер руководствуется указаниями Военного министра или Управляющего Морским министерством по принадлежности”¹⁰.

Всего — со времени создания должности протопресвитера военного и морского духовенства и вплоть до февраля 1917 г. — этот пост занимали три человека: А.А.Желобовский, Е.П.Аквилонов и Г.И.Шавельский. Каждый из названных военно-духовных руководителей представлял собою личность, выдающуюся во многих отношениях.

Утвержденный 8 июля 1890 г. на пост первого протопресвитера¹¹ Александр Алексеевич Желобовский уже с 26 марта 1888 г. являлся Главным священником гвардии и гренадер, армии и флота и, фактически, просто был “переназначен”. К 1890 г. он уже более 30 лет прослужил (на разных должностях) военным священником. Примечательна судьба этого неординарного священнослужителя: будучи сыном псаломщика одного из самых бедных приходов Новгородской епархии, о.Александр, исключительно благодаря своим способностям (и в духовном училище, и в семинарии, и в СПб академии он всегда был “лучшим из воспитанников”), сумел подняться до административных вершин в военно-духовном ведомстве, управляя им более 20 лет. Желобовскому пришлось налаживать централизованное управление военным духовенством в относительно благоприятных (с военной точки зрения) условиях. Мирная обстановка позволила одновременно, словом «Положения», упразднить все управления Главных священников и объединить военное духовенство под единоличной властью протопресвитера. Однако отсутствие у протопресвитера “личного знания” касательно деятельности священника в боевых условиях в военное время не могло не сказаться на судьбе управляемого Желобовским военно-духовного ведомства. В период Русско-японской войны протопресвитер ни разу не показался на театре военных действий. Блестящий администратор, о.Александр добился увеличения жалования и пенсий военным священникам, содействовал основанию в 1890 г. «Вестника Военного духовенства», “на одинаковых с епархиальными ведомствами основаниях”¹², завел внебогослужбные собеседования в церквах для нижних чинов, начал устраивать в воинских частях церковно-приходские школы и т.д., однако ни остановить процесс “духовного падения” в ар-

мии, ни проанализировать причины этого не сумел. Революция 1905—1907 гг. была ярким показателем того негативного факта, что влияние Православной Церкви в вооруженных силах явно падает. Анализируя крушение старой России, на этом акцентирует свое внимание и А.И.Деникин, с горечью отмечавший, что “религиозность русского народа, установившаяся за ним веками, к началу 20 столетия несколько пошатнулась”. И далее Деникин пишет: “Я исхожу лишь из того несомненного факта, что поступающая в военные ряды молодежь к вопросам веры и церкви относилась довольно равнодушно”¹³.

Разумеется, не следует думать, что военное духовенство, даже абстрагируясь от тогдашней действительности, могло изменить уже сформировавшихся людей, но воздействовать на них более существенным образом, видимо, могло бы. И одна из причин, влиявших на ситуацию, как нам представляется, заключалась в корпоративности духовного сословия, которое даже в армии, в большинстве случаев, оставалось инородным телом. Тем не менее, это обстоятельство может рассматриваться лишь как закономерный итог общеимперской политики светских властей, поставивших духовенство фактически в безвыходное положение, когда карьера священника была единственной реально возможной для выходца из духовной среды.

Расширение функций протопресвитера военного и морского духовенства, а также преклонный возраст главы ведомства — о.А.Желобовского, привели к необходимости разработки «Положения о помощнике протопресвитера», которое и было утверждено императором Николаем II 9 апреля 1910 г. с назначением на открывающуюся должность профессора-протоиерея — Евгения Петровича Аквилонова¹⁴. Детально разработанные пункты «Положения» свидетельствовали о том, что помощник протопресвитера практически по всем делам ведомства мог заменять своего начальника, вплоть до того, чтобы “в потребных случаях давать духовенству соответствующие указания и должностные наставления”¹⁵. Назначение состоялось буквально за несколько дней до смерти А.А.Желобовского (29.IV.1910), поэтому Е.П.Аквилонов не успел по-настоящему даже приступить к исполнению своих новых обязанностей.

Смерть о.Александра подняла вопрос о его преемнике, который в изменившихся условиях должен был бы многое изменить. Прекрасный ученый и блестящий оратор, Е.П.Аквилонов, в отличие от своего предшественника на посту протопресвитера военного и морского духовенства, первоначально не собирался делать карьеры армейского священника. Его целью, после окончания СПб духовной академии, являлась профессорская кафедра и спокойная карьера ученого. К 1894 г. он подготовил магистерскую диссертацию «О Церкви Христовой, как о теле», в которой, однако, Св.Синод усмотрел некоторые неправильные в православном смысле мысли и забраковал ее. Вскоре после этого Е.П.Аквилонов принимает священнический сан, а в 1899 г., переделав диссертацию, становится магистром богословия. Лишь в 1903 г. он меняет епархиальную службу на службу в военное духовное ведомство, получив назначение настоятелем церкви лейб-гвардии кавалергардского полка. При этом о.Евгений не прерывает занятий в духовной академии, в 1905 г. за работу «О физико-телеологическом доказательстве бытия Божия» получив степень доктора богословия и должность ординарного профессора. Преподавал он и в историко-филологическом институте. Для военного-духовного ведомства фигура такого масштаба, вполне естественно, была исключительно желаемая и поэтому карьера Аквилонова шла удивительно быстро. Тот факт, что он практически не мог усвоить многих проблем военного-духовного ведомства в силу объективных обстоятельств (он слишком немного времени имел возможность заниматься этими проблемами), — особой роли не играл.

Революция 1905—1907 гг. сделала кандидатуру о.Евгения самой желательной для крайних правых партий (типа Союза русского народа, членом которого он был¹⁶). Газета «Союза» — «Русское Знамя» в статье, посвященной кончине А.А.Желобовского, больше говорит о новом (желаемом) протопресвитере, чем о почившем иерее, причем о.Евгений пропагандируется прежде всего как защитник и последователь “начал, опираясь на которые доблестные военные силы России создали ей славу и величие”¹⁷.

Смерть старого протопресвитера реанимировала и другую проблему — о том, кто должен возглавлять военное-духовное ведомство: представитель белого духовенства (как было до

того) или же представитель монашеского сословия (т.е. епископ). Консервативная газета «Колокол» в те же майские дни 1910 г. вынесла этот вопрос на свои страницы, признав единственно верным его решение в пользу назначения главой ведомства архиерея и заявив, что «данный момент представляется для нового пересмотра настоящего злободневного неизмеримой важности вопроса, как нельзя более уместным и своевременным. Ныне, как никогда, может быть, ранее, сознается и ценится значение нашей доблестной армии как оплота и опоры и алтаря и трона»¹⁸. А в конце автор статьи резюмирует, что даже «самому выдающемуся по своим личным достоинствам протопресвитеру труднее везде охранять и защищать интересы своего управления, чем рядовому епископу»¹⁹. Однако статья явно запоздала, ибо уже 7 мая 1910 г. неизлечимо больной саркомой Е.П.Аквилонов назначается протопресвитером военного и морского духовенства. Во главе ведомства стал священнослужитель, который, во-первых, только за семь лет до своего назначения протопресвитером перешел в него и, во-вторых, в течение этих семи лет служил в С.-Петербурге. В большинстве вопросов о.Евгений стоял на позициях своего предшественника, получившего образование и сформировавшегося (как военный священник) еще в середине XIX века. Остается открытым и вопрос, почему почти приговоренного врачами к смерти человека назначили на столь ответственный пост в период, когда стабильность власти была так необходима. Предположить же, что Е.П.Аквилонов был «переходной фигурой», мы также не можем: реальных кандидатов в 1910 г. на пост протопресвитера, кроме него, по всей видимости, не было (или их еще не успели «подготовить»).

В назначении Аквилонова следует видеть, прежде всего, заинтересованность консервативных кругов, а также стремление ведомства военного и морского духовенства иметь во главе себя ученого священнослужителя. Сыграл свою роль и тот факт, что о.Евгений был блестящим оратором, — его проповеди неизменно пользовались огромным успехом.

Вскоре после назначения протопресвитером русской армии и флота — 30 марта 1911 г. — Е.П.Аквилонов скончался. Его смерть резко обострила борьбу за место главы военно-духовного ведомства. Наиболее прочувствованные статьи об умершем были опубликованы

тогда в правой прессе, которая сразу же открыла свои мысли по поводу «желательного» с точки зрения правых кандидата. По мнению «Русского Знамени», наиболее приемлемым протопресвитером был бы митрофорный протоиерей Сергей Голубев, — настоятель Преображенского (всей гвардии) собора в С.-Петербурге²⁰. Если протоиерей Голубев являлся известным военным священником и его выдвижение было, в принципе, понятно, то кандидатура синодального миссионера протоиерея Иоанна Восторгова, с которой с иронией сообщала та же газета, могла вызвать только удивление. Газета сообщала, как об известном факте, о хлопотах Восторгова (еще после смерти А.А.Желобовского) с целью занять протопресвитерское место и (после неудачи) — о его просьбе к Е.П.Аквилонову взять его в помощники, что тогда же встретило резкий отказ протопресвитера. К сожалению, ни подтвердить, ни опровергнуть эти сведения «Русского Знамени» нам не удалось, однако сам по себе факт борьбы протоиерея И.Восторгова за пост военного протопресвитера уже достаточно характеризует время. «Вес» должности в начале века продолжал постоянно расти, необходимость укрепления морального авторитета духовенства в армии ни у кого не вызывала сомнений.

На пост протопресвитера в итоге был назначен (22.IV.1911) настоятель Суворовской Кончанской церкви при военной академии в С.-Петербурге протоиерей Георгий Иванович Шавельский, ставший последним руководителем военно-духовного ведомства старой России. Оказавшись после окончания гражданской войны в эмиграции, о.Георгий написал там воспоминания о времени своего пребывания на посту протопресвитера русской армии и флота, являющиеся незаменимым источником по истории духовенства возглавлявшегося Шавельским ведомства. Подтверждая в своих мемуарах то, что протоиерей С.Голубев был кандидатом в протопресвитеры и что за него ратовал салон графини С.Игнатъевой, Шавельский называет также имена других «кандидатов», стремившихся занять этот пост. Ими были: епископ Владимир (Путята), «склонивший на свою сторону императрицу Марию Федоровну и Великого князя Константина Константиновича»; «престарелый (80 лет) настоятель Адмиралтейского собора, митрофорный протоиерей Алексей Ставровский»; «настоятель Сергиевского собора, председатель Духовного

Правления, прот.И.Морев, которому протезировал командир Конвоя Его Величества князь Юрий Трубецкой и др.”²¹. При этом стоит отметить, что газета «Колокол» вновь опубликовала статью, в которой доказывалось, что “пресвитерианство военно-духовного управления есть компромисс, совершенно не соответствующий ни чрезвычайным задачам, ни требованиям, предъявляемым в наше тяжелое время к всероссийской «военной епархии», каковую в сущности является управление протопресвитера”²². Однако и на этот раз все оказалось решенным заранее. Уже в конце марта 1911 г., когда стало ясно, что протопресвитер Е.П.Аквилонов доживает последние дни, Великий князь Николай Николаевич (в тот период — главнокомандующий войсками гвардии и СПб военно округа) и военный министр — генерал-от-кавалерии В.А.Сухомлинов, через генерала В.Н.Воейкова предложили Шавельскому занять должность помощника протопресвитера, намекнув на то, что в дальнейшем он может стать и главой ведомства. По существовавшему тогда порядку, Великий князь, осведомив предварительно императора и получив его одобрение, рескриптом на имя военного министра просил того ходатайствовать перед Св.Синодом о назначении Шавельского. Ходатайство Сухомлинова поступило в Синод 30 марта, тогда же была получена телеграмма о смерти Аквилонова, почему дело о назначении о.Георгия помощником протопресвитера военно-духовного ведомства и не рассматривалось. Тем более, что через два дня в Синод поступило уже новое ходатайство — о назначении Г.И.Шавельского протопресвитером²³.

Почему же выбор пал на сорокалетнего вдового (как и его предшественник) протоиерея, прослужившего в ведомстве военного протопресвитера чуть более девяти лет?

Почему были отвергнуты названные нами выше кандидаты?

И почему Великий князь и военный министр заинтересовались скромной фигурой сына сельского псаломщика?

Во-первых, Шавельского знал и ценил его начальник — протопресвитер Е.П.Аквилонов, в 1910 г. назначивший настоятеля Суворовской церкви нештатным членом Духовного Правления военного протопресвитера. В своих воспоминаниях Шавельский замечает также, что именно о.Евгений в свое время говорил о нем военному министру и Великому князю²⁴.

Во-вторых, в военно-духовном ведомстве было только три магистра богословия и один из них был Шавельский. (Степень магистра ему была присуждена Советом СПб духовной академии за работу «Последнее воссоединение с православной церковью униатов Белорусской епархии (1833—1839)» в 1910 г.) С 1910 г. Шавельский являлся также профессором историко-филологического института.

Но самое главное, видимо, состояло в том, что о.Георгий прошел Русско-японскую войну — от рядового священника 33-го Восточно-Сибирского стрелкового полка до полевого главного священника 1-ой Манчжурской армии (с 13.XII.1904 г.), показав там не только смелость и мужество (во время боя под Ляоляном, например, Шавельский, будучи на передовой, получил контузию газом и осколком бризантной гранаты), но и отличные организаторские способности, пройдя за сравнительно короткий промежуток времени ряд должностей. За время войны Шавельский был награжден орденами св.Анны 3 и 2 степеней; св.Владимира 4 степени с мечами; золотым наперсным крестом на георгиевской ленте и саном протоиерея. Это был первый протопресвитер военного и морского духовенства, имевший опыт священнического служения в боевых условиях. К тому же, Г.И.Шавельский ко времени назначения на пост главы военно-духовного ведомства реально не имел высоких покровителей в правительственных и придворных сферах и был “чужим” человеком в высших этажах власти. Он был назначен, не будучи даже митрофорным протоиереем: митра на него была возложена в день утверждения царем его назначения на пост протопресвитера (22.IV.1911)²⁵.

Столь быстрое восхождение в данном случае может нами рассматриваться, несмотря на все вышесказанное, в большей степени как исключение, нежели как правило.

В качестве руководителя военно-духовного ведомства Г.И.Шавельский с первых дней пребывания на посту протопресвитера стал готовить необходимые материалы, фиксирующие обязанности священника на фронте, а также начал более серьезно проводить кадровый отбор лиц, стремившихся к службе военного пастыря.

Шавельский был также первым протопресвитером, ставшим посещать военные корабли и налаживать работу судовых священников.

Перед началом I Мировой войны им был организован Съезд военного и морского духовенства, проходивший в С.-Петербурге с 1 по 10 июля 1914 г. Главную цель съезда его организатор сформулировал в первый же день — «поразмыслить о способах, как сделать более легким и в то же время более продуктивным наш пастырский труд»²⁶. Съезд, на котором присутствовали делегаты от военных округов, а также представители морского и судового духовенства (всего 49 человек), рассмотрел ряд вопросов, условно разбитых на восемь частей²⁷. Главным среди них был вопрос о выработке инструкции для военно-морского духовенства, которая и была съездом одобрена. Как вспоминал позднее сам протопресвитер, «значение инструкции было колоссально. Во-первых, она вводила в точный курс работы и круг обязанностей каждого прибывшего на театр военных действий священника. Это в особенности важно было для вновь мобилизованных, совершенно незнакомых с условиями и требованиями военной службы. А их было огромное большинство: в мирное время в ведомстве протопресвитера состояло 730 священников, за время же войны их перебивало в армии свыше 5000 человек. Инструкция точно разъясняла каждому — полковому, госпитальному, судовому и др. священнику, где он должен находиться, что он должен делать во время боя и в спокойное время, где и как он должен совершать богослужение, о чем и как проповедовать и т.д. и т.д.»²⁸. Вскоре после начала войны протопресвитером, кроме того, был издан циркуляр «о.о.Благочинным», в котором лаконично повторялись основные требования инструкции, утвержденной съездом²⁹.

С самого начала войны протопресвитер находился при Штабе Верховного главнокомандующего, а не в Петербурге, как это ранее предусматривалось инструкцией. Кроме того, пользуясь, как и его предшественники, правом личного доклада у императора, Г.И.Шавельский добился права «лично присутствовать в Военном Совете и защищать свои проекты»³⁰, что позволяло ему быть в курсе всех военных планов, разрабатываемых Россией, и соотносить задачи своего ведомства напрямую с теми вопросами, которые должны были решать Военное и Морское министерства.

В ноябре 1915 г. Г.И.Шавельский становится членом Святейшего Синода, однако в течение последующего полуторалетнего предре-

волюционного периода продолжает работать в Ставке, в Синод лишь эпизодически «наезжая». Будучи представителем белого духовенства, протопресвитер военного и морского духовенства достиг наивысшего для не-монаха положения в Православной Российской Церкви, став в сорок пять лет членом руководства главной конфессии империи³¹.

Руководимое Шавельским военное духовенство за годы Мировой войны не раз получало высокую оценку со стороны Верховных главнокомандующих: Великого князя Николая Николаевича и самого царя³². О доблести военных священников в годы войны свидетельствовали и многочисленные факты награждения духовенства за боевые заслуги. Если за все время существования Георгиевского креста (до войны включительно) этой наградой было удостоено только 4 священника, то за войну — 14³³. Священникам было вручено 227 золотых наперстных крестов на георгиевской ленте, 85 орденов св.Владимира 3-й степени с мечами, 203 ордена св.Владимира 4-й степени с мечами, 304 ордена св.Анны 2-й степени с мечами и 239 орденов св.Анны 3-й степени с мечами³⁴. Убитых и умерших от ран в войну священников было более 30, более 400 попали в плен³⁵. Однако личная доблесть православных пастырей, абсолютное большинство которых, попадая на фронт, стремилось до конца исполнить свой долг, не могла заменить необходимости решения другой, на наш взгляд, не менее важной проблемы. По словам А.И.Деникина, «духовенству не удалось вызвать религиозного подъема среди войск»³⁶. На вопрос же о возможности создания такого «подъема» боевой генерал, чуть ниже, дает отрицательный ответ, ибо, по его мнению, на той войне «и не было вовсе места для религиозного экстаза»³⁷. «Как бы то ни было, — пишет он далее, — в числе моральных элементов, поддерживающих дух русских войск, вера не стала началом, побуждающим их на подвиг или сдерживающим от развития впоследствии звериных инстинктов»³⁸.

Кризис, в котором находилось тогда общество, поразил в то же время и Православную Церковь. Преодолеть его Церковь, к сожалению, не смогла, что непосредственно повлияло и на возможность воздействия со стороны военного духовенства на солдатскую, в большинстве своем православную (по конфессиональной принадлежности) массу. Тем не менее, это не может рассматриваться нами как «вина исто-

рической Церкви”, не сумевшей “укрепить веру”, так как сама Церковь, в течение более 200 лет находившаяся по сути в “крепостной зависимости” от государства, не могла воздействовать на общество (а в том числе и на армию)

сильнее, чем она воздействовала, — огромный вклад военного духовенства (особенно в I Мировую войну) в дело боеспособности вооруженных сил не может подлежать сомнению.

Примечания

- ¹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. М., 1991. Т.1. Крушение власти и армии. Февраль — сентябрь 1917. С.78.
- ² Столетие Военного министерства. СПб, 1902. Т.ХIII (Управление церквами и православным духовенством военного ведомства). С.4.
- ³ Там же. С.5.
- ⁴ См.: Бугославский И., прот. К назначению помощника протопресвитера военного и морского духовенства // Вестник Военного духовенства. 1910. №8. С.252.
- ⁵ Столетие Военного министерства.
- ⁶ См.: Бугославский И., прот. Указ. соч. С.252.
- ⁷ По мнению религиозного мыслителя и философа П.Иванова, затрагивающего посткрепостническую эпоху истории России, “Церковь окончательно стала храмом, куда приходили молиться отдельные люди, ничего общего между собою не имеющие, даже сторонящиеся друг от друга, а не братья и сестры во Христе. То, что называется церковью, потеряло всякое влияние на общество” (Иванов П. Тайна святых. Введение в апокалипсис. Ч.II. Париж. 1949. С.567—568).
- ⁸ Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. Т.1. С.17.
- ⁹ Вестник Военного духовенства. 1890. №14. С.418.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. №15. С.450.
- ¹² См.: Там же. №1. С.1.
- ¹³ Деникин А.И. Указ. соч. С.78—79.
- ¹⁴ См.: Вестник Военного духовенства. 1910. №9. С.258—259.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ В годы Первой революции о.Евгением Аквилоновым была выпущена, в частности, работа «Иудейский вопрос. О возможности предоставления полноправия русским гражданам из иудейского народа» (СПб, 1906).
- ¹⁷ Русское Знамя. 1910. 4 мая.
- ¹⁸ Колокол. 1910. 9 мая.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Русское Знамя. 1911. 31 марта.
- ²¹ Шавельский Г.И. Указ. соч. С.18.
- ²² Колокол. 1911. 31 марта.
- ²³ См.: Шавельский Г.И. Указ. соч. С.17.
- ²⁴ См.: Там же.
- ²⁵ См.: Церковный Вестник. 1911. №18. С.548.
- ²⁶ Вестник Военного и Морского духовенства. 1914. №15—16. Ч.неофиц. С.548.
- ²⁷ См.: Там же. С.549—551.
- ²⁸ Шавельский Г.И. Указ. соч. Т.2. С.93.
- ²⁹ См.: Вестник Военного и Морского духовенства. 1914. №17. С.597—599.
- ³⁰ Шавельский Г.И. Указ. соч. Т.1. С.100.
- ³¹ Судьба этого выдающегося священнослужителя после февраля 1917 г. была связана с армией: 9 июля 1917 г. на II Всероссийском съезде он избирается пожизненным протопресвитером военного и морского духовенства; участвует в работе Всероссийского поместного собора Православной Российской Церкви 1917—1918 гг., полгода состоит членом Высшего Церковного Совета при св.Патриархе Тихоне. В дальнейшем, спасаясь от красного террора, о.Георгий осенью 1918 г. прибывает в Киев, а вскоре — принимает участие в деникинской эпопее (вплоть до ее конца), будучи назначен (27.XI.1918 г.) протопресвитером Добровольческой армии. Его послереволюционная судьба, возможно, будет предметом нашего специального исследования в последующих выпусках журнала.
- ³² См.: Шавельский Г.И. Указ. соч. Т.2. С.102.
- ³³ Там же. С.104.
- ³⁴ Сенин А.С. Армейское духовенство в России в Первую Мировую войну // Вопросы истории. 1989. №10. С.164.
- ³⁵ Шавельский Г.И. Указ. соч. С.106.
- ³⁶ Деникин А.И. Указ. соч. С.79.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же. С.80.

Протопресвитеры военного и морского духовенства 1890—1917 гг.

<i>Наименование граф</i>	<i>Александр Алексеевич Желобовский</i>	<i>Евгений Петрович Аквилонев</i>	<i>Георгий Иванович Шавельский</i>
Время жизни	28 августа 1834 г. — 29 апреля 1910 г.	1862 г. — 30 марта 1911 г.	6 января 1871 г.— 2 октября 1951 г.
Место рождения и смерти	село Желоби Новгородской губернии г. Санкт-Петербург	г. Тамбов г. Козлов Тамбовской губернии	село Дубокрай, Витебской губернии г. София — Болгария
Социальное происхождение	Сын псаломщика Новгородской епархии	Сын кафедрального протоиерея г. Тамбова	Сын псаломщика ("дьячка") села Дубокрай
Какие учебные заведения окончили	Белозерское Духовное Училище Новгородскую Духовную Семинарию (одним из первых) СПб Духовную Академию (1859 г.)	Тамбовскую Духовную Семинарию ("блестяще") СПб Духовную Академию (1886 г.)	Витебское Духовное Училище Витебскую Духовную Семинарию ("первым") СПб Духовную Академию (1902 г.)
Научные степени и ученые звания	Окончил СПбДА магистром богословия Почетный член СПбДА	Окончил СПбДА кандидатом богословия; 1899 г. — магистр богословия; 1905 г. — доктор богословия. 1900 г. — экстраорд. проф.; 1905 г. — ординарный	Окончил СПбДА кандидатом богословия; 1910 г. — магистр богословия 1910 г. — профессор (видимо, экстраординарный)
Когда был рукоположен во священника	17/IX—1859 г. (с 1873 г. — протоиерей)	1896 г.* (с 1903 г. — протоиерей)	19/VIII—1895 г. [с 19/VIII—1891 г. — был псаломщиком] (с 1906 г. — протоиерей)
С какого времени военный священник	С 1859 г.	С 1903 г.	С III курса СПбДА — ок. 1902 г.
Участие в боевых действиях	Видимо, не принимал	Не принимал	В Русско-Японскую войну (получил ранение и контузию под Ляояном); В I Мировую войну (находился при Ставке; совершал выезды на фронт)

Награды	Св.Анны 1,2,3 ст.; Св.Владимира 1,2,3,4 ст.; Св.Александра Невского и бриллиантовые знаки этого ордена; наперстный крест с драгоценными украшениями из Кабинета Его Величества; митра	Митра; наперстный крест (золотой) из Кабинета Его Величества; палица и др.	Св.Анны 3,2 ст.; Св.Владимира 4 ст. с мечами; Св.Владимира 3,2 ст.; Св.Александра Невского; золотой наперстный крест на Георгиевской ленте; митра
Время протопресвитерства	8/VII—1890 г.— 29/IV—1910 г. (С 26/III—1888 г. — Главный священник гвардии, и гренадер, армии и флота)	7/V—1910 г.— 30/III—1911г.	22/IV—1911 г. — 1917 г.
Присутствие в Св.Синоде	Присутствующий в 1905—1910 гг.	Не присутствовал	Присутствующий в 1915 — сер. апр.1917 гг.
Семейное положение ко времени занятия поста протопресвитера	Вдовец; имел взрослых детей	Вдовец; имел трех несовершеннолетних дочерей	Вдовец, имел несовершеннолетнюю дочь
Разное	Организовал «Духовное правление» при протопресвитере, предпринял издание «Вестника военного духовенства», добился открытия свечного завода для нужд военного духовенства и семейств военного духовенства, оставшихся без кормильца; организовал похоронную кассу и т.д.	Что-либо изменить или организовать новое за кратковременностью пребывания на посту протопресвитера не сумел. Крупный ученый-богослов, блестящий проповедник; эрудит	Один из создателей “Инструкции” для военных священников, содействовавшей лучшей организации управления духовенством в военное время; добился учреждения должностей Гл. священников Балтийского и Черноморского флотов; первым из военных протопресвитеров стал посещать военные корабли и налаживать работу судовых священников и т.д.

* Данные разнятся: «Церковные ведомости» сообщают о том, что Аквилонов в 1890 г. “был рукоположен во священника к Входу-Иерусалимской Знаменской Церкви в С.—Петербурге” (Ц.В. 1911. №4. С.660), а «Вестник военного и морского духовенства» говорит, что о.Евгений в 1896 г., “не оставляя службы в Академии, принял священный сан с назначением к церкви Знамения Божией Матери в г. С.—Петербурге, где и священствовал до перемещения на службу в военное ведомство” (В.в.и м.д. 1911. №9. С.257)

История разработки первых систем автоматического стрелкового оружия для русской армии

Поздним вечером 11 января 1901 г. прилично одетый господин, в состоянии духа и тела, которое обычно бывает после хорошего торжественного ужина, возвращался в вагоне Приморской железной дороги из Сестрорецка в Санкт-Петербург. При себе господин имел сверток с какими-то бумагами. По приезде в СПб (вокзал Приморской железной дороги был тогда в Новой Деревне, в районе Ушаковского моста), господин указанного свертка при себе не обнаружил. С этого детективного эпизода начинается долгая и драматическая история разработки, испытаний и принятия на вооружение первого образца индивидуального автоматического стрелкового оружия для русской армии.

Прилично одетым господином был австрийский барон Одколек. В конце 1900 г. Главное Артиллерийское Управление (ГАУ) русской армии приняло его предложение изготовить в России три ручных пулемета его системы в течение 5—7 месяцев. На основании письма инспектора оружейных заводов Бестужева-Рюмина начальнику Сестрорецкого оружейного завода С.И. Мосину 10 ноября 1900 г. на заводе было отведено специальное помещение для барона¹. Надо сказать, что идея не была случайной. К этому времени австрийский барон и чешский оружейник Адольф Одколек был уже достаточно известным конструктором автоматического оружия. Его станковый пулемет был куплен французской фирмой «Гочкис» в 1890 г. После доработки в 1899 г. этот пулемет был принят на вооружение французской армии. В 1900 г. и особенно в 1914 г. характеристики этого оружия были значительно улучшены инженерами фирмы «Гочкис», и эта модель вошла в историю стрелкового оружия как зна-

менитый «Гочкис» образца 1914 г. Пока же, в 1900 г., Одколек был в зените своей славы как конструктор пулемета, только что принятого на вооружение французской армией. Поэтому мысль повторить то же, но уже не со станковым, а с ручным пулеметом, казалась удачной.

11 января 1901 г. Одколек впервые посетил завод и, возвращаясь после официального ужина в С.-Петербург, потерял пакет с чертежами пулемета. После непродолжительных поисков с объявлением в газетах и обещанием вознаграждения чертежи были найдены. Нашедшим оказался (конечно, совершенно случайно!) старший чертежник Сестрорецкого завода. Очевидно, вознаграждение, выплаченное ему Одколеком, позволило заводу сэкономить определенную сумму, причитавшуюся чертежнику за срочную и сверхурочную работу. Как бы то ни было, с этого времени на заводе началась работа над первым для этого завода образцом автоматического стрелкового оружия. Она продолжалась больше года — до 23 марта 1902 г., когда последовало распоряжение ГАУ о прекращении работы над ним. Пулемет так и не был изготовлен. Это объяснялось вовсе не недостаточным мастерством сестрорецких оружейников, а тем, что Одколек привез в Россию не собственный пулемет, а только его идею и принципиальные чертежи. Конструкция его была совершенно не отработана и не просчитана. Тогда еще не существовало методов расчета конструкций сложных термодинамических приборов, коими являются все образцы стрелкового оружия. К тому же конструкция Одколека была весьма экзотична. Работа автоматики основывалась на отводе части газов из ствола. Питание пулемета предполагалось ленточное, лента была матерчатая, патроны к ней

пришивались нитками, лента подавалась специальным игольчатым барабаном, патроны при зарядке обрезаются ножом. Работа по изготовлению пулемета свелась к отработке конструкции. Например, на первом экземпляре отверстие для отвода газов 4 раза переносилось с места на место по длине ствола, а на втором — боевая пружина 6 раз то усиливалась, то ослаблялась.

Неудача с этим пулеметом обошлась заводу в 8108 руб. 59 коп.² на материалы, инструменты и т.д., не считая расходов ГАУ на квартиру, дрова и прочее, предоставленное Одколеку. Однако история эта имела и положительные последствия. Опыт, который приобрели работники завода, работавшие с Одколеком, скажется впоследствии.

Работы по разработке образца автоматического оружия для русской армии развернулись на основании постановления ГАУ №11 от 17 января 1906 г.³ Оно явилось закономерным итогом обобщения опыта последних войн, показавших необходимость качественного усиления пехотного огня. В 1907 г. ГАУ издает разработанный В.Г.Федоровым курс «Автоматическое оружие». В 1908 г., по предложению полковника Филатова, учреждается Комиссия по выработке образца автоматической винтовки. В нее вошли: начальник 1-й гвардейской пехотной дивизии ген.Герцык; члены: начальник офицерской стрелковой школы Шрейдер, начальник Петербургского патронного завода Шепелев, постоянный член арткома Керн, начальник ружейного полигона Филатов, делопроизводитель арткома Федоров, начальник мастерской патронного завода Кирсанов, ген.Дымша.

В марте 1909 г. было принято решение «поручить начальникам Тульского, Ижевского и Сестрорецкого заводов разработку образца автоматической винтовки». На это отпускалось каждому заводу по 2 тыс. рублей в год⁴. Нельзя сказать, что эта сумма была слишком большой, учитывая, что подчас из нее выплачивалось жалование мастеру-оружейнику. И в то же время ГАУ тратит 500 тыс. рублей на международный конкурс, зная заранее, что «работы над автоматической винтовкой за границей не могут считаться достаточно успешными»⁵, т.е. на конкурс, который считался заранее бесполезным, отпускалась сумма такая же, как и заводам, но на 83 года работы! Даже если предположить, что конкурс затевался с тем, чтобы оз-

накопиться с последними заграничными работами в области автоматике, то это делалось известными способами с меньшими затратами.

В 1908 г. начальник одной из мастерских Тульского оружейного завода полковник С.А.Зыбин предложил сосредоточить конструкторскую деятельность по автоматике на ТОЗе, аргументируя это тем, что завод имеет уже опыт работы над автоматической системой — установка производства пулемета системы Х.Максима. Но постепенно случилось так, что эта деятельность оказалась сосредоточенной на другом заводе — Сестрорецком. Почему это произошло? Дело в том, что к этому времени на нем уже велись работы над целым рядом автоматических систем. К тому же сработал еще целый ряд факторов, способствовавших тому, что именно Сестрорецкий завод стал центром разработки ружейной автоматике в России. Предприятие обладало прекрасными кадрами оружейников, здесь был опыт работы над автоматическим оружием, оно находилось недалеко от Петербурга, а значит и ГАУ, и Ораниенбаумской высшей офицерской стрелковой школы, здесь проходили практику слушатели Михайловской Артиллерийской академии. К тому же завод был небольшим, с не столь напряженной программой, как Тульский, но хорошо оборудованный и имевший богатый опыт по выпуску мелкосерийной, но точной продукции (шаблонов и образцов для других заводов).

С 1907 г. начинается первый этап разработки автоматической винтовки на Сестрорецком оружейном заводе. Этот этап характеризовался попыткой переделки винтовки С.И.Мосина образца 1891 г. в автоматическую. Надо сказать, что этот путь достаточно традиционен для России. Достаточно вспомнить период знаменитой «ружейной драмы» конца 60-х гг. XIX в. Правда, этот путь никогда не был до конца успешным, при всей своей привлекательности. С попыток переделки неавтоматической винтовки в автоматическую началась и эта история.

В июне 1907 г. к Сестрорецкому заводу прикомандировывается Я.У.Рощепей, который к этому времени уже провел испытания своей винтовки на ружейном полигоне Ораниенбаумской высшей офицерской школы⁶. 2 июля 1907 г., по указанию начальника завода, был выдан наряд Инструментальной мастерской на «разработку автоматической винтовки, изобретенной мастером Рощепеем»⁷. Винтовка Рощепея представляла собой переделоч-

ную систему, с неподвижным стволом. Работа автоматики основывалась на отдаче свободного затвора, который замедлялся трением особого вкладыша, выжимавшегося отдачей⁸.

19 декабря 1907 г. помощник начальника завода по технической части полковник Сависко представил рапорт о том, что мастер Механической мастерской Иван Анцус представил образец автоматической винтовки. “В предлагаемой винтовке для действия механизма предусмотрено воспользоваться подствольной трубкой для отвода газов из ствола”⁹.

Через 10 дней, 29 декабря, полковник Сависко представил рапорт о винтовке механика завода В.Коновалова: “Винтовка с неподвижным стволом и открывание замочного механизма происходит действием пороховых газов, отводимых из канала ствола посредством канальчика, просверленного около дула”¹⁰. Пружина, запирающая затвор, расположена за и выше шейки ложи. Очевидно, автоматика обеих винтовок действовала на основе отвода части газов из ствола, т.е. на том же принципе, что и пулемет Одколека. Оба конструктора были знакомы с ним. Коновалов во время работы Одколека на заводе уже был механиком завода, а Анцус непосредственно участвовал в работе, будучи прикомандирован к Одколеку¹¹.

Оба изобретателя начали свою работу задолго до того как были представлены рапорты и знали о работах друг друга. 27 ноября 1907 г. В.Коновалов в рапорте на имя помощника начальника завода представляет свои соображения о недостатках винтовки Анцуса. После рассмотрения представленных проектов 10 июня 1908 г. начальник завода распорядился выдать механической мастерской наряд “на изготовление автоматической винтовки с отводом газов системы Коновалова для музея завода”¹². О винтовке Анцуса никаких распоряжений не последовало.

В 1908 г. в разработку автоматической винтовки включаются новые конструкторы. 18 июня начальник завода распорядился об отпуске мастеру Леонтьеву для опытов одного ствола, двух коробок и всех частей механизма¹³. 20 августа выдается наряд Образцовой мастерской завода на изготовление винтовки по чертежам начальника завода¹⁴. 27 сентября поступает распоряжение ГАУ о прикомандировании к заводу подьесаула Токарева для изготовления “образца 3-линейной винтовки, переделанной в автоматическую по предложенному

названным офицером способу”, сроком на 6 месяцев. На переделку отпускалась 1 тыс. рублей¹⁵. 1908 г. сделал свою первую автоматическую винтовку и токарь Инструментальной мастерской завода Н.Щукин¹⁶.

Нетрудно заметить, что все перечисленные системы, как и еще не упомянутая винтовка В.Федорова обр. 1906 г. (т.н. обр.№1), и основанные на разных принципах работы автоматики, были переделочными. Дальнейшая работа над некоторыми из них продолжалась достаточно долго. Но конечным итогом ее было лишь признание того, что мосинская трехлинейка органически не способна к трансформации в автоматическую. Начинается новый период в истории русской автоматики.

Теоретические основы ее начинают закладываться В.Г.Федоровым как раз в 1908 г., когда работы над переделочными системами приобрели столь широкий размах. В проекте постановления оружейного отдела артиллерийского комитета ГАУ в октябре 1908 г. Федоров пишет: “Одна переделка 3-линейной винтовки не может разрешить назревший вопрос”¹⁷. Возражения его оппонентов не носили сколько-нибудь серьезного характера¹⁸. Но тем не менее, работа над переделочными образцами продолжалась еще два года. У одних она не зашла дальше опытов, как у Леонтьева, у Анцуса она остановилась на стадии рассмотрения проекта, винтовка Коновалова была изготовлена для музея завода в виде модели, винтовка Байцурова изготовлена, но на испытания не представлялась, а первый образец винтовки Рощепея их не выдержал. Становилось окончательно ясно, что необходимо работать над принципиально новой конструкцией, исходя из особенностей именно автоматического оружия.

Такая работа началась в 1911 г. В ней участвует уже значительно меньшее число конструкторов. Очевидно, становится ясно, что на быстрый успех рассчитывать не приходится, нужна кропотливая работа, сочетание таланта оружейника, опыта конструктора и теоретической подготовки специалиста. С этого времени официально работы ведутся над образцами лишь двух конструкторов — Федорова и Токарева. Их подход к решению проблемы автоматики является наглядной иллюстрацией двух диаметрально противоположных путей решения этой проблемы. Токарев остается приверженцем традиционной методики от идеи и имеющегося патрона к действующему образцу.

Убедившись в том, что мосинская винтовка в силу конструктивных особенностей не может служить базой для создания надежной передельной системы, он начинает конструировать оригинальную систему под штатный трехлинейный патрон. Его задача осложнялась тем, что этот патрон почти непригоден для использования в легком стрелковом автоматическом оружии. Закраина и излишне большая мощность делали его малоприспособленным для использования в качестве боеприпаса для автоматической винтовки при тогдашнем уровне развития технологии. Закраина создавала трудности в работе автоматики, а большая мощность требовала для надежной работы затвора больших масс отката, что перетяжеляло оружие. Тем не менее, Токарев к 9 февраля 1912 г. “заканчивает выделкой автоматическую винтовку его систему за №2”¹⁹. Ее первые испытания были проведены Комиссией по выработке образца автоматической винтовки к 18 июля 1912 г., когда винтовка была возвращена изобретателю для исправления замеченных недостатков. Окончательные испытания были проведены комиссией 20 декабря 1912 г., 31 января и 8 февраля 1913 г.²⁰. Они показали, что конструктор в целом справился с поставленной перед собой задачей. Винтовка действовала достаточно надежно, недостатки ее казались легко устранимыми. Как считает Шайденко²¹, слабость буфера и выбрасывателя были обусловлены малоприспособленным патроном и то, что Токареву удалось создать образец, показавший на испытаниях достаточно большую надежность, говорит о незаурядных способностях знаменитого русского оружейника.

Результатом этих испытаний было решение об изготовлении 12 экземпляров винтовки Токарева, последовавшее 27 апреля 1913 г. Из них 10 драгунских, 1 пехотная и 1 карабин. Изготавливаться они должны были при личном участии Токарева. Различные модификации системы были нужны для исследования влияния длины и веса ствола на работу автоматики, т.к. она основывалась на ходе ствола²².

В то время как Токарев продолжал свою работу по созданию образца под штатный патрон, Федоров, проводя линию выявления научных основ конструирования автоматического оружия, исследует механику влияния мощности и калибра патрона на работу автоматики. Сконструировав в эти годы патрон калибра 6,5 мм улучшенной баллистики²³, конструктор

исследует его действия в автоматической винтовке своей конструкции. Еще 28 октября 1911 г. ГАУ отдало распоряжение “об изготовлении модели автоматической винтовки с неподвижным стволом калибра 6,5 мм системы Федорова” на Сестрорецком Оружейном заводе²⁴. К осени 1912 г. она была изготовлена.

В это же время Федоров представляет на испытания 9 экземпляров своей винтовки под штатный патрон, заказанные еще летом 1911 г. Они были отправлены на ружейный полигон после 2 июля 1912 г., когда были осмотрены офицером, заведующим проверкой изделий завода, полковником Гибер фон Грейфельфельсом совместно со старшими мастерами Приемно-сборочной мастерской Емельяновым и Коцгергиным²⁵. После испытания ГАУ 21 сентября распорядилось изготовить на заводе 150 винтовок. На это выделялось 67 300 рублей²⁶. Из них 130 должны были быть изготовлены под штатный патрон, а 20 штук — под патрон калибра 6,5 мм. Эти винтовки предназначались для войсковых испытаний.

Сам Федоров, судя по всему, достаточно критично оценивал возможность штатного патрона применительно к легкому автоматическому стрелковому оружию. Поэтому он и после такого крупного успеха, как допуск к войсковым испытаниям, не перестает экспериментировать с целью выбрать наиболее выгодный калибр для автоматического оружия. Он исследует винтовки с различным калибром ствола, с целью получить экспериментальную базу.

В это же время ряд рабочих завода в свободное время занимается конструированием автоматической винтовки. Еще 2 января 1911 г. начальник завода назначил специальную комиссию в составе полковника Гибер фон Грейфельфельса, Токарева и Гайковского для рассмотрения проекта автоматической винтовки, предложенной надзирателем Образцовой мастерской И. Стогановичем. 28 октября 1911 г. завод получил кредит для изготовления модели этой винтовки²⁷. К маю 1913 г. винтовка была изготовлена и испытана. При стрельбе боевыми патронами она не действовала. Автор объяснял неудачу конструктивными недоделками. Тем не менее, она представляла определенный интерес и, как писал полковник Дмитриевский, заведующий Образцовой мастерской: “Сделанная им (Стогановичем) еще не показывает невозможности применения его принципа для автоматического оружия”²⁸. До са-

мой войны на выделенные ГАУ 700 руб. продолжалась на заводе работа по изготовлению более совершенной модели винтовки Стогановича.

В апреле 1913 г. токарь Инструментальной мастерской Н. Щукин обращается к начальнику завода с просьбой разрешить ему производить стрельбу из изготовленной им автоматической винтовки. Как уже говорилось выше, Н. Щукин сделал первый образец своей винтовки еще в 1908 г. К 1913 г. он сделал уже третью модель, которая имела “неподвижный ствол, закрытую коробку, вращающийся и закрывающийся механизм, работающий на сжатие, а не на разрыв металла, наружный курок с предохранителем на нем и неподвижную рукоятку затвора во время стрельбы”²⁹. Она была забракована по той же причине, что и винтовка Рошпепей: “из-за большой чувствительности к загрязнению и запылению”.

Не оставляет попыток создать пригодный для армии образец и Я. Рошпепей. Отказавшись от переделочной системы, в свободное время он конструирует и изготавливает полностью оригинальную винтовку с автоматикой, основанной на ходе ствола. Он представляет ее в Комиссию 11 ноября 1913 г. Винтовка была изготовлена в домашних условиях, поэтому у нее отсутствовал магазин. Она была испытана одиночными выстрелами, и испытания показали, что автоматика работает. Особенно подкупила членов комиссии простота устройства и замечательно малое количество частей винтовки³⁰. Поэтому 18 января 1914 г. последовало распоряжение ГАУ “дать мастеру Рошпепею возможность доделать представленную модель винтовки, пользуясь механическим оборудованием завода”. На это выделялось 300 рублей и до 1000 патронов³¹.

Из вышеизложенного видно, что перед началом войны кроме винтовки Федорова и Токарева, работа над которыми не прекращалась с 1911 г., на заводе стали отрабатывать конструктивно еще две системы, авторами которых были работавшие на заводе Стоганович и Рошпепей. Еще одну систему ее автор Щукин продолжал дodelывать дома. Надо сказать, что положение конструкторов на заводе было различным. На привилегированном положении находились Федоров и Токарев, прикомандированные ГАУ к заводу со специальной целью и непосредственно заводу не подчинявшиеся. Правда, и Рошпепей был прикомандирован в

свое время к заводу с такой же целью, но об этом и в ГАУ, и на заводе все давно уже позабыли. Работники завода могли рассчитывать на помощь лишь после вмешательства ГАУ, да и эта помощь была в пределах 300 рублей и 1000 патронов. Правда, надо заметить, что Федоров бывал на заводе редко и сам своей винтовки не делал. Он не оставлял своей основной работы в ГАУ. Поэтому, например, в 1912 г. он приезжал на завод в августе 2 раза, в сентябре — 4 и в октябре — 4 раза³². Конечно, это должно было вредить делу разработки образца. Но Федоров работал в тесном сотрудничестве с замечательным мастером В.А. Дегтяревым, через руки которого прошли все образцы оружия, созданные Федоровым. Сплав научного подхода к конструированию и мастерства Дегтярева обеспечили успех федоровской винтовки в творческом соревновании с Токаревым, который сам конструировал и сам же изготавливал свою винтовку.

Итак, в предвоенные годы на Сестрорецком оружейном заводе были созданы две системы автоматических винтовок, представленных на войсковые испытания. В то же время на заводе или в домах рабочих завода разрабатываются еще три системы, так же заслуживающие определенного внимания.

Война, разразившаяся в 1914 г., прервала эту работу. Неправильно понятое требование момента, ошибочные, как оказалось, взгляды на сроки и ход войны породили известное постановление военного министра, по которому все работы над автоматической винтовкой были прекращены в первый же день мобилизации. Все конструкторы были лишены возможностей продолжать свою работу даже в свободное время. Токарев отправился на фронт, Федоров с началом войны был в постоянных разъездах в поисках оружия, у Рошпепей отобрали винтовку “как казенное имущество” и заперли в магазин Образцовой мастерской.

Только к весне 1916 г. в стране созрели условия для возобновления работ над автоматическим стрелковым оружием, но уже не в плане конструкторских разработок, а в плане промышленного производства.

В начале войны русскому, да и не только русскому командованию казалось, что война будет короткой и маневренной. Поэтому надеялись вести войну лишь мобилизационными запасами, а всякие разработки нового оружия отложить до конца войны. Как известно, физи-

ческая убыль винтовок и другого вооружения и снаряжения оказалась настолько большой, что их запасов хватило лишь на два—три месяца, а сроки окончания войны отодвинулись в “область бесконечного”. Не оправдались надежды и на маневренный характер войны. Войска почти сразу же зарылись в землю, окопы оцетинились колючей проволокой, поле боя опустело. Армия встала перед “позиционным тупиком”.

К весне 1916 г. “винтовочный голод” в значительной мере пошел на убыль. В 1915 г. в России было изготовлено 739 446 и отремонтировано 119 208 винтовок³³. К тому же было закуплено за границей и захвачено в виде трофеев порядка 2,5 млн различных винтовок. Это дало возможность отвлечь часть мощностей заводов и для решения других задач: изготовления различных артиллерийских приборов, взрывателей, инструментов.

Если “винтовочный кризис” можно было считать преодоленным, то “позиционный тупик” продолжал быть “головной болью” военных теоретиков. Не просматривалось никакой реальной перспективы его преодоления. Ясно было лишь, что следует разрабатывать новые виды оружия, и прежде всего — наступательного. В области пехотного вооружения требовалось немедленно и радикально увеличить огневую мощь пехоты. Ведь при атаке, после ее инженерной подготовки, когда окопы сторон сближались до 20—300 шагов, штатная винтовка теряла свои достоинства — дальнюю точность боя на больших дистанциях. На первый план выходили ее недостатки, до этого незамечаемые: уже недостаточная скорострельность и большие габариты, мешавшие быстрому переносу огня. Это положение усугублялось малой маневренностью в общем-то хорошего станкового пулемета Максима, состоящего на вооружении почти всех воюющих армий, в том числе и русской. Ручные пулеметы, только появившиеся тогда в армиях союзников России в сколько-нибудь заметном количестве, не решали кардинально проблемы, так как были все же не основным оружием бойца, а придаваемыми подразделению.

Эти обстоятельства и обусловили особенности нового этапа разработки образца индивидуального стрелкового оружия в России, который начинается весной 1916 г. Проблема была настолько острой, что ГАУ решается на целый ряд экстраординарных шагов. Происходит не просто возвращение к остановленным в 1914

г. работам, а попытка немедленно наладить валовое производство имеющегося под рукой сколько-нибудь пригодного образца. До этого же предлагалось собрать из довоенного задела столько автоматических винтовок и тех систем, сколько получится и какие есть, и немедленно выдать их в войска. Весной 1916 г. эта работа начинается на Сестрорецком заводе. Сюда снова прикомандировывают Токарева и Федорова. К апрелю 1916 г. на заводе собирают первые 49 винтовок Федорова и 10 винтовок Токарева из задела³⁴. Из этой работы, не без интриг со стороны администрации завода, ГАУ исключает Рощепя с его винтовкой. Да и участие в ней Токарева ограничивается лишь сборкой его винтовок из задела. Т.о. дальнейший процесс разработки образца автоматического оружия ограничился работой над образцом Федорова. Дело в том, что В.Г.Федоров наиболее полно, пожалуй, учел обстановку, в которой происходило возвращение к разработке образца, а также требования момента. Если Рощепей и Токарев предлагали принять к производству свои довоенные образцы, то Федоров коренным образом переделал свою винтовку обр. 1912 г. калибра 6,5 мм. На ее базе создается принципиально новый тип стрелкового оружия, получивший позднее, по предложению тогдашнего начальника Ораниенбаумской Высшей офицерской стрелковой школы ген.-лейтенанта Филатова, наименование автомат. От винтовки обр. 1912 г. автомат обр. 1916 г. отличался практически лишь магазином и патроном. Магазин был теперь не постоянный, а приставной на 50 патронов с шахматным расположением. Автомат мог заряжаться и как винтовка — из обоймы. Он имел специальный переводчик режима огня с самозарядного на автоматический. Этот переводчик должен был выдаваться в качестве поощрения лишь лучшим стрелкам, в отношении которых можно было быть уверенным, что они не выпустят зря все патроны и не перегреют тонкий автоматический ствол, что вело к неэкстракции гильзы и задержке.

Как известно, винтовка обр. 1912 г. разрабатывалась под специальный патрон улучшенной баллистики калибра 6,5 мм. Ввиду невозможности наладить в России массовое производство таких патронов в условиях военного времени, а штатный патрон от винтовки обр. 1891 г. использовать было нельзя в силу конструктивных особенностей этого патрона, Федо-

ров переделывает автомат под японский патрон того же калибра от винтовки Арисака. На первый взгляд, могло показаться, что использование этого патрона должно было затруднить снабжение войск боеприпасами. На самом же деле это, пожалуй, даже облегчало этот процесс. Дело в том, что на вооружении русской армии к этому времени находилось 728 тыс. винтовок Арисака и использование их патронов в автоматах вместо специальных уменьшало номенклатуру боеприпасов.

Возможности автомата качественно повысить мощь пехотного огня и объясняют внимание ГАУ к этому оружию и неожиданно высокую активность по налаживанию его производства.

С июня 1916 г. автомат Федорова занимает преобладающее место в планах ГАУ, а значит и Сестрорецкого завода, по вооружению армии автоматическим оружием. Но завод, перегруженный сверх меры не только коренным нарядом на изготовление 3-мл винтовок, но и всякого рода предметов артиллерийского снабжения, оказывается не в состоянии быстро развернуть производство нового оружия. Поэтому 16 сентября 1916 г. ГАУ распоряжается об отправке в Ораниенбаумскую Высшую офицерскую стрелковую школу всех недоделанных частей «к автоматическим винтовкам и ружьям-пулеметам (автоматам. — М.Я.) генерал-майора Федорова»³⁵. Окончательно выбор образца ГАУ состоялся 21 октября 1916 г., когда 5 отдел ГАУ представил свое заключение по этому поводу. В нем говорилось:

“5 отдел... считает, что изготовление автоматических ружей-пулеметов следует производить под японский патрон по следующим соображениям:

1) Образец... уже существует и испытан...

2) Переработка образца под русский патрон... потребует сравнительно продолжительного времени, причем нет уверенности, что не встретится серьезных затруднений. Что же касается прежнего трехлинейного образца автоматической винтовки (испытан в 1912 г.), то таковой значительно уступает малокалиберному образцу автоматического ружья.

3) Такой легкости, компактности и устройства магазина на 50 патронов... совершенно невозможно будет достигнуть при переделке под русский патрон.

4) На основании проводившихся еще до войны опытов, решено было отказаться при но-

вом перевооружении от патронов со шляпкой... то винтовка будет мало отличаться от винтовки под японский патрон.

5) В виду значительного количества у нас японских винтовок... питание ружей-пулеметов... будет обеспечено”³⁶.

В тот же день, когда было составлено это заключение, т.е. 21 октября 1916 г., ГАУ отправляет на Сестрорецкий завод телефонограмму с требованием приступить к организации работ “по установке на заводе производства автоматических винтовок генерал-майора Федорова”³⁷. Необходимо заметить, что произошла путаница в названиях: «автоматических винтовок» вместо «ружей-пулеметов». Этот казус характеризует как неустоявшуюся терминологию в отношении типов автоматического оружия, как и ту почти паническую поспешность и подчас противоречивость, которые отличают действия ГАУ, относящиеся к автоматам Федорова, начиная с этого времени. 23 октября 1916 г. на Сестрорецкий завод поступает официальное предписание ГАУ, где кроме указаний о немедленном начале работ, поначалу даже “полукустарным” способом, о составлении требований о “потребных кредитах” и прочем, в частности говорится: “... 4) С целью скорейшей установки фабрикации означенной автоматической винтовки разрешается уменьшить подачу трехлинейной винтовки до 10000 в месяц”³⁸... Это из ряда вон выходящее разрешение характеризует то значение, которое ГАУ придавало делу производства автоматов. 30 октября 1916 г. ГАУ присылает на завод разъяснение, что всего предполагается изготовить 15 тыс. автоматов³⁹. На основании этого ВРИД начальника завода Дмитриевский 2 ноября 1916 г. распоряжается о выдаче наряда на изготовление этого количества «ружей-пулеметов» Федорова⁴⁰. Только теперь выясняется путаница с названиями, т.к. слова “ружья-пулеметы” написаны от руки вместо зачеркнутого “автоматические винтовки”. На заводе организуется специальная пулеметно-сборочная мастерская, куда откомандировывается 21 мастерской.

Весной и летом 1917 г. продолжается работа по установке производства автоматов. Но к осени становится ясно, что завод в силу перегруженности другими заказами, не в состоянии решить задачу без увеличения производственной мощности. Постановка же станков из-за границы задерживалась. Освободить же завод

от других заказов не представлялось возможным. Попытки передать заказ на автоматы на завод «Айваз» не удались в силу технологической неподготовленности русских частных заводов общего машиностроения к выпуску такой специфической продукции. Требовалось найти выход из сложившегося положения. Такой выход был найден в переносе производства автоматов на строящийся новый Ковровский оружейный завод. Этот завод начал строиться в 1916 г. на концессионных началах датской фирмой «Мадсен» для выпуска ручных пулеметов этой фирмы. К осени 1917 г. еще ни один пулемет выпущен не был и, очевидно, было решено налаживать производство автоматов и пулеметов параллельно. В Ковров из Сестрорецка отправляются чертежи, заготовленный металл, комплекты инструмента и т.д. Вместе с материалами в Ковров для налаживания производства уезжают и рабочие. Среди них были представители известных династий сестрорецких оружейников Фирфаровых и Кочергиных.

Из изготовленных до войны частей было собрано 50 автоматов, которые отправили в Ораниенбаум для вооружения Автоматной роты 189-го Измайловского полка, отправляющейся на Румынский фронт.

Установка производства в Коврове оказалась не простым делом. Федоров прибыл в Ковров 6 марта 1918 г. в качестве технического директора нового завода. Но как выяснилось, завода по существу еще не было. Два недостроенных корпуса, разрозненные станки и приспособления, не стыкующиеся в единую технологическую цепочку, запутанное финансовое положение — вот что застал он на месте. Попытки Федорова спасти положение ни к чему не привели. К тому же обстановка первых послереволюционных месяцев не способствовала плодотворной работе по организации производства оружия. Короче, завод 21 марта 1918 г. был временно закрыт, а оставшийся персонал в количестве 60 человек был занят переработкой чертежей с дюймовой системы в метрическую. В

июне 1918 г. завод получает первый кредит для подготовки выпуска автоматов, и с этого времени начинается эпопея установки производства на недостроенном заводе в условиях хаоса начавшейся гражданской войны.

После двух лет, наполненных драматическими событиями: арестами, реорганизациями, национализациями, пожаром, уничтожившим большую часть завода, — в июле 1920 г. были получены первые автоматы валового производства. В 1920 г. всего их было изготовлено около 100 штук. Постепенно темп их производства возрастал и вскоре дошел до 50 штук в месяц. Но это совпало с окончанием гражданской войны, когда отношение к производству оружия резко изменилось. В 1924 г. принимается решение прекратить производство и проектирование оружия иных, кроме 7,62 мм, калибров. Поэтому в 1925 г. автомат Федорова снимается с производства. Но на вооружении он еще оставался, в частности, в элитных частях Красной Армии. Последней частью, сдавшей его в арсенал в 1928 г., был Московский полк Пролетарской дивизии.

Так завершилась первая попытка создания и принятия на вооружение образца индивидуального стрелкового автоматического оружия. Дальше будут мучительные поиски конструкции самозарядной винтовки под винтовочный патрон обр. 1907 г., драматические события, связанные с созданием пистолетов-пулеметов, и, наконец, возвращение к автомату как типу оружия в 1947 г.

Несмотря на снятие автомата с вооружения в 1925 г., работа над ним не прошла даром. Более того, в ее процессе родилась теория автоматки и системы стрелкового вооружения пехоты, практически сформулированные Федоровым в 1912—1914 гг. И то, что на практике они воплотились лишь в 60-е гг., произошло не от того, что они обогнали свое время, а в силу субъективных причин, корни которых лежат в политической истории нашей страны.

Примечания

¹ Ленинградский Государственный Исторический Архив Санкт-Петербурга (ЛГИА СПб), ф.1290, оп.1, д.3027, л.1.

² Там же, л.1.

³ ЛГИА СПб, ф.1290, оп.1, д.147, л.38.

⁴ Там же, д.3208, л.6.

⁵ Там же, д.818, лл.76 (об.), 77.

⁶ Там же, д.88, лл.1,3.

- ⁷ Там же, л.4.
- ⁸ Федоров В.Г. Оружейное дело на грани двух эпох (Работы оружейника 1900—1935 гг.). Изд. Артиллерийской академии РККА им.Дзержинского. Ч.1. Л., 1938. С.97; Мышковский Е.В. Русское автоматическое оружие (Работы русских оружейников 1887—1912 гг.) // Сб. исследований и материалов артиллерийского исторического музея. Вып. III. Л., 1958. С.202.
- ⁹ ЛГИА СПб, ф.1290, оп.1, д.88, л.12; д.3178, л.5.
- ¹⁰ Там же, д.88, л.10; д.3178, л.1 и об.
- ¹¹ Там же, д.3027, л.135.
- ¹² Там же, д.3178, л.21; д.188, л.1.
- ¹³ Там же, д.3178, л.23.
- ¹⁴ Там же, л.24.
- ¹⁵ Там же, л.27; д.188, л.4.
- ¹⁶ ЛГИА СПб, ф.1290, оп.1, д.823, л.40.
- ¹⁷ Там же, д.818, л.76.
- ¹⁸ Например, Байцуров, возражая Федорову, отстаивавшему идею уменьшения калибра в автоматическом оружии, писал: “Основное достоинство малого калибра вес, но он не важен для крепостных, осадных парков, инженерных войск и кавалерии”. Там же, л.78.
- ¹⁹ Там же, л.18.
- ²⁰ ЛГИА СПб, ф.1290, оп.1, д.264, лл.4—6; д.823, лл.47—50.
- ²¹ Шайдено А.Я. Анализ конструкторских работ Ф.В.Токарева раннего периода // Труды Тульского механического института. Вып.5. М., 1951.
- ²² ЛГИА СПб, ф.1290, оп.1, д.264, л.6.
- ²³ Подробнее о патроне Федорова, его разработке, отличии от японского патрона того же калибра, исследованиях в области выбора оптимального патрона для автоматики см.: Федоров В.Г. Оружейное дело на грани двух эпох. Ч.1. Л., 1938. Гл.10. С.135—155; его же: Эволюция стрелкового оружия. Ч.II. М., 1939. С.130.
- ²⁴ ЛГИА СПб, ф.1290, оп.1, д.818, л.22.
- ²⁵ Там же, л.84.
- ²⁶ ЛГИА СПб, ф.1290, оп.1, д.821, л.4.
- ²⁷ Там же, д.814, л.56.
- ²⁸ Там же, д.823, л.33.
- ²⁹ Там же, лл.39—40.
- ³⁰ ЛГИА СПб, ф.1290, оп.1, д.292, л.2.
- ³¹ Там же, л.1.
- ³² ЛГИА СПб, ф.1290, оп.1, д.818, л.108.
- ³³ Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну 1914—1918 гг. Изд.3. М., 1937. С.271.
- ³⁴ ЛГИА СПб, ф.1290, оп.1, д.347, лл.1—4.
- ³⁵ Там же, л.23.
- ³⁶ ЛГИА СПб, ф.1290, оп.1, д.348, лл.14,15.
- ³⁷ Там же, л.5.
- ³⁸ Там же, лл.6,7.
- ³⁹ Там же, л.11.
- ⁴⁰ Там же, л.10.

Новое об инциденте в Майниле (Малоизвестные страницы истории советско-финляндской войны 1939—1940 гг.)

Предлагаемый вниманию читателя материал является фрагментом рукописи (5 п. л.), подготовленной К. М. Александровым и представляющей собой свод очерков по истории советско-финляндской войны. Опираясь на ранее недоступные исследователям данные (архивные материалы, частные свидетельства и др.), автор стремится приподнять “завесу таинственности” над некоторыми по-прежнему дискуссионными аспектами тех драматических событий.

“По сообщению штаба Ленинградского Военного Округа 26 ноября в 15.45 наши войска, расположенные в километре северо-западнее Майнилы, были неожиданно обстреляны с финской территории артогнем. Всего финнами было произведено 7 орудийных выстрелов: убиты три красноармейца и один младший командир, ранены 7 красноармейцев, один младший командир и один младший лейтенант”¹.

Это сообщение центральных советских газет предопределило, по мнению многих историков, кризис между Финляндией и СССР, который вылился через 4 дня в агрессивную войну Советского государства. Вот уже более 50 лет ученые всего мира, занимающиеся “зимней войной”, ведут бесконечные дискуссии о том, кто и с какой целью совершил артиллерийский обстрел Майнилы. В связи с тем, что до сих пор ни в Финляндии, ни в Советском Союзе не обнаружены документы, окончательно пролившие бы свет на этот “второй Гляйвиц”, автору пришлось провести собственное расследование, сопоставить различные факты и свидетельства, дающие окончательный ответ на вопрос о том, кто несет ответственность за майнильскую провокацию и последующие события.

В мировой печати известно лишь одно свидетельство, которое якобы подтверждает сообщение советской прессы от 27 ноября 1939 г. 14 июня 1940 г. в шведской газете «Ню Даг» было помещено интервью одного из финских солдат анонимного характера. Он утверждал: “Ребята, находившиеся на передовом участке, а там была наиболее агрессивная группа, решили послать большевикам привет: они выстрелили, это дало повод к началу войны”. В подтверждение вышеуказанного интервью говорит и документ из архивов ЦГАСА: донесение от командарма 2-го ранга К. Мерецкова и корпусного комиссара Мельникова по поводу случившегося Сталину, Молотову и Ворошилову. Оно датировано 26 ноября и сообщает факты, приведенные позже ТАСС³. Но сам Мерецков в своих мемуарах «На службе народу» об этом не упоминает, что дает основание предположить, что это донесение было составлено уже задним числом⁴.

Противников ответственности Финляндии за инцидент условно можно разделить на две части: тех, кто считает, что никакого обстрела не было вообще и сообщение ТАСС не что иное, как пропагандистская выдумка, и тех, кто считает, что вся операция была организована НКВД.

Например, бывший директор Института военной истории Дмитрий Волкогонов заявил следующее финскому журналу «Суомен Кувалехти»: «Я почти уверен, что Майнилу никогда не обстреливали. Нужен был лишь повод для начала войны»⁵. Упоминание о выстрелах 26 ноября содержится лишь в документах 68-го стрелкового полка 70-й стрелковой дивизии 7-ой армии. Но журнал 68-го полка был составлен уже после окончания боевых действий в марте 1940 г. В аналогичном журнале за октябрь—ноябрь 1939 г. никаких сведений о выстрелах нет⁶. Более того, сообщение в штаб ЛенВО от начальника штаба 19-го стрелкового корпуса 25 ноября 1939 г. подтверждает отсутствие финских частей в непосредственной близости от Государственной границы⁷. Наконец, автору удалось разыскать последнего жителя Майнилы, ибо самого населенного пункта давным-давно не существует (в ноябре 1939 г. от него остался один дом), и этот человек рассказал мне о ноябрьских днях 1939 г., согласившись оставить свои воспоминания на магнитофонной ленте. Итак,

Рассказ Пухова Николая Ефимовича, записанный автором в апреле 1990 г. в Ленинграде.

«Я, Пухов Николай Ефимович, родился в семье украинского крестьянина. В 1931 году всю мою большую семью переселили как семью кулака на Карельский перешеек после коллективизации. Постоянного дома у нас не было, и мы жили, кочуя по разным брошенным финским хуторам вдоль границы с Финляндией — Майнила и Айникюля. В конце ноября 1939 года мы жили в Майниле, и весь ноябрь к границе гнали и гнали войска, размещая их в этих же хуторах и окрестных лесах — ими было забито буквально все. И вот, мы тогда с ребятами бегали к красноармейцам: там всегда вначале политрук выступит, а затем кино какое-нибудь показывали... Тогда политрук сказал, проводя политинформацию, что 26 числа финны, такие-сякие, обстреляли наши войска здесь, рядом с Майнилой и есть убитые и раненые. Мы страшно удивились: потому что до начала войны с финнами и дни, и ночи были очень спокойными: никаких выстрелов мы не слышали! И вот на следующий день мы побежали к пограничникам, их тоже очень много было, мы их давно знали, и как бы даже дружили. Спросили

у них про обстрел. А пограничники такие молодые ребята, крестьянские видно, взрослым бы они, конечно, ничего не сказали, а мальчишкам... ну что же, можно... Так вот, они посмеялись только, и сказали, что ни про какой обстрел они ничего не слышали и не видели, никаких выстрелов с финской территории не было...»⁸.

Со свидетельством Пухова солидаризуется другой очевидец: Михаил Ефимович Ивин, в период финской кампании боец взвода связи 168-го полка 24-й стрелковой дивизии. 24—26 ноября 1939 г. Ивин со своим полком находился в майнильском районе: по его словам, никаких выстрелов или взрывов ни он, ни его однополчане не слышали и узнали о провокации 26 ноября только из советской печати⁹. Кроме всего вышесказанного, необходимо добавить еще одну деталь. В ленинградском медицинском архиве существуют ВСЕ истории болезней раненых и обмороженных, поступивших с финского фронта и находившихся на излечении в ленинградских госпиталях, но вот историй болезней раненых, поступивших в период с 25 по 30 ноября 1939 г. НЕТ.

Но аргументы другой стороны не менее вески. В первую очередь, это, конечно, свидетельство Маннергейма, заявившего следующее: «Финские пограничники подтвердили, что место происшедших взрывов находилось в 800 метрах от линии границы на открытом месте рядом с деревней Майнила... Выстрелы были произведены с расстояния 2—2,5 км со стороны России. Наблюдения пограничников были зафиксированы в дневниковом журнале»¹⁰.

В конце-концов даже в ноте Финляндии, о которой речь пойдет ниже, приводятся данные расследования финской комиссии, которые как бы подтверждают сам факт обстрела. Авторитетное свидетельство приводит Измаил Ахмедов, бывший майор Генерального штаба РККА: «26 ноября 1939 г. ... полковник вернулся от одного из старых друзей, служившего в штабе округа.

Слегка возбужденный, он подошел ко мне и еще нескольким слушателям в вестибюле и сказал: «Так, товарищи, по приказу из Москвы наша артиллерия обстреляла наши собственные войска на Карельском перешейке. Завтра начинается война, а сегодня вечером мы все уже будем распределены по военным частям. «Протест» финнам уже направлен, их обвиняют в нападении на нашу страну. Забавно?»...

Позднее я сам видел в секретном отчете, что нападение было совершено нами, а не финнами... Быстрый и короткий артиллерийский обстрел окончился так же внезапно, как начался. Стреляло семь советских батарей. Четыре советских солдата были убиты, многие ранены...¹¹.

Историки Николай и Владимир Барышниковы, живущие в Санкт-Петербурге, в своем очерке «Зимняя война»¹² прямо не указывают виновников, осторожно приводя разные суждения, но признают, что в финляндской печати появилось заявление одного из бывших военнослужащих РККА, проживающего в США, о том, что выстрелы были произведены советской артиллерией¹³.

Казалось бы этот спор можно продолжать без конца. Но вот в феврале—марте 1991 г. петербургский историк, военный моряк в отставке, Игорь Бунич опубликовал в газете «Зеленогорский вестник» серию материалов, посвященных финской кампании. Они интересны не столько изысканиями автора, сколько многими неизвестными доселе фактами. В частности, Бунич встречался в 1985 г. с генералом КГБ в отставке Окуневичем, скончавшимся в 1986 г. В 1939 г. Окуневич находился в чине майора НКВД и командовал группой, совершившей артиллерийский обстрел Майнилы. В группе Окуневича находилось 15 человек. Окуневич рассказывал, что их направили на Карельский перешеек с приказом испытать действие нового секретного снаряда, указав точное место стрельбы, а также направление, углемер и прочее. Команду Окуневича сопровождали два специалиста “по баллистике”, прибывшие из Москвы. По словам Окуневича, было выпущено не 7, а 5 снарядов¹⁴. Таким образом, Бунич приводит самое важное свидетельство, указывающее на истинного организатора провокации.

Возлагает вину за обстрел на СССР и А.Г.Донгаров — второй секретарь Историко-дипломатического Управления МИД СССР: “С учетом установки Сталина на войну, данной на военном Совете (Военный Совет штаба ЛенВО был 17 ноября — К.А.) ... все выглядит логичным и ясным: пограничные войска НКВД создали предлог для обострения отношений между двумя странами и, в конечном итоге, для начала военных действий. Никаких документальных данных, свидетельствующих о том, что выстрелы прозвучали по советскую сторо-

ну границы, у историков пока нет. Однако в таких случаях древние советовали задаваться вопросом: «Кому это выгодно?». Ясно, что не Финляндии...”¹⁵. Таким образом, все точки над “и” оказываются расставленными, особенно если принять во внимание дальнейшее развитие событий.

В своей статье советский историк-дипломат задает вопрос тем, кто не верит с безапелляционным нажим Москвы на Хельсинки осенью 1939 г.: “С момента инцидента до перехода советскими войсками финляндской границы прошло три с половиной дня. Был потерян фактор внезапности, столь важный для перехода в наступление. Ради чего?”¹⁶ Три с половиной дня с 15.45 26 ноября до 8.00 30 ноября советскому правительству понадобилось для того, чтобы ЗАСТАВИТЬ свободолюбивых финнов пойти на компромисс с Москвой, а фактически — включить Суоми как Эстонию, Латвию и Литву в свою политическую орбиту “мягким путем”. За всю семидесятичетырехлетнюю историю существования “Первого пролетарского государства” Москва в обращении с менее сильными народами никогда не утруждала себя изысканными намеками. Кроме того, бомбардировка Хельсинки грубыми советскими требованиями вполне сочеталась с докладной запиской посла Деревянского, о которой уже говорилось.

Рядом с сообщением о “наглой провокации финляндской военщины” 26 ноября 1939 года советская пресса и поместила Ноту протеста правительства СССР за подписью Вячеслава Молотова¹⁷.

Из ноты Советского правительства по поводу провокационного обстрела советских войск финляндскими войсковыми частями

26 ноября 1939 г.

“...По сообщению Генерального штаба Красной Армии, сегодня, 26 ноября, в 15.45 наши войска, расположенные на Карельском перешейке у границы Финляндии, около с.Майнилы, были неожиданно обстреляны с финской территории артиллерийским огнем.

...Советское правительство, ставя об этом Вас в известность, считает нужным подчеркнуть, что оно уже ... указывало на опасность, которую создает сосредоточение большого количества регулярных финляндских войск у са-

мой границы под Ленинградом. Теперь, в связи с фактом... обстрела, ...Советское правительство вынуждено констатировать, что сосредоточение финляндских войск под Ленинградом... представляет на деле враждебный акт против СССР.

Советское правительство *НЕ НАМЕРЕНО* [курсив мой. — К.А.] раздувать этот возмутительный акт нападения со стороны частей Финляндской армии...

Ввиду этого Советское правительство, заявляя решительный протест, предлагает Финляндскому правительству незамедлительно отвести свои войска подальше от границы на Карельском перешейке — на 20—25 км и тем самым предотвратить возможность повторных провокаций...

В.Молотов"

В отличие от своего германского партнера, Сталин поступил умнее. Равно, как и Гитлер мечтал оккупировать Польшу, так и Сталин желал передвинуть Государственную границу к Ботническому заливу. Гитлер создал предлог для вторжения в Польшу и НЕМЕДЛЕННО реализовал замысел. А Сталин не желал быть отождествляем с фюрером; перед тем, как "раздавить" непокорных соседей, самый верный ленинский ученик возжелал продемонстрировать еще и "мирные" устремления Москвы и постоянные "попытки" Хельсинки нарушить мир на северо-западных рубежах. Таким образом, Кремль создал по сей день живущий миф о "нападении Финляндии на СССР" и "настойчивых попытках советского руководства предотвратить войну".

Внимательное прочтение тех или иных документов того периода позволяет утверждать, что уже 27 ноября вопрос о войне фактически был решен, и агрессор ждал лишь ответа финнов, чтобы обвинить их во "враждебности".

В пользу вышесказанного говорит следующий документ, служащий прекрасной иллюстрацией двуличности и лживости внешней политики Советского Союза.

**Из директивы Политуправления
ЛенВО начальникам политуправлений
армий, военкомам и начальникам
политотделов соединений**
27 ноября 1939 г.

"Финляндское правительство явилось игрушкой в руках английских империалистов, ведет линию на развязывание войны с СССР...

Правительство Финляндии отказалось заключить договор с СССР, мобилизовало армию, направило ее к границе СССР и ведет бешеную кампанию против "москалей".

Эстония, Латвия и Литва заключили с Советским Союзом Договор о Взаимопомощи, тем самым обеспечена защита границ СССР и этим государствам, их национальная независимость и суверенитет... [курсив мой. — К.А.]

Сейчас провокация финляндского правительства приняла особенно широкие размеры, угрожает Ленинграду и ведет к войне против СССР...

В связи с оперативным приказом Военного Совета округа, Политическое управление объявляет вас:

1. Разъяснить всему личному составу внешнюю политику СССР, цели и задачи, поставленные правительством перед частями нашего округа и **МОБИЛИЗОВАТЬ БОЙЦОВ, КОМАНДИРОВ И ПОЛИТРАБОТНИКОВ НА ЧЕТКОЕ ВЫПОЛНЕНИЕ БОЕВОГО ПРИКАЗА И НА СОКРУШИТЕЛЬНЫЙ РАЗГРОМ ВРАГА.** (курсив мой — К.А.)

2. Разоблачать ложь финских и иных дипломатов, которые кричат, что Советский Союз хочет "советизировать" Финляндию, включить ее в состав СССР.

Начальник Политуправления
Ленинградского Военного округа
дивизионный комиссар
Горохов"18

Красноречивый документ, не правда ли?

Кремль настойчиво ждал реакции финнов на советскую ноту, и она последовала, приподняв завесу над выстрелами в Майниле, ибо советское руководство не ожидало предложения создать совместную советско-финскую комиссию, чтобы расследовать **СОБСТВЕННОЕ** преступление.

Из ноты правительства Финляндии
27 ноября 1939 г.

"...В связи с якобы имевшим место нарушением границы, Финляндское правительство в срочном порядке произвело надлежащее рас-

следование. Этим расследованием было установлено, что пушечные выстрелы, о которых упоминает Ваше письмо, были произведены не с финляндской стороны.

...На основании расчета скорости распространения звука от семи выстрелов можно было заключить, что орудия, из которых были произведены эти выстрелы, находились на расстоянии около 1,5—2 км на юго-восток от места разрыва снарядов... Представляется возможным, что дело идет о несчастном случае, происшедшем при учебных упражнениях, имевших место на советской стороне... Вследствие этого я считаю своим долгом отклонить протест, изложенный в Вашем письме, и констатировать, что враждебный акт против СССР, о котором Вы говорите, был совершен не с финляндской стороны...

Мое правительство... готово приступить к переговорам по вопросу об обоюдном отводе войск на известное расстояние от границ... Мое правительство предлагает пограничным комиссарам обеих сторон на Карельском перешейке совместно произвести расследование по поводу данного инцидента в соответствии с «Конвенцией о пограничных комиссарах», заключенной 24 января 1928 г...

А.С.Ирие-Коскинен¹⁹

Из ответа Советского правительства на ноту Финляндского правительства 28 ноября 1939 г.

«...Финляндское правительство отказалось выполнить требование, изложенное в ноте народного комиссара иностранных дел СССР от 26 ноября с.г. об отводе финляндских войск на 20—25 км от советско-финляндской границы. Больше того, оно *ИЗДЕВАТЕЛЬСКИ* [курсив мой. — К.А.] заявило, что отвод войск с финляндской стороны возможен лишь при условии, если Советский Союз отведет свои войска...

...Ответ правительства Финляндии... представляет документ, отражающий глубокую враждебность правительства Финляндии к Советскому Союзу и призванный довести до крайности кризис в отношении между обеими сторонами...

Отрицание факта артиллерийского обстрела... не может быть объяснено иначе, как желанием ввести в заблуждение общественное

мнение и поиздеваться над жертвами обстрела...

Советские войска не угрожают жизненным центрам Финляндии, ибо они отстоят от них на сотни километров, тогда как финские войска, расположенные в 32 км... от Ленинграда, насчитывающего 3,5 миллиона населения, создают для него непосредственную угрозу...

Сосредоточив под Ленинградом большое количество войск... правительство Финляндии совершило враждебный акт в отношении СССР...

Советское правительство вынуждено заявить, что с сего числа оно считает себя свободным от обязательств, взятых на себя в силу пакта о Ненападении, заключенного между СССР и Финляндией...

Народный Комиссар
Иностранных Дел Союза ССР
В.Молотов²⁰

29 ноября из Хельсинки были отозваны советские политические и хозяйственные представители. Выступивший по радио вечером 29 числа Молотов разъяснил “миролюбивую политику” Советского Союза, в частности заявив: “Необходимо, чтобы правительство Финляндии занимало в отношении СССР не враждебную, а дружественную позицию, что бы соответствовало интересам обоих государств... Народы нашей страны готовы и впредь оказывать помощь финляндскому народу в обеспечении его свободного и независимого развития...”²³ В тот же вечер Молотов вызвал финского посла Ирие-Коскинена, чтобы вручить ему официальную ноту о разрыве дипломатических отношений с Финляндией.

Коскинен пытался сообщить работникам НКВД СССР, что правительство Финляндии СОГЛАСНО выполнить требования СССР, отвести войска в одностороннем порядке от границы, и беспомощно протестовал против дипломатических шагов, предпринятых Советским Союзом, так как они противоречили статье 5 пакта о Ненападении, предусматривающей мирное решение вопросов, и протоколу 1934 г., по которому пакт не мог быть денонсирован до 1945 г. Но заместитель наркома иностранных дел Потемкин вежливо объяснил обескураженному послу Суоми, что нота Молотова ИСЧЕРПЫВАЕТ все вопросы, которые сто-

яли между Советским правительством и нынешним правительством Финляндии²².

Антифинляндская истерия в советской прессе достигла своего апогея. “Пусть же запомнят они, что если понадобится, РККА сумеет дать сокрушительный удар...”, “Если принудят к войне финские забияки, наш народ своей вооруженной силой, силой доблестной Красной Армии сомнет на пути всякие препятствия и добьется своей цели...”, “Никакая уг-

роза и провокация не устроят нас. Наша доблестная РККА, воспитанная на героических подвигах за дело партии, за дело народа, за коммунизм, непобедима!”²³

Согласно боевым приказам штабов 7-ой, 8-ой, 9-ой и 14-ой армий, на всю операцию отводилось от 19 до 21 дня. Приказы в соединения и дивизии начали поступать секретным порядком с 24 ноября 1939 г., за два дня до провокации в Майниле²⁴.

Примечания

¹ Правда. 1939. 27 ноября.

² Правда. 1949. 16 июня.

³ Аврора. 1990. №2. С.37.

⁴ Мерецков К.А. На службе народу. М., 1983. С.165.

⁵ Аврора. 1990. №2. С.37.

⁶ Неопубликованная статья по документам ЦГАСА, переданная в издательство «Посев» сотрудником ЦГАСА под псевдонимом “С.А.Королев” в 1991 году и любезно предоставленная издательством автору, л.2.

⁷ Там же.

⁸ Фонограмма в фонотеке автора.

⁹ Личный рассказ М.Е.Ивина автору.

¹⁰ Аврора. 1990. №2. С.37.

¹¹ Континент. №20. С.276—279.

¹² Барышниковы Н. и В. Зимняя война // Аврора. 1990. №2— 2.

¹³ Аврора. 1990. №2. С.37.

¹⁴ Зеленогорский вестник. 1991. №5. С.6.

¹⁵ Военно-исторический журнал. 1990. №3. С.45.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Правда. 1939. 7 ноября.

¹⁸ Пограничные войска СССР. 1939—1941. Сб. док. и мат-лов. М., 1971. С.55.

¹⁹ Правда. 1939. 28 ноября.

²⁰ Там же.

²¹ Борьба финского народа за свое освобождение. Л., Военно-морское издательство НКВМФ СССР. С.4—5.

²² Военно-исторический журнал. 1990. №3. С.46.

²³ Правда; Известия. 1939. 27—30 ноября.

²⁴ Центральный Государственный Архив Советской Армии (ЦГАСА). См. н—р., ф.34980, оп.5с, д.4, лл.3—4.

В.Б.Конасов, А.В.Терещук

Узники войны

(К истории иностранных военнопленных в России и СССР)

Публикуемый ниже материал принадлежит перу российских историков, кандидатов исторических наук В.Б.Конасова (Вологда) и А.В.Терещука (С.-Петербург), много лет занимающихся проблемами военнопленных, неоднократно печатавшихся в научной периодике как в России, так и за рубежом. В настоящее время ими подготовлена к изданию рукопись книги «Германские военнопленные в СССР: 1941— 1955 гг.» (18 п.л.), в которой, на основании главным образом архивных данных, рассматриваются многие малоисследованные аспекты этой интересной и актуальной темы.

Одной из интереснейших проблем, пока еще исследованных явно недостаточно, является проблема иностранных военнопленных, находившихся в России и Советском Союзе. История России, равно как и мировая история вообще, была, к сожалению, во многом историей войн. Закономерно, что независимо от исхода тех или иных военных действий в России периодически оказывалось некоторое количество подданных различных стран, которые находились в положении военнопленных.

В современном английском языке есть аббревиатура POWs, которой обозначаются военнопленные — “prisoners of war” — “узники войны”. Слово сочетание колоритное, точное, передающее драматизм судеб воинов, оказавшихся во власти неприятеля в период военного противостояния.

История плена восходит к глубокой древности, равно как и вся история человечества. Участь попавших в плен была тогда плачевной — их превращали в рабов, убивали, когда, обрекая победителей, они затрудняли движение войска. С течением времени пленных стали обменивать или выкупать, такая практика получила широкое распространение в XVIII столетии. Однако на протяжении многих веков положение пленных оставалось абсолютно бес-

правным, они совершенно не были защищены от произвола по отношению к себе. Впрочем, и мировая, и русская история знают примеры истинно рыцарского отношения к попавшим в плен. Весьма примечателен поступок русского царя Петра I в период Северной войны (1700—1721 гг.). Когда после 12-часового штурма крепости Нотебург (Орешек), стоившего русским немалой крови, осажденные шведы — подданные короля Карла XII — наконец, сдались, Петр не просто отпустил их, а позволил покинуть крепость на исключительно почетных условиях: со знаменами, вооружением и даже имуществом. Или другой пример: в 1794 г., во время русско-польской войны, знаменитый русский полководец А.В.Суворов захватил в плен после штурма Праги (на реке Висле) 12.860 человек, из которых 10 тысяч были ранены. Всем раненым была предоставлена свобода.

В военной истории мы без труда обнаружим факты, свидетельствующие о том, что и поверженный противник нередко по достоинству оценивал благородство победителя, проявленное в отношении военнопленных. Так русский генерал И.Н.Инаев, участник Итальянского и Швейцарского походов А.В.Суворова, Отечественной войны 1812 г. и последовав-

ших за ней Заграничных походов, в 1814 г. был удостоен французского ордена за гуманное отношение к оказавшимся в плену. Примечательно, что впоследствии, будучи “наблюдателем” за А.С.Пушкиным, отправленным в ссылку, И.Н.Инаев проявил к опальному поэту дружеское участие, снабжал книгами из своей библиотеки, добился выплаты Пушкину жалования, которого тот был лишен после высылки из Петербурга. В который раз убеждаешься — истинное благородство имеет “генетический” характер, оно не может быть избирательным, односторонним.

По мере того, как вооруженные конфликты, войны приобретали все более значительные масштабы, увеличивалось и количество военнопленных. Если в Средние века в плен попадали сотни, тысячи, крайне редко — десятки тысяч человек, то уже в XIX в., а тем более в XX, счет пошел на сотни тысяч и даже на миллионы несчастных, к которым оказалась неблагосклонной военная судьба. Так, во время франко-прусской войны 1870—1871 гг. пруссаки взяли в плен около 400.000 французов. В первую мировую войну количество пленных со стороны России составило 2,5 млн. человек, Германия же потеряла пленными 1 млн. и т.д. Но все “рекорды” в этом отношении побил вторая мировая война, ставшая для человечества поистине чудовищным бедствием. Общая численность военнопленных в 1939—1945 гг. даже по весьма приблизительным подсчетам составила астрономическую цифру — 35 млн. человек!

Такая печальная динамика обязывала здравомыслящую часть человечества задуматься над облегчением участи “узников войны”, установить их правовой статус. Исторической истины ради отметим, что попытки хотя бы в одностороннем порядке закрепить статус пленников предпринимались с давних пор. Подтверждение этому мы находим, к примеру, в правовых актах Русского государства, в наиболее выраженном виде — в «Артикуле Воинском» 1715 г. (в 1716 он вошел в Устав воинский сухопутный). Это был первый военно-уголовный и военно-процессуальный кодекс России, разработанный царем Петром I. В XIX в., по инициативе русского правительства, были разработаны несколько документов, в которых определялись правила обращения с иностранными военнопленными (например, «Положения» 1829 и 1854 гг.). В соответствии с этими доку-

ментами плененные русской армией турки, англичане, французы, итальянцы, австрийцы, венгры и др. пользовались многими правами (относительная свобода передвижения, медицинское обслуживание наравне с российскими военнослужащими, сохранение в неприкосновенности личного имущества и право вывезти его после освобождения из плена и т.д.).

Однако под защиту международного права военнопленные были взяты впервые лишь в 1864 г. Именно тогда, в середине XIX в., были подписаны важные международные соглашения, призванные запретить наиболее бесчеловечные способы и средства достижения победы над военным противником. Это Парижская декларация о морской войне (1856 г.), Петербургская декларация об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль (1868 г.). В контекст этих документов органично вписалась и Женевская конвенция 1864 г., подписанная десятью государствами. Правда, она защищала права лишь раненых и больных военнопленных, но вскоре были приняты новые документы, взявшие под защиту международного права уже всех военнослужащих и приравненных к ним, оказавшихся во власти неприятеля. Речь идет о Гаагских конвенциях 1899 и 1907 гг. А в 1929 г. в Женеве была подписана новая международная конвенция об обращении с военнопленными, которой должны были руководствоваться воюющие стороны в период приближавшейся второй мировой войны. К слову, эта конвенция, с учетом привнесенных впоследствии дополнений и уточнений, по сути дела действует и сегодня. Казалось бы, ситуация с правовой защитой военнопленных абсолютно ясна. Но, как это ни парадоксально, до сих пор для многих не вполне ясным, дискуссионным остается вопрос: чем объяснить неопределенность правового положения иностранных военнопленных, находившихся в СССР в 1941—1945 и в последующие годы? В равной мере не вполне ясен и правовой статус советских военнослужащих, оказавшихся в германском плену.

Ответ на поставленный вопрос дают исторические факты, касающиеся событий как предвоенного десятилетия, так и собственно второй мировой войны. Разумеется, тяжкая участь военнопленных была обусловлена множеством факторов и прежде всего тем, что сам характер советско-германского противостояния оказался исключительно ожесточенным.

Это противостояние имело свои политические, идеологические, национальные (расовые), религиозные, этические и иные аспекты. Но есть одно обстоятельство, которое до сих пор либо просто игнорируется, либо интерпретируется не всегда верно. Речь идет о том, распространились ли на Советский Союз условия упомянутой международной конвенции 1929 г.? Не касаясь вопроса о том, в какой мере СССР мог считать себя (и считал ли?) правопреемником прежней России в отношении подписанных ранее международных соглашений, посмотрим, что же произошло в 1929 г.

27 июля 1929 г. на Международной дипломатической конференции в Женеве были приняты два важных документа: во-первых, конвенция об обращении с военнопленными и, во-вторых, конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях. Полномочные представители почти сорока государств поставили под ними свои подписи. Однако подпись советского участника конференции отсутствовала, равно как отсутствовал на конференции и сам представитель СССР. Нарком по иностранным делам Г.В. Чичерин находился в те дни на лечении в Германии, а исполнявший его обязанности М.М. Литвинов по приказу Москвы покинул Женеву еще в середине мая. В результате оба международных соглашения были приняты без участия Советского Союза. Недоумевающей международной общественности нужно было каким-то образом объяснить предпринятый демарш, поэтому через несколько месяцев Исполком Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР сделал официальное заявление, выражавшее позицию советского руководства. В нем говорилось, что некоторые положения принятой конвенции о военнопленных не могут удовлетворить советскую сторону — низкая оплата труда, нерегламентированный рабочий день, отсутствие выходных дней для военнопленных и т.д. Как следствие, СССР заявил, что будет устанавливать режим плена *в соответствии со своим внутренним законодательством (!)*. Это заявление имело ярко выраженный демагогический характер, поскольку положение “собственных” узников лагерей в СССР уже тогда, в 1929 г., было ужасным.

Отказом Москвы подписать Женевскую конвенцию впоследствии воспользовалось руководство гитлеровской Германии. В 1941—1945 гг. в германском плену погибла почти по-

лови́на советских военнопленных. Причина столь высокого уровня смертности заключалась в том, что Германия не распространяла на советских военнопленных международный правовой режим. Налицо трагический “эффект бумеранга”.

В чем же причины столь странной (по крайней мере на первый взгляд) позиции советского руководства? Позволим себе высказать несколько соображений, с учетом того, что, конечно, существовал целый комплекс побудительных мотивов, которыми руководствовалась Москва. Прежде всего — это военная доктрина СССР, окончательно сформировавшаяся к концу 30-х гг., однако начавшая приобретать конкретные очертания как раз на рубеже 20-х—30-х. Суть ее была в том, чтобы любую войну вести на чужой территории и нести при этом минимальные потери, в том числе и пленными. Логика Сталина была, по всей видимости, такой: коль скоро будет мало советских военнопленных, то стоит ли брать на себя какие-либо обязательства в отношении чужих? Кроме того, Женевская конвенция предоставляла возможность любому государству через Международный Красный Крест оказывать продовольственную и иную помощь своим военнопленным. Очевидно, что в случае подписания конвенции, такое право получал и Советский Союз. Но трагедия заключалась в том, что в советском законодательстве еще со времен гражданской войны было закреплено категорически негативное отношение к “своим” военнопленным. Так статья 22 «Положения о воинских преступлениях» (1927 г.) фактически приравнивала факт попадания в плен к добровольному переходу на сторону противника, к предательству и влекла за собой расстрел с конфискацией имущества и санкциями против семьи¹. Это был чудовищный маневр не только в юридическом, но и в нравственном отношении. Если прежде в России военнопленные (причем, как “свои”, так и “чужие”) вызывали чувство сострадания, сопереживания, рассматривались как несчастные жертвы войны, то в эпоху Сталина к пленным — в первую очередь к “своим” — стали относиться как к изменникам.

Были, конечно, и другие причины и обстоятельства, делавшие тогдашнюю позицию советского руководства отнюдь не удивительной. Удивительно иное: до сих пор приходится сталкиваться с не имеющими под собой реальной

почвы утверждениями, что СССР якобы присоединился к конвенции о военнопленных, просто сделал это несколько позже других государств. Вопиющую фактологическую ошибку допустил, к примеру, «Военно-исторический журнал», который утверждает, что СССР будто бы присоединился к конвенции о военнопленных в 1931 г.² В качестве доказательства приводится текст декларации о присоединении Советского Союза к международной конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях (?!). Мало того, что автор публикации просто перепутал одну конвенцию с другой, он преподнес названную декларацию как архивную находку, хотя она еще в 1932 г. была официально опубликована³.

Таким образом, есть все основания утверждать, что к 22 июня 1941 г. Советский Союз пришел, не будучи связанным международным соглашением об обращении с военнопленными. Это обстоятельство сыграло роковую роль в судьбе миллионов наших соотечественников. Справедливости ради отметим, что уже в ходе начавшейся Великой Отечественной войны СССР в одностороннем порядке предпринял ряд шагов с целью установить правовой статус попавших в плен. Однако декларируемые гарантии распространялись фактически лишь на вражеских военнопленных, находящихся в СССР, положение же советских военнопленных по-прежнему оставалось бесправным.

Негативное отношение к собственным военнослужащим, оказавшимся в плену, в определенной мере распространялось и на иностранных военнопленных, режим содержания которых в советских лагерях был весьма тяжелым. А между тем, в период второй мировой войны и в первое послевоенное десятилетие на территории СССР находились в качестве военнопленных граждане едва ли не всех европейских (и не только европейских) государств, волею судьбы оказавшиеся на фронте, а затем в плену. Архивные документы проливают свет на судьбы военнопленных — граждан Германии, Италии, Бельгии, Австрии, Голландии, Франции, Финляндии, Венгрии, Чехословакии, Югославии, Румынии, Норвегии, Швейцарии, Люксембурга... История иностранных военнопленных в СССР содержит в себе немало тайн, интригующих, загадочных сюжетов.

К вопросам, которые представляются нам наиболее важными и интересными в пределах рассматриваемой темы, следует, очевидно, от-

нести: попытки СССР изменить правовые основы положения военнопленных в ходе начавшейся войны с Германией; условия жизни военнопленных в советском плену, закономерности их изменений как на различных этапах войны, так и в послевоенные годы; вербовка агентуры, подготовка разного рода функционеров из числа военнопленных; судебные процессы над военнопленными; закономерности и парадоксы сочетания двух встречных потоков — репатрируемых пленных и интернированных Советским Союзом граждан различных государств; духовное окормление военнопленных (религиозные аспекты жизни в плену) и т.д.

22 июня 1941 г. нападением Германии на Советский Союз началась одна из самых драматических фаз второй мировой войны. Уже первые дни советско-германского противостояния показали советскому руководству, что борьба предстоит жестокая и изнурительная и что надежды на легкое и быстрое отражение германского нападения беспочвенны. Огромные потери, понесенные Красной Армией уже в первую неделю войны (не только убитыми и ранеными, но и пленными), заставили Сталина вспомнить о правовых аспектах проблемы военнопленных. 1 июля 1941 г. правительство СССР утвердило «Положение о военнопленных». Его текст по радио, через листовки и иными способами был доведен до сведения германского командования. Фактически СССР в одностороннем порядке взял на себя обязательство следовать Женевской конвенции 1929 г. Однако вскоре Москва проявила явное нежелание выполнять взятые на себя обязательства. Это выразилось, к примеру, в том, что СССР отказался обменяться списками военнопленных, воспользовавшись услугами Международного Красного Креста, делегации последнего не были допущены в советские лагеря для военнопленных и т.д. Таким образом, правовой статус иностранных военнопленных в СССР остался весьма неопределенным, а это, в свою очередь, создавало почву для различных противоправных действий.

Сюжетом, настоятельно требующим серьезного, многопрофильного исследования, является история подготовки и проведения судебных процессов над военнопленными как в ходе продолжавшейся войны, так и после нее. Разумеется, этот сюжет может и должен рассматриваться в контексте общей ситуации с соблюде-

нием норм международного права воевавшими сторонами. А ситуация была, как выше уже отмечалось, отнюдь не однозначной. И Германия, и СССР постарались, насколько это было возможно, “развязать себе руки”, обеспечить в двусторонних отношениях некоторую свободу действий, выходящих за пределы международного правового режима. Это было достигнуто различными путями, в том числе взаимными дипломатическими демаршами, имевшими, по существу, провокационный характер. Характерна в этом отношении ситуация с нотами германского правительства от 11 и 12 июля 1941 г., в которых было испрошено согласие Советского Союза на дислокацию в Балтийском море и Северном Ледовитом океане немецких госпитальных судов. Ответ В.М. Молотова легко прогнозировался и, судя по всему, полностью соответствовал намерениям германской стороны⁴.

Москва же сама осложняла себе жизнь своей крайне непоследовательной политикой в области международного правового регулирования. Достаточно вспомнить, что когда США предложили СССР сделать разумный ход и подписать Женевскую конвенцию о военнопленных 1929 г., то советская сторона ответила, что не может этого сделать по единственной причине — из-за содержания статьи 9 Конвенции, в которой предусматривалось размещение пленных в лагерях дифференцированно, в соответствии с национальной принадлежностью, а это, якобы, противоречило Конституции СССР. Когда же позднее Советскому Союзу стала выгодной организация чисто *немецких* лагерей для военнопленных, то о Конституции уже никто не вспоминал. Зато появилось соответствующее секретное постановление СНК СССР № 1084—268 от 14 мая 1945 г.⁵ А между тем, на советской территории еще находились десятки тысяч плененных Красной Армией военнопленных из других стран.

Итак, иностранные военнопленные в СССР (как, впрочем, и советские в Германии и на оккупированных ею территориях) не были гарантированы от разного рода противоправных действий. Сегодня известны случаи расстрелов германских военнослужащих, оказавшихся в плену, факты необъективных судебных разбирательств. Примечательно, что, допустим, немцы, попавшие в плен и обвиненные в преступлениях против принятых законов и обычаев войны, в соответствии со статьей 63 Женевской конвенции должны были быть

преданы тем же судам, что и красноармейцы, то есть военным трибуналам. Однако на практике все было несколько иначе.

Впервые судебная ответственность за военные преступления была провозглашена в Заявлении девяти эмигрантских правительств в Лондоне 13 января 1942 г. Затем СССР, Великобритания и Франция выразили свое отношение к участникам злодеяний в Московской декларации, подписанной 30 октября 1943 г., в которой говорилось, что военные преступники “будут отосланы в страны, в которых были совершены их отвратительные действия, для того, чтобы они могли быть судимы и наказаны в соответствии с законами этих освобожденных стран”⁶. А несколько ранее, 19 апреля 1943 г., в Советском Союзе вступил в силу Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и их пособников». Указом предусматривалась смертная казнь через повешение или каторжные работы сроком от 15 до 20 лет. Причем решения военно-полевых судов или военных трибуналов фронтов о высшей мере наказания исполнялись немедленно. В этом отношении названный Указ противоречил некоторым нормам международного права. В частности, статья 66 Женевской конвенции гласила, что приговор о смертной казни плененных военнослужащих может быть приведен в исполнение не ранее, чем через три месяца после того, как о нем будет извещена противная воюющая сторона. Поразительно, но Указ от 19 апреля 1943 г. вступал в противоречие и с “собственным” «Положением о военнопленных», в пункте 29 которого говорилось: “Приговор осужденного к высшей мере наказания немедленно по его вынесении сообщается Исполкому Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца и может быть приведен в исполнение не ранее, чем через месяц после указанного сообщения”⁷.

Так или иначе, 1943 г. можно, наверное, считать своего рода хронологическим рубежом, достаточно отчетливо обозначившим себя в процессе исследования судеб иностранных военнопленных в СССР. Причем связано это как с известными изменениями стратегической ситуации на советско-германском фронте и вообще на театре второй мировой войны, так и с

целым комплексом иных военно-политических и дипломатических факторов.

Примечательно, что наибольшее количество процессов над военнопленными пришлось уже на послевоенный период, в особенности на 1949—1950 гг. Именно этому временному отрезку уделяют повышенное внимание германские коллеги — исследователи рассматриваемой проблемы⁸. А между тем, принципиально важно сделать акцент и на судебных процессах, вынесших свои обвинительные вердикты в 1943 г., когда все только начиналось, когда только начали создаваться прецеденты подобного рода. В декабре 1943 г. в освобожденном Красной Армией Харькове прошел один из первых таких процессов. Перед трибуналом 4-го Украинского фронта предстали 3 германских военнопленных и один гражданин СССР. Председательствовал на процессе генерал-майор юстиции А.Н.Мясников, функции государственного обвинителя исполнял полковник юстиции Н.К.Дунаев. Обвиняемых защищали известные адвокаты Н.В.Коммодов, С.К.Казначеев, Н.П.Белов. На процессе присутствовали советские и зарубежные журналисты. 18 декабря 1943 г. был объявлен приговор — смертная казнь для всех четверых, которая и была публично совершена на одной из площадей Харькова. В прессе, в среде мировой общественности, в правительственных кругах различных стран этот процесс вызвал неоднозначные оценки. С одной стороны, всеми советскими (что естественно) и многими зарубежными деятелями как сам процесс, так и вынесенный приговор были квалифицированы как торжество справедливости, как триумф международного права; с другой же стороны, в мировой прессе, в частности, в британской, прозвучала мысль о том, что во избежание необъективности подобные суды следует проводить только после окончания войны. При этом комитет Международного Красного Креста в своем «Обращении к правительствам воюющих стран» напомнил о том, что практика привлечения военнопленных к уголовной ответственности противоречит Женевской конвенции. Реакция советской стороны на такого рода предложения и призывы была однозначно негативной⁹. Специфика ситуации, которую можно было бы охарактеризовать как во многом парадоксальную, «патовую», была помимо всего прочего обусловлена отсутствием в рассматриваемый период адекватной квалификации таких юри-

дических категорий, как «военнопленные» и «военные преступники». Даже после того, как появился Закон № 10 Контрольного Совета четырех держав (20 декабря 1945 г.), определивший виды и состав военных преступлений, многие противоречия так и не были разрешены.

А тем временем, в конце 1943 г., состоялся еще один судебный процесс в Смоленске. На нем были осуждены германские врачи, проводившие бесчеловеческие медицинские эксперименты на живых людях. Затем публичные суды были на некоторое время прекращены. Возобновились они с конца 1945 — начала 1946 гг. В отчете МВД СССР мы читаем: «Согласно решению ЦК ВКП(б) в конце 1945 и в начале 1946 г. в городах Брянске, Смоленске, Ленинграде, Великие Луки, Минске, Риге и Николаеве были проведены судебные процессы над военными преступниками. Осуждено 84 человека, из них 18 генералов приговорены к смертной казни через повешение. На открытых судебных процессах, организованных согласно постановлению Совета Министров СССР № 3209—1046 сс от 10 сентября 1947 г. в городах Витебске, Новгороде, Бобруйске, Гомеле, Чернигове, Полтаве, Сталино, Севастополе и Кишиневе, военными трибуналами осуждено к 25 годам каторжных работ 137 человек, из них 23 генерала»¹⁰.

Исторической истины ради обратим внимание читателя на то, что вопреки элементарной логике (которой, кстати, и руководствовался МКК) первые публичные суды над военнопленными были сопряжены с гораздо меньшим количеством различных процессуальных и иных нарушений, нежели те, которые прошли в конце 40-х — начале 50-х гг. Последние процессы готовились и проводились в спешке, параллельно с одной из «волн» завершавшейся в основном репатриации. Советское руководство, судя по всему, стремилось перестраховаться, не допустить возвращения на родину разного рода «нежелательных элементов». Вопрос о предании суду зачастую решался без предварительного расследования, по представленным ГУПВИ МВД СССР спискам. Рассматривала этот вопрос т.н. Межведомственная комиссия, в которую входили 4 человека — представители министерств юстиции, госбезопасности, внутренних дел, а также прокуратуры СССР. Протоколы заседаний этой комиссии, будучи важным историческим источником, по-

зволяют проанализировать то, какие преступления инкриминировались попавшим в списки военнопленным. И вот здесь можно наблюдать весьма любопытную картину. Наряду с теми, кто действительно был уличен в совершении различных злодеяний, в списки, увы, попадали пленные, в чьих действиях состав преступления отсутствовал. Так, к примеру, в протоколе от 25 января 1950 г., подписанном полковником юстиции Журацким, подполковником госбезопасности Соловьевым, подполковником МВД Тульевым и представителем прокуратуры СССР подполковником юстиции Володиным, зафиксировано рассмотрение дел о передаче суду военного трибунала 131 военнопленного. Под номером 31 в списке значится лейтенант Вермахта Карл Штилер, 1905 г. рождения. Основанием, на котором считали необходимым привлечь его к суду, явилась запись: “Служил судьей в г. Берлине с 1935 по 1940 г.”. Под номером 85 — обер-лейтенант Ганс Гоффман, 1909 г. рождения. “Принимал участие в боях против СА [Советской Армии. — В.К., А.В.] на территории СССР”, — читаем мы в протоколе¹¹. Анализ архивных документов позволяет сделать вывод о том, что нарушения, подобные этим, а также многие другие, о которых нет возможности рассказать в небольшой по объему статье, были отнюдь не единичными.

Среди проблем, требующих особого внимания, выделяется комплекс вопросов, связанных с условиями содержания военнопленных, с особенностями их жизни в лагерях. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что отношение к иностранным военнопленным было неоднозначным на различных этапах войны; это отношение было дифференцированным и применительно к гражданам различных государств. К примеру, отношение к немцам было хотя и достаточно корректным, но неизменно негативным. В то же время, к примеру, итальянцы, а еще в большей мере граждане Испании вызвали у русских неоднозначные чувства, среди которых находилось место даже для чувства и проявлений симпатий. Весьма примечателен в этом отношении эпизод, связанный с организацией в Вологде в 1949 г. футбольного матча между местной командой «Динамо» и командой, сформированной из испанских военнопленных, служивших в «Голубой дивизии». История сохранила для потомков как счет того беспрецедентного матча (5:1 в пользу хозяев), так и то, что после игры испанские военноплен-

ные-футболисты были освобождены из лагерей, “расконвоированы” и, вплоть до последовавшей вскоре репатриации, получили разрешение жить практически на свободе.

Впрочем, мы не станем идеализировать реальных условий плена, так как условия эти, особенно во время войны, были весьма суровыми. Еще летом 1941 г. в специальной инструкции «О порядке содержания военнопленных в лагерях НКВД» был категорично определен весь уклад жизни “узников войны”. Интересно взглянуть на режим дня военнопленных:

7.00 — подъем;
 7.00—7.25 — утренний туалет;
 7.25—8.00—построение;
 8.00—9.00—завтрак;
 9.40—14.00 — рабочее время;
 14.00—15.00 — обед;
 15.00—19.40 — рабочее время;
 19.40—20.40 — ужин;
 20.40—22.30 — отдых;
 22.30—23.00 — вечерняя поверка;
 23.00 — сон.

“Рабочее время” предполагало использование военнопленных на различных работах, как правило, на территории своего лагеря. При этом старшие офицеры и генералы могли работать только на добровольных началах, если имели такое желание. С весны же 1943 г. военнопленных стали использовать и на работах вне лагерей — на строительных и промышленных объектах Советского Союза (строительство и восстановление различных зданий, прокладка железнодорожных путей, автодорог и т.д.). Даже неполная информация об этой стороне жизни иностранных военнопленных позволяет сделать вывод о том, что они объективно внесли определенный вклад в восстановление и развитие советской экономики. Разумеется, далеко не всегда и не везде соблюдались установленные властями правила, нередко лагерная администрация уменьшала нормы питания, “забывала” выплатить денежное довольствие, увеличивала продолжительность рабочего дня. Нередкими были и прецеденты, связанные с проявлением откровенного произвола в отношении военнопленных.

Недостаточно исследован вопрос о медицинском обслуживании военнопленных. Он имеет много специфических нюансов, без учета которых вряд ли можно рассматривать этот

сюжет в целом, равно как и преисполненную внутреннего драматизма ситуацию со смертностью “узников войны”. Не задаваясь целью проанализировать весь имеющийся в нашем распоряжении материал, обратим все же внимание читателя на любопытные сведения, обнаруженные нами в российских архивах. Если верить официальной статистике, в 1942—1949 гг. в лагерях и специальных медицинских учреждениях только Вологодской области, в которой находилось большое количество военнопленных, умерло по различным причинам 6390 подданных многих стран. Среди них были немцы (4643 человека), венгры (442), румыны (412), австрийцы (237), финны (112), поляки (70), испанцы (37), чехи (32), югославы (28), французы (14), итальянцы (9), голландцы (6) и др. Среди умерших были также: один швейцарец, один бельгиец, один люксембуржец, один американец¹². Применительно к большинству этих людей мы располагаем сведениями о точных датах и причинах смерти, а в некоторых случаях — и о месте захоронения. Для многих семей их родные просто “сгинули” в русском плену. Уже ввиду этого обстоятельства проблема военнопленных приобретает не только чисто исследовательское, познавательное значение, но имеет глубокий гуманистический, нравственный подтекст.

И, наконец, последнее. Репатриация на родину. Этот вопрос тоже имеет много любопытных, на первый взгляд, не вполне ясных моментов, ракурсов. Акцентируем внимание на одном характерном факте, который органично вписывается в контекст рассматриваемой проблемы. Как таковая репатриация началась в августе 1945 г., однако правовая сторона этого процесса не была четко обозначена советской стороной. Но так или иначе большинство иностранных военнопленных покинуло территорию СССР к началу 1950-х гг. При этом гер-

манские военнопленные, как правило, задерживались дольше, чем представители других государств. Последние германские военнопленные (9,5 тыс. человек) смогли вернуться на родину лишь в конце 1955 г., после переговоров на высшем уровне между СССР и ФРГ. Задержка репатриации военнопленных является нарушением статьи 75 Женевской конвенции, в которой говорится, что возвращение военнопленных на родину “должно осуществляться в кратчайший после заключения мира срок”. Своеобразие ситуации, которая сложилась с иностранными военнопленными в СССР, заключается в том, что между СССР и Германией не было договорных отношений, равно как не было и единого германского государства. Как это ни парадоксально, но состояние войны между двумя странами было прекращено лишь в 1955 г. Соответствующее решение было принято Советским Союзом в одностороннем порядке и оформлено Указом Президиума Верховного Совета. Это обстоятельство лишь отчасти объясняет то, на каком формальном основании СССР столь долго задерживал немецких военнопленных. Существует еще целый ряд причин и факторов, обусловивших такую позицию Москвы. Вообще тема эта требует комплексного, аналитического подхода и может стать предметом самостоятельного рассмотрения.

Проблема иностранных военнопленных в целом имеет еще очень много ракурсов, содержит ряд интереснейших сюжетов, исследование которых до недавнего времени было невозможным.

В настоящей статье предпринята попытка показать лишь некоторые стороны этой многогранной проблемы. В ее дальнейшей разработке мы видим свою профессиональную и нравственную задачу.

Примечания

¹ См.: БСЭ. М., 1928. Т.12. С.545.

² Военно-исторический журнал. 1991. № 11. С.41.

³ Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях. Принята на Международной дипломатической конференции в Женеве 27 июля 1929 г. М., 1932.

⁴ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т.1. М., 1946. С.133.

⁵ ЦХИДК (Центр хранения историко-документальных коллекций, бывший ЦГА СССР или «Особый архив»). Ф.1/II, оп.23а, д.1, л.31.

⁶ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т.1. М., 1946. С.418.

⁷ ЦХИДК. Ф.1/II, оп.37а, д.1, л.36—37.

⁸ См., например: Lang M. *Stalins Strafjustiz gegen deutsche Soldaten. Die Massenprozesse gegen deutsche Kriegsgefangene in den Jahren 1949 und 1950.* Herford, 1981.

⁹ См., например: Трайнин А. Бесчеловечный гуманизм // *Война и революция.* 1944. № 9. С.16.

¹⁰ ЦХИДК. Ф.1/II, оп.21а, д.4, л.44.

¹¹ Там же. Ф.1/II, оп.22е, д.50, лл.9—21, 116.

¹² См.: Сведения о военнопленных, умерших в лагерях, в лагерных пунктах и в спецгоспиталях Вологодской области в 1942—1949 гг. // Группа спецфондов Информационного центра УВД Вологодского облисполкома.

23 февраля. История фальсификации

В своей статье я хотел бы разобрать вопрос о том, как, кем и когда была сфальсифицирована дата 23 февраля, кому это было нужно и что на самом деле происходило в этот день.

Начнем с официальных версий. Одна из них гласит¹, что 22 февраля в центральной прессе было опубликовано воззвание В.И.Ленина «Социалистическое Отечество в опасности». И в ответ на это было массовое вступление рабочих Петрограда в ряды создающейся Красной Армии. Эта версия, ставшая в нашей историографии догмой, неверна.

Во-первых, хотя воззвание и было опубликовано в газетах 22 февраля 1918 г.², но оно находилось не на центральной полосе. А по центру первой страницы напечатаны совсем другие статьи, такие как: обращение командования Петроградского военного округа, обращение СНК «К трудящемуся населению всей России...», кстати уже печатавшееся в «Известиях» за 21 февраля, и воззвание Верховного главнокомандующего М.В.Крыленко, которого в России еще никто не знал, и он ни для кого не являлся авторитетом.

Во-вторых, если публикация воззвания считать началом формирования Красной Армии, то почему бы таким днем не считать 29 декабря 1917 г., когда в центральных газетах был опубликован призыв-воззвание Верховного главнокомандующего М.В.Крыленко о создании революционной Народной Социалистической Гвардии³? В этом воззвании М.В.Крыленко писал, что республика и революция в опасности и необходимо срочно создать вооруженные отряды, но и эта затея, впрочем, как и затея 22 февраля 1918 г., провалилась.

Позже Л.Б.Троцкий писал, что силы Красной Армии в феврале 1918 г. насчитывали 9 латышских полков⁴. Можно взять и официальные источники⁵, где мы увидим данные, что к апрелю 1918 г. наши вооруженные силы насчитывали чуть более 2000 человек. Если принять во внимание, что наши официальные ис-

точники вообще склонны преувеличивать успехи, то, видимо, в армии не насчитывалось и 2000 человек (и это в апреле, а не в феврале). Кстати, в газетах и военных журналах за февраль—апрель 1918 г. можно встретить много статей Л.Б.Троцкого и В.И.Ленина. В них говорится о постоянной угрозе и крайне медленном создании вооруженных сил, что ставит республику на грань катастрофы. Так что первая версия несостоятельна.

Еще одна версия гласит, что в день 23 февраля было не только массовое формирование частей, но и что части Красной Армии героическими усилиями остановили немцев на Нарвском рубеже⁶. Это, мягко говоря, преувеличение. Для того, чтобы опровергнуть эту официальную версию, надо рассмотреть обстановку на северо-западном направлении в феврале 1918 г. Начнем с того, что 14(27)—16(29) января Л.Б.Троцкий покинул Брест-Литовск, где вел мирные переговоры с немецким командованием. М.В.Крыленко, являясь главкомверхом, на основе вышесказанных сведений, отдает приказ о демобилизации армии, не зная, что официального мира не заключено. Начинается массовый отток бойцов с фронта. Надо заметить, что бойцов было и так немного, в силу того, что большевики с первых дней прихода к власти деятельно проводили в жизнь Приказ №1, который еще после Февральской революции отменил чины и звания в армии. И одним из первых постановлений СНК было постановление о введении выборности комсостава (вплоть до главкомверха) в армии*.

Не нужно много фантазии, чтобы понять, кого выбирали себе в командиры «свободные» солдаты, уже третий год сидящие в окопах и на чем свет стоит проклинаящие войну.

* К сведению: что касается первого главкомверха М.В.Крыленко, то СНК назначил его сам, еще до декрета. И снял сам. Это к вопросу о выполнении обещаний, звучащих в декретах.

А еще ранее был декрет от 9(22) ноября 1917 г., в котором СНК призывал солдат самим повсеместно вступать в мирные переговоры с немцами. Таким образом, большевики проводили в жизнь Декрет о мире и, якобы, вовлекали в управление страной широкие солдатские массы. На самом же деле это деморализовывало армию, разваливало ее, на что и рассчитывало правительство, ибо в ноябре—декабре 1917 г. это было выгодно. Ведь армия была еще царского образца, оплот старого режима. Но в конце января 1918 г. была уже иная ситуация. Была непосредственная угроза Петрограду и самому правительству. Было не до деклараций — надо было отстаивать власть. И когда в январе 1918 г. В.И. Ленин узнал о приказе М.В. Крыленко, то он тут же попытался отменить его. Но практически это было уже невозможно. Солдаты, меняя у немцев и местного населения обмундирование и оружие на продукты, ринулись домой.

Позже, в газете «Известия» от 23 февраля 1919 г. Е. Ярославский в своей статье хвастался успехами, которые заключались в том, что после вышеупомянутого приказа М.В. Крыленко войска Московского округа дисциплинировано и энергично демобилизовались и к февралю их просто не существовало. Так что, как видно из этого, солдаты с большим энтузиазмом выполняли приказ М.В. Крыленко о демобилизации, нежели обратный приказ В.И. Ленина.

5(18) февраля немцы начали успешное наступление на северо-западном направлении. 8(21) февраля был взят Ревель, 11(24) — Псков. Причем сделано это было без особых трудностей, не говоря уже о героических боях. В.А. Антонов—Овсенко вспоминал: “Отряды Красной Гвардии Москвы и Петрограда бросились с Дона и Украины на помощь своим. И немцы легко преодолевали наше нестойкое сопротивление”. Далее он писал: “Сводные отряды в значительной части оказались недееспособны, дали большой процент дезертирства, ослушания. Отряды Красной Гвардии обнаружили в общем слабую выносливость, плохую маневренность и боеспособность”⁷.

У съезд Советов, проходивший в июле 1918 г., отметил основные пороки и недостатки соединений Красной Добровольческой Армии⁸:

1. Неподчинение.
2. Грабежи и насилие.
3. Дезертирство.

Небезынтересны и воспоминания командующего северо-западным участком фронта Д.П. Парского. Он писал, что на февраль 1918 г. мы имели несколько отрядов по 40—50 человек из матросов, красногвардейцев и охотников с ничтожными качествами⁹. Можно привести и слова М.Д. Бонч—Бруевича из его мемуаров, где он рассказывает о том, как славный революционный матрос П.Е. Дыбенко, командуя сборным, точнее сбродным, отрядом не менее славных матросов, оборонял Нарву. П.Е. Дыбенко, находясь под непосредственным командованием бывшего царского генерала Д.П. Парского (крупного военного специалиста, с первых дней перешедшего на сторону большевиков), отказался ему подчиняться как “бывшему”. Он наивно предполагал, что полководческие данные революционного матроса качественнее генеральских.

При первом же столкновении с немцами под Нарвой “героический революционный дух” настолько охватил отряд П.Е. Дыбенко, что он тут же погрузился в эшелон и, прихватив с собой бочку спирта, успешно отбыл в Гатчину. За это в мае 1918 г. Дыбенко был вызван к В.И. Ленину в Кремль и после недолгих разбирательств был отдан под суд и исключен из партии¹⁰. Факт исключения П.Е. Дыбенко за сдачу Нарвы можно найти и в энциклопедии гражданской войны (издательство «Советская Энциклопедия», Москва, 1983).

Далее, у нас очень любят приводить в доказательство о героических февральских днях слова В.И. Ленина. В энциклопедии гражданской войны можно встретить такую фразу: “Неделя с 18 по 24 февраля войдет как один из величайших исторических периодов в историю русской международной революции...” Дальше почему—то эту фразу обрывают. И получается, что и вправду это время — “величайший” и “героический” период. Но если посмотреть том 35 с.393 ПСС В.И. Ленина, то можно увидеть продолжение этой фразы. Вот что там написано дальше: “...мучительно позорное сообщение об отказе полков сохранять позиции, об отказе защищать даже Нарвскую линию, не говорим уже о бегстве, хаосе, безрукости, разгильдяйстве”. Замечу, что это один из ярчайших примеров того, как вырванная не целиком фраза из текста может стать грубой и беспардонной ложью.

Ну, уж если, господа, все те вышеперечисленные безобразия с хаосом, пьянкой, маро-

дерством называть героической обороной, то что же тогда придется называть отступлением или бегством!

Но как же дата 23 февраля вкралась в историографию? А она именно вкралась. 20 января (2 февраля) 1918 г. «Газета Рабочего и Крестьянского правительства» №13 опубликовала Декрет от 15(28) января 1918 г. о создании Добровольческой Красной Армии.

Дальше, уже в журнале «Военное дело» от 7 февраля 1919 года, есть постановление о том, что «празднование годовщины 15(28) января по техническим причинам переносится на 17 февраля».

И вот в «Известиях», но от 23 февраля 1919 г., мы видим первую полосу, посвященную Красной Армии. В статьях Е.Ярославского, Л.Б.Троцкого, М.В.Крыленко мы читаем сведения о жизни-бытии армии, ее создании и первых днях. Так мы находим даты-вехи из истории создания армии. Это и Декрет от 15(28) января 1918 г., и постановления от 8 и 22 апреля 1918 года, и решения V съезда Советов, и приказ о первой мобилизации от 12 июня 1918 г., но ни одной фразы о 22—23 февраля того же года. Слишком свежи события плачевной недели и слишком много еще в живых тех людей, кои являлись свидетелями этих трагических событий, чтобы можно было назвать февральскую неделю героической.

А почему, спросите Вы, 7 февраля 1919 г. — празднование годовщины — перенесли на 17? Как мне представляется, это произошло случайно. 1919 год — нелегкий год для Советской власти. За делами, за суетой очень легко можно было пропустить столь незначительный праздник, как опубликование Декрета от 28 января 1918 г. (по новому стилю). А праздник для правительства действительно был незначителен, что подтверждает речь Л.Б.Троцкого к четвертой годовщине Красной Армии, которая была опубликована в журнале «Военное дело» №1 за 1922 г. Речь была произнесена ... 18 февраля. Так что, будет ли это день 17, 18 или др., было неважно. Но вот что было важно: в 1919 г. 17 февраля праздник не был проведен, так как 17 февраля был понедельник. В стране полыхает война, царят голод и разруха — не до праздников, так как каждый рабочий день на счету. А 23 февраля того же года было воскресенье. В этот день не грех и погулять, но пока с оговоркой, что это “по техническим причи-

нам”. Что это были за “технические причины”, останется на совести СНК.

Следующий этап относится к февралю 1923 г. В журнале «Военная мысль и революция», книга №1, вступительная статья гласит, что 23 февраля была сформирована первая красноармейская часть, принимавшая участие в боях на северо-западном направлении**.

Первый робкий шаг к фальсификации февральских событий был сделан. Никто не возразил.

И вот в журнале «Военный вестник» №7, вышедшем в феврале 1924 г. и посвященном смерти В.И.Ленина, в передовой статье, публикуют Декрет от 28 января 1918 г., но со смазанным кадром, вследствие чего ни дата, ни подпись В.И.Ленина отчетливо не видны. А в статье написано, что сей декрет был опубликован 23 февраля 1918 г. Так была окончательно сфальсифицирована эта дата.

Но почему это стало возможно именно в феврале 1924 г., понять можно. Именно к 1923/24 гг. относится окончательное становление государственного бюрократического аппарата. Если мы вспомним печальную историю с ленинскими «Письмами к съезду», то увидим, что уже на рубеже 1922/23 гг. и Политбюро, и ЦК знали о расколе в партии, знали о негативных явлениях в госаппарате. Знали о желании В.И.Ленина изменить структуру органов управления, знали, но не хотели. Что и показал XII съезд партии. Аппарат был сформирован и надежно функционировал, оставалась теперь лишь внутриаппаратная мышиная возня. Все, что, как казалось на первый взгляд, не касалось коренным образом этой возни, не имело значения. И, как правильно заметил Рой Медведев в своей работе «О Сталине и сталинщине» в журнале «Знамя» за 1989 г., к 1924 г. осталось очень мало людей с твердыми политическими принципами (да и было немного), бывших свидетелями первых дней советской власти и игравших серьезную политическую роль. А посему, некому было возразить в феврале 1924 г. против грубой фальсификации. Ну, а кто мог, голос того не мог быть услышанным, что и подтвердили

** Можно было бы назвать следующим этапом книгу В.А.Антонова—Овсенко «Строительство Красной Армии в революции». Но ее тираж был не так уже велик, и решающего влияния на массовое сознание она не оказала.

газеты и журналы того времени. На их страницах не было ни одного возражения.

Именно с 1924 г., когда на сцене политической борьбы окончательно вырисовался образ нового политического вождя, а старый вождь умер, всяческие массовые искажения

отечественной истории в интересах той или иной политической группировки или аппарата в целом принимают еще более беспардонный характер. И вот тут-то и оказалось, что аппарату было очень важно и выгодно скрыть позор 1918 г.

Примечания

¹ Гражданская война и интервенция. М., 1983. С.8.

² Известия ВЦИК. 1918. 22 февраля.

³ Газета Временного Рабочего и Крестьянского правительства. 1917. 29 декабря. № 43.

⁴ Известия. 1919. 23 февраля.

⁵ Гражданская война в СССР. Т.1. 1980. С.93.

⁶ Б.С.Э. Т.4. С.26.

⁷ Антонов-Овсеенко В.А. Строительство Красной Армии в революции. М., 1923. С.14.

⁸ Скерский К.В. Красная Армия в освещении современников, белых и иностранцев. М.—Л., 1926. С.29—30.

⁹ Известия. 1919. 23 февраля.

¹⁰ Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. М., 1957. С.260—261.

Генерал-майор фон Лампе А.А.

Генерал барон Петр Николаевич Врангель

«Первый Константинополь»

В конце 1919 г. я занимал должность старшего адъютанта штаба Войск Киевской области (генерал А.М. Драгомиров) и вместе со штабом и войсками области отходил к Одессе. В Одессе наш штаб был расформирован, а офицеры генерального штаба были прикомандированы к оперативному отделению штаба Войск Новороссии (генерал Шиллинг), в числе этих офицеров был и я.

По приказанию Командующего войсками области я был командирован в Константинополь, для связи с союзниками, и, выехав 12-го января на полуразрушенном французском пароходе «Дюмон Дюрвиль», принявшем меня с женой и маленькой дочерью на свой борт на открытом рейде Одессы, прибыл в Константинополь и поступил в распоряжение Военного Представителя Главнокомандующего генерала В.П. Агапеева.

Через несколько времени в Константинополь прибыли высланные с Юга России генералы барон П.Н. Врангель и П.Н. Шатилов. Поселились они в здании Драгоманата, в посольской усадьбе, где была отведена комната и мне с семьей.

Генерал *Врангель* был полон энергии. Его исключительная и красочная фигура была заметна и при всей пестроте константинопольских улиц, по которым передвигалось немало русских военных, оставшихся от прежних эвакуаций или присланных по поручениям добровольческого начальства.

Сомневаясь в возможности достижения победы на южном фронте Гражданской войны в России, генерал Врангель решил пробираться

в Сербию, дабы там подготовить для Вооруженных сил юга России возможности для расселения в случае, если им придется покинуть Родину и если обстоятельства позволят, то развернуть, главным образом в Сербии, с разрешения короля Александра, дальнейшее противобольшевистские силы. Генералы Врангель и Шатилов хлопотали о разрешении выехать на Балканы ...

Вести с северного берега Черного моря приходили все более и более тяжкие. Вооруженные силы юга России сворачивали свой фронт на правом (Кубань) и на левом (Одесса) крыле и с громадными трудностями переходили в Крым. Катились слухи о неудачах, приезжающие на частных пароходах говорили о возможности смены командования. Я лично готовился также к отъезду в Сербию, вместе с генералом Врангелем, с которым я был прочно связан со времени моего пребывания в качестве начальника оперативного отделения штаба армии в Царицине, откуда я был эвакуирован после двух перенесенных тифов, после которых я и попал на ту же должность в штаб Войск генерала Драгомирова. Скверные слухи из Крыма оправдались... в самый разгар своей работы по подготовке к концентрации белых войск в Сербии генерал Врангель вместе с генералом Шатиловым получили приглашение прибыть в Севастополь на Военный Совет... для выбора нового Главнокомандующего южным белым фронтом Гражданской войны в России...

Можно было относиться отрицательно к попытке перейти к "выборам" начальства в Белой Армии, но считаясь с тем, что «Военный

Совет» был назначен вполне законно, не приходилось сомневаться в том, что выбор может остановиться только на генерале Врангеле, что естественно вытекало из всей его деятельности на фронте.

Генерал Врангель, при всех качествах его как военного Вождя, не мог не ехать, не мог не отказаться на полученное им приглашение. Генерал Шатилов, его естественный начальник штаба, заставлял себя смотреть на дело спокойнее и доказывал своему другу—начальнику, что он идет на дело безнадежное и ничего достигнуть не сможет. Полученный генералом Врангелем (для передачи в Крым) ультиматум “союзников”, требовавших от белых (но не от красных) прекращения борьбы на юге России под страхом лишиться при неприятии ультиматума всякой помощи со стороны “союзников”, — еще более ухудшал положение.

Но генерал Врангель приглашение принял и решил ехать, получив возможность достичь берегов Крыма от Союзного командования. Все мы, в особенности военные чины управления генерала Агапеева, с волнением в сердце прислушивались к тому, что совершалось в Драгоманате.

Настал день отъезда генералов на Север.

Мне было совершенно необходимо еще раз, перед его отъездом, повидать генерала Врангеля, во-первых, для того, чтобы пожелать ему успеха, во-вторых, чтобы просить его, подобно тому, как он хотел взять меня в Сербию, вызвать меня в Крым для назначения на любую должность по его решению.

Я ждал Петра Николаевича в управлении военного представителя, перед комнатой, отведенной ему для житья с генералом Агапеевым.

Мне повезло — генерал Врангель вышел готовым к отъезду и мы остались одни...

Он был взволнован предстоящим ему жребием и, сильно волнуясь, он был совершенно откровенен.

Он более чем хорошо и совершенно правильно понимал положение. Как я уже один раз упоминал в печати (Сборник, посвященный его памяти и изданный мною в 1938 г.), “он шел не на праздник власти, как думали многие, он ясно сознавал трудность и почти безнадежность задачи, которую судьба возлагала на его плечи, он понимал, что идет на тяжелый труд, на подвиг, и тем не менее он опять подчинился долгу и, заявив Военному Совету: «я делил с армией славу побед и не могу отказаться испить с

нею чашу унижения», принял на себя тот крест, который и привел его к преждевременной кончине”. Но это все было позже, а в ту минуту я горячо присоединился к его решению, считая, что его вступление в командование давало белым последний шанс на победу. Я считал, что ехать надо, и только просил использовать и мои небольшие силы. Вошедшему в нашу комнату генералу Шатилову генерал Врангель сразу же сказал о теме нашего разговора.

Расставаться было трудно, и я с радостью воспользовался предложением генерала Врангеля вместе с ними на автомобиле генерала Агапеева поехать на пристань, где провожающих не могло быть и не было. Таким образом, я был последним, кто видел будущего Главнокомандующего на европейском берегу в минуту завершения его “первого Константинополя”.

Генералов принял на борт английский миноносец. Я остался на берегу и крепко задумался. Меня тянуло обратно в Россию...

Первые известия из Крыма повергли меня в недоумение: я сам, если можно так выразиться, погрузил генералов Врангеля и Шатилова на английский миноносец. А известия из Севастополя говорили о прибытии генерала Врангеля в Крым на английском броненосце «Император Индии»... В этом было что-то непонятное, для меня, по крайней мере...

Только значительно позже узнал я, в чем было дело... В последнем разговоре мне казалось, что генерал Врангель волнуется... так и было. Оказывается, что при выходе миноносца в Черное море, при сильной качке, сердце, которое так нужно было России, не выдержало, и у генерала Врангеля произошел сильный сердечный припадок. Англичане это учли (они тогда еще были любезны с будущим Главнокомандующим) и миноносец повернул обратно в Константинополь, где генералу Врангелю была предоставлена возможность пересесть на броненосец, который 21-го марта и привез его и генерала Шатилова в Севастополь...

Там генерал Врангель принял главное командование и, как мы все знаем, исполнил свой долг до конца!

Я же, в начале мая, был вызван в Крым “для получения нового назначения”...

«Галлиполиец», 27, 1958.

К двадцатипятилетию кончины генерала Врангеля

*Иметь героя в своей среде — радость и
счастье. Потерять героя — горе и беда.*

И.А. Ильин

Беда потерять своего героя постигла е л ы х двадцать пять лет тому назад, 25-го апреля 1928 г., когда скончался Главнокомандующий Русской армией генерал барон Петр Николаевич Врангель. Скончался в Брюсселе, как тогда говорили, “от неизвестной болезни”, которую так окончательно и не смогли определить лечившие его врачи, скончался, в последних своих предсмертных словах вспоминая А р м и ю и Р о с с и ю !

В сборнике, посвященном его памяти и вышедшем к десятилетию его кончины под моей редакцией, я писал: “Трудно, если просто не невозможно, дать оценку и характеристику генерала П.Н.Врангеля... Для того, чтобы во весь рост оценить его колоссальную фигуру, по-видимому, мало десяти лет...” Теперь, когда прошло еще пятнадцать лет, картина остается прежней. Для того, чтобы написать «Историю жизни генерала П.Н.Врангеля» надо раньше всего знать историю белых, которых он вел и которые его потеряли. А история белых еще не закончена. Его соратники не сказали еще своего последнего слова, не выполнили еще его заветов, которым они остались верны, не закончили своей службы России... По-видимому, историю жизни генерала П.Н.Врангеля и историю его белых будет писать кто-либо из следующего за нами поколения, кто-то, кто доживет до воскресения России, о которой неизменно думал почивший Вождь на своем смертном одре.

Здесь, в памятной статье, посвященной генералу П.Н.Врангелю, я хочу только вспомнить и отметить те работы, которые раньше всего лягут в основу труда будущего, неизвестного сейчас, его биографа. Раньше всего это, конечно, его личные «Записки», вышедшие в двух томах Летописи Белой Борьбы — «Белое дело» под моей редакцией, по желанию самого генерала Врангеля, которые за месяц перед своей кончиной (я был в Брюсселе в марте 1928 г. два раза) были лично им переданы мне и

мною перевезены из Бельгии в Германию, что по тогдашним временам, в виду того, что к запискам было приложено немало карт и схем, — было не так просто. Эти записки (тома 5-й и 6-й Белого Дела) обнимают собой период с ноября 1916 г. (период развала Российской Императорской армии) и по ноябрь 1920 г. (по день беспримерной эвакуации Русской Армией генерала Врангеля из Крыма).

Последние слова этих двух книг: “Тускнели и умирали одиночные огни родного берега. Вот потух последний... Прощай Родина!”

Это было 15-го ноября 1920 г. П.Н.Врангель не ошибся — России он больше не увидел. Через восемь лет он безвременно (ему не было тогда еще пятидесяти лет), скончался на чужбине.

В сборнике, посвященном его памяти в 1938 г., помещены материалы, говорящие об его службе в строю (в большей своей части — также его личные записки, которые он посвятил войне 1904—1905 гг.), статьи его сотрудников и близких ему людей — о работе Петра Николаевича в э м и г р а ц и и и статьи, посвященные его памяти и его характеристике.

Уже тогда, по условиям эмигрантской жизни, трудно было дать большой материал для его “оценки и характеристики”, и потому сборник, приводя его “официальную биографию” — его послужной список, дает также сведения о тех изданиях, которые эмиграция посвятила своему герою. В нем двадцать три названия. Это было в 1928 г. Потом, конечно, прибавились еще и другие.

К этим изданиям я и отсылаю всех, кто хотел бы теперь ознакомиться с историей жизни генерала П.Н.Врангеля. Хочу только отметить, что двухтомные «Записки» и книга сборника, ему посвященная, целиком погибли в Берлине во время воздушного налета на город 23 ноября 1943 г. и теперь их можно найти только в частных руках. Вероятно было бы правильным уже теперь поставить вопрос о втором издании этих

трудов. Но каждому понятно, что в условиях эмигрантской жизни, это пока только мечта и не больше.

Не имея, таким образом, возможности привести в том или ином виде «Историю жизни генерала П.Н.Врангеля», я хочу в рамках журнала, посвященного его памяти, осветить небольшой эпизод из эмигрантской деятельности генерала Врангеля, который, насколько мне известно, никогда не был описан в русской эмигрантской прессе — его посещение Берлина в конце 1924 г., где я тогда выполнял обязанности Военного Представителя Главнокомандующего Русской Армией, почему и присутствовал при всем том, что я постараюсь описать ниже.

Мое назначение в Берлин состоялось в 1920 г., и приказ об этом был подписан генералом Врангелем в мае месяце в Джанкое, куда я был вызван Главнокомандующим из Константинополя, где я, по его приказу, нес службу при Военном Представителе, которым был тогда генерал А.С.Лукомский.

За четыре года, прошедшие со времени моего назначения в Берлин, вопрос о желательности приезда в Германию Главнокомандующего поднимался неоднократно. Но не было никакой возможности получить на это согласие тогдашнего германского правительства, которое, в силу своих связей с большевиками, едва ли могло приветствовать приезд белого русского Вождя. В сущности говоря, не следовало даже ставить этот вопрос перед официальными учреждениями, потому что получить отказ, а он был весьма вероятен, конечно, было неприятно.

Но, кроме официальных властей, в Берлине были круги, которые хотели, чтобы посещение состоялось и надеялись, что приезд генерала Врангеля в Берлин может принести ту или иную пользу делу русских белых. Круги эти были близки к немецкому «Союзу Врангелей», который, в силу фамильной связи, почитал себя вправе интересоваться “русским Врангелем”, а с ним и его делом. Установить родственную близость между генералом П.Н.Врангелем и Союзом не представлялось возможности. Фамилия Врангелей за долгие годы ее существования утвердилась в России, Швеции, Германии и Эстонии и получила сравнительно широкое распространение. Генеалогическое древо никто из Врангелей, вероятно, нарисовать не

мог. Все удовлетворялись тем, что герб у всех линий был общий — значит и фамильная связь существовала.

Живя в Берлине уже четыре года, я встречался с Фрейхерром Вильгельмом фон-Врангель, бывшим командиром одного из кирасирских полков, тогда уже упраздненной Версальским договором старой Императорской германской армии. Он был, если не юридическим, то фактическим руководителем «Союза Врангелей», и деятельность генерала Врангеля и его роль в борьбе против коммунизма живо интересовала старого германского полковника. Познакомиться с русским “фетером” (как именовали друг друга немецкие Врангели) было его давнишним желанием.

Учитывая эту возможность и ставя перед собою, конечно, и другие цели, генерал Врангель решил, во время одной из своих поездок между Бельгией и Югославией, при проезде через Германию, воспользоваться сроком действия германской визы и в силу, так сказать, “поверстного срока” на несколько дней задержаться в Берлине и познакомиться со своими немецкими однофамильцами и узнать об их связях. Отношение германских, тогда “левых”, властей к личности русского Белого Вождя, как я уже упоминал, тогда установить было трудно, и потому о предполагаемой задержке генерала Врангеля в столице Германии знал только я один и небольшой круг моих ближайших сотрудников, которых я в этот вопрос посвятил. Решено было, что генерал Врангель познакомится с немецкими Врангелями и теми лицами, которые с этим союзом были близки, а также, несмотря на отсутствие официального разрешения, встретится с русской колонией Берлина, которая, конечно, в подавляющем своем большинстве живо интересовалась генералом. Не надо забывать, что русские в Берлине, прибывшие туда с Юга России, где знали генерала Врангеля, были в меньшинстве, большинство же, по крайней мере в военной среде, было участниками борьбы на Западном фронте и генерала Врангеля никогда лично не встречало.

Я дам в очень кратком изложении описание того, как приняли Главнокомандующего в Берлине немцы, а потом русские.

Обстановка в Германии тогда была довольно сложной. Сообщать властям о приезде генерала не приходилось. А в то же время его пребывание в Берлине ставило под удар нашего красного врага... Из такого положения надо

было найти выход. И он нашелся в том, что начальник секретной полиции Берлина Б. был определенным сторонником белых русских антибольшевиков. Мы его посвятили в наши планы уже тогда, когда генерал Врангель был в Берлине, успокоили его волнения тем, что пребывание это продлится только несколько дней, и получили от него полицейского агента для охраны генерала во время его передвижения по улицам города. Охрану в пределах пансиона, в котором поселился генерал, и на русских собраниях — я решил возложить на группу надежных русских офицеров, прежних бойцов южного фронта белой борьбы.

Надо было, не теряя времени, познакомиться немецкого Врангеля с Главнокомандующим. Зная старого германского кирасира, я понимал, что тут произойдет кое-какое “местничество” и немец будет претендовать на то, чтобы его русский “родственник” пришел к нему. Для нас, русских в Берлине, это было неудобно, и потому я решил действовать определенно — я отправился к ничего не подозревавшему Фрейхерру и “доложил” ему, что... автомобиль у подъезда и Главнокомандующий ожидает его в таком-то пансионе. Мой полковник растерялся и... поехал со мною вместе знакомиться с приезжим “фетером”.

Петр Николаевич, когда он этого хотел, мог обворовать каждого. Особенно просто это было в разговоре со старым военным. Оба Врангеля очень скоро поладили за завтраком, который был предложен посетителю.

Наш кирасирский полковник сразу же увлекся своим русским однофамильцем и в ближайшие же дни с исключительной энергией наладил Главнокомандующему ряд интересных политических встреч, о которых я постараюсь сказать когда-либо, когда у меня будет возможность говорить об этом более подробно. Отмечу только между собеседниками генерала Врангеля бывшего когда-то профессором в Ярославле, немца по происхождению и по подданству, барона Фрейтаг фон-Лорингофен, который как член Германского Рейхстага и возглавитель влиятельной его группы был для русских очень нужен. Его очень заинтересовало знакомство с русским генералом, и, надо ему отдать справедливость, после этих встреч он всегда оставался другом русских в Германии, что часто имело немалое значение не только при старом германском правительстве, но и после этого, так как он стал уже членом Рейхстага

и представителем Германии в международной организации в Гааге!

В процессе переговоров небогатый немецкий Врангель решил чествовать своего высокопоставленного родственника обедом... Присутствовали, кроме меня, насколько я могу припомнить, только носители фамилии Врангеля. Петр Николаевич только понимал немецкий язык, германский Врангель по-французски не говорил. Я был переводчиком при разговорах между ними. Во время обеда немецкий Врангель, торжественно приветствуя Главнокомандующего, отметил ту честь, которую последний оказал «Союзу Врангелей», просил его войти в этот союз и, поднимая бокал, сказал, что со времени тяжелых переживаний Германии после Мировой войны (первой) — это первый бокал шампанского, который будет выпит в его доме.

Казалось все шло хорошо и гладко... Дружественные немцы приветствовали и доверительно совещались с русским Вождем. Даже полиция как-то заботилась о безопасности его пребывания в Берлине... ничего неприятного грозить не могло. Несколько усыпленный этой благоприятной обстановкой, я пропустил один вопрос, который чуть-чуть не нанес удар торжественности пребывания генерала Врангеля в Берлине.

С Главнокомандующим приехал его неизменный секретарь Н.М.Котляревский, с которым мне меньше всего приходило в голову переговорить о сроке действия германской визы на паспорте генерала Врангеля... На предпоследний день пребывания наших гостей в Берлине был назначен русский банкет, для организации которого было, конечно, необходимо известное время. Почти накануне этого дня, взяв паспорт генерала Врангеля у Н.М.Котляревского, я направил одного из моих офицеров в полицию для постановки контрольных виз, что никогда никаких трудностей не представляло. Каково же было мое удивление, когда мне было отвечено, что полиция (даже при нажиме благожелательного к нам Б.), не может визировать паспортов, потому что они... просрочены! Надо было выездную визу продлить, а так как паспорта были дипломатические — это могло сделать только... Министерство Иностранных дел.

Делать было нечего — уезжать ранее банкета было уже невозможно. Остаться лишний день, без визирования паспортов — могло привести к осложнениям на границе. При-

шлось посылать моего офицера вторично, но уже в Министерство, то есть оглашать пребывание генерала Врангеля в официальном учреждении, да еще в Министерстве Иностранных дел, связанном с... советским посольством.

Штабс-ротмистр барон Каульбарс пошел в министерство. От его такта зависело разрешение вопроса... Придя в соответственный отдел, он просил продлить паспорт на день-два... Обыкновенно это делалось автоматически. На этот раз чиновник заинтересовался знакомой фамилией. У вас тоже есть бароны Врангели, спросил он Каульбарса. Да, есть... Как интересно. У нас в Германии есть даже союз Врангелей. Да, я знаю, — лепетал Каульбарс, чувствуя что-то неблагоприятное. Но, позвольте, — напирал дипломатический чиновник, — ведь у вас в России один из Врангелей играл большую роль в Гражданской войне. Да, играл... А скажите, какое отношение имеет этот Врангель, который сейчас находится в Берлине, к тому, который эту роль играл?..

Дело подошло к развязке: Каульбарсу пришлось сказать, что находящийся в Берлине Врангель — это “именно тот, который вел армию против большевиков”, а чиновник, уже замахнувшийся поставить необходимый штамп, сразу же подобрался и отправился по начальству спрашивать указаний.

Указания были очень просты и еще более кратки... никакого продления паспорта быть не может, и ваш генерал должен покинуть Берлин и Германию. Назревал скандал, намеченный банкет срывался. Огласка становилась неизбежной... Сконфуженный Каульбарс, вернувшись, доложил о происшествии... Спокойнее всех к случившемуся отнесся сам генерал Врангель — ну, что ж, сегодня я и выеду. Пусть получится огласка, что немцы меня из Берлина выкинули...

Но это не устраивало нас, в Германии остающихся, и надо было что-то предпринимать. В особенности случившееся нервировало меня, конечно, “виноватого” в том, что произошло...

Вот тут-то и сказал свое слово «Союз Врангелей» и знакомства, сделанные через него генералом Врангелем с влиятельными немцами. Новые связи были пущены в ход и новые немецкие друзья добились того, что паспорта были отсрочены... но только на двадцать четыре часа, не более. Пунктуальные и осторожные немцы из Министерства Иностранных дел не хотели рисковать запросом со стороны

представителей своих “восточных друзей”. Пришлось прямо с банкета ехать на вокзал и в новый указанный срок покинуть Германию. Тогда об этом почти никто ничего не знал...

Ну а русские, как отнеслись они к приезде Белого Вождя?

Конечно, за время своего пребывания в Берлине Главнокомандующий принял в управлении военного представительства (тогда это называли «Красным Крестом») старших русских офицеров, нашедших приют в Германии. Офицерская масса добивалась возможности видеть генерала, говорить с ним, ощутить его, узнать, по возможности, что он думает, на что он надеется... интерес был живой и понятный. Я предоставил возможность правлениям воинских организаций в очень расширенном составе присутствовать на приеме Главнокомандующего в моем бюро. Рассылая сообщение о приеме, я упомянул о том, что право присутствия на нем предоставляется всем генералам, находящимся в столице. Надо признаться, что нашлись такие, которые от возможности видеть приехавшего гостя отказались... действовала все та же старая причина — “военное местничество” — я не могу ему представиться, я старше его... Но эта, даже не капля дегтя в мед общего торжественного настроения, дела не испортила. Потом было посещение церкви. Русской гимназии. Поездка на кладбище в Тегеле, где генерал Врангель побывал на могиле своего ближайшего сотрудника по Крыму — А.В.Кривошеина. Было собрание старших начальников у меня на квартире, где я с радостью принял, после собрания, в моей семье моего Вождя, начальника и друга!

Все было радостно, оживленно и давало всем ощущение нашего единства и указывало на то, что белые настроения живут в воинской эмиграции. Но кроме этой среды была и среда общественная, и представители ее возбудили вопрос об устройстве общественного банкета, того самого, возможность присутствия на котором едва не была отнята от генерала Врангеля велемием Министерства Иностранных дел.

Но до этого встал вопрос о... визитах!

Докладывая Главнокомандующему о том, кому из членов русской колонии эти визиты сделать надо, я упомянул старшее духовное лицо — епископа Тихона, дипломатического представителя Боткина и... возглавителя Высшего Монархического Совета Н.Е.Маркова.

Думского “Маркова второго”, который вместе с князем А.А.Ширинским—Шихматовым и А.М.Масленниковым тогда возглавлял Совет.

Генерал Врангель совершенно спокойно возразил мне: я сделал визит Епископу Тихону, Сергею Дмитриевичу Боткину и... вашей жене. И больше никому!..

Никакие уговоры не помогли. Не помогло и мое заверение, что моя жена, как это ни жалко, откажется от визита — в пользу Маркова... Генерал Врангель был деятельностью, если не самого Высшего Монархического Совета, то именно Н.Е.Маркова — недоволен. Марков занял какую-то странную позицию недоверия к “монархизму” генерала Врангеля, готов был обвинить его в “Бонапартизме”, в котором, как это на первый взгляд ни кажется странным, в сильной степени был повинен... сам. Деятельность Маркова “второго” была всегда направлена не к укреплению авторитета Белого Главнокомандующего. Даже больше — он иногда прямо дискредитировал последнего. Это знали многие, и, конечно, хорошо знал сам генерал Врангель.

Но и Марков второй имел причины быть недовольным генералом Врангелем.

За несколько времени до приезда генерала в Берлин, Н.Е.Марков, поддаваясь настояниям своих ближайших сотрудников и друзей, наконец, решил во время своего пребывания в Югославии посетить Главнокомандующего, жившего тогда в Сремских Карловцах. Свидание состоялось. О чем говорили между собой П.Н.Врангель и Н.Е.Марков — мне осталось неизвестным, но я узнал, что Марков просил у Главнокомандующего... денег на работу Высшего Монархического Совета. Генерал Врангель отказал. Это было конечно для Н.Е.Маркова неприятно. Но можно представить себе, каково было его настроение, когда через недели две-три он прочел в газетах, что генерал Врангель передал двадцать тысяч франков (тогда это была значительная сумма) известному Оберу, который взял на себя защиту Конради...

Значит, взаимоотношения, как это принято определять, “оставляли желать лучшего”. А тут еще решение генерала Врангеля не делать визита Маркову “второму” во время своего приезда в Берлин... Осложнения были неизбежны... Повторяю, никакие мои настояния успеха не имели. По-видимому, во время разговора в Карловцах было сказано что-то, что

оттолкнуло генерала от возглавителя Совета “всерьез и надолго”...

Отклик со стороны Маркова не заставил себя долго ждать — членам монархических организаций было свыше з а п р е щ е н о принимать участие в злосчастном банкете, который и без того чуть не был сорван немецкими дипломатами.

Но... национальные и патриотические настроения победили. Русские офицеры видимо решили, что монархизм — монархизмом, а не почтить Белого Главнокомандующего они просто не в с и л а х. Злополучный банкет прошел при невиданном в Берлине многолюдстве и с большим подъемом. Прямо из дверей ресторана, где состоялся банкет, П.Н.Врангель, Н.М.Котляревский и я отправились на вокзал.

К сожалению, размеры статьи и ограниченность предоставленного мне места не дают возможности развить тему о пребывании генерала Врангеля в Берлине в конце 1924 г. дальше. Придется отложить это до другого раза. Развить же этот вопрос можно довольно широко.

В начале моей статьи я перечислил те источники, в которых мои читатели могут найти ответы на интересующие их вопросы о жизни, деятельности и характеристике генерала Петра Николаевича Врангеля. Я должен к этому добавить еще одно сведение, которое не может не интересовать белую русскую военную эмиграцию.

После того, как генерал Врангель закончил свои Записки, обнимающие период его исключительного служения Родине с ноября 1916 г. по ноябрь 1920 г., он продолжал подбор материалов для п р о д о л ж е н и я Записок и за период его работы в эмиграции, взаимоотношений с Великим Князем Николаем Николаевичем, создания Русского Обще-Воинского Союза и о многом еще, что тогда оглашено не могло быть. Это собрание документов, приведенное в полный порядок Н.М.Котляревским, я видел и содержание его з н а ю... Это то, что не у с п е л доделать наш почивший Главнокомандующий. И мне кажется, что это сделать н а д о. Об этом должна подумать русская антикоммунистическая эмиграция, и мое дело напомнить ей об этом в статье, посвященной мною печальному юбилею.

Все эти документы находятся на хранении в «Х» университете в Соединенных Штатах. Охрана этого архива возложена соответственным договором на нескольких представителей русской эмиграции. Срок хранения (после чего архив поступает в собственность университета) еще большой — 10-го января 1979 г. Но... кто из нас доживет до этого срока? И потому перевести архив для хранения в р у с с к и х руках, может быть, необходимо уже сейчас. Для этого надо только компенсировать материальные расходы университета по хранению архива. Они невелики. И об этом необходимо подумать...

Я помню, что при получении известия о кончине генерала Врангеля, один журналист, который уважал почившего, но не принадлежал к числу его особо горячих поклонников, сказал: “У счастливого недруги мрут, у несчастного друг умирает”...

Это, конечно, было совершенно верно. Русская эмиграция никогда не была “счастливой”, да и самый факт пребывания в изгнании исключает всякий вопрос о счастье. Но у белой русской эмиграции при жизни генерала Врангеля был ее Д р у г, ее Г е р о й. В генерале Врангеле сама Б е л а я И д е я нашла свое воплощение, он как бы олицетворял ее...

И он ушел от эмиграции!

25-го апреля 1928 г. было последним днем жизни нашего почившего Вождя. Его послед-

ними словами было моление: “Я слышу благовест... Боже спаси Армию...”

Тот благовест, который в предсмертных муках слышал наш генерал, до сих пор не дошел до нас... Но его предсмертное моление о спасении Армии, уже спасенной им самим из Крыма, по-видимому, дошло до тех высот, на которых решаются судьбы даже и самых малых мировых организмов. Прошло четверть века со времени его безвременной кончины, а созданная им ячейка Армии, его Армии — Русский Обще-Воинский Союз жив... и жив его духом!

Генерал Врангель скончался преждевременно. В роковой день ему не было еще пятидесяти лет. Значит, тогда он не дожил еще до теперешнего возраста самого младшего из чинов е г о Армии! Он мог жить и сейчас среди нас, если бы не “неизвестная болезнь”, которая унесла его. Ему теперь не было бы еще семидесяти пяти лет, и это значило бы, что в дни, когда, может быть, русский вопрос опять станет перед миром, перед своим решением — о н мог быть еще среди нас как единственный и непрерываемый В о ж д ь ! Как тогда в с е было бы ясно и определено!

Но его н е т, и перед решениями стоим мы одни... Но о н был н а ш Друг и н а ш Герой... это накладывает на нас совершенно определенную обязанность: в е г о память сплотиться и, сплотившись, выполнить е г о заветы!

«Вестник Общества Ветеранов», 195, 1953.

Орден Святителя Николая Чудотворца

1

Благоговейно посвящается памяти безвременно почившего Вождя.

Наружный вид ордена

Свят.Николая Чудотворца 2-й степени:
Лента ордена — трехцветная. Изображение Святителя — золотое на синем фоне. Девиз: «Верю спасется Россия». Обратная сторона: вместо девиза — круглый венок, в нем три горизонтальных полосы: белая, синяя и красная. На них надписи: верхняя — 30, средняя — апреля, нижняя — 1920. Дата основания ордена.

В воздаяние за подвиги самоотвержения, мужества и храбрости и даже за простое исполнение воинского долга в военное время в Императорской Российской армии, за ее свыше чем двухвековое существование, был установлен ряд боевых орденов, которыми, по представлению начальства отличившегося или же лично Верховным вождем армии и флота, могли быть награждаемы генералы, штаб- и обер-офице-

ры. В особом положении стоял высший военный орден Империи — Орден Св.Великомученика и Победоносца Георгия (четыре степени), который жаловался не только Государем Императором, но также (и это было более нормальным способом пожалования) особою Георгиевской Думой, составленной из кавалеров этого ордена и рассматривавшей представления к ордену отличившихся, на основании особого статуса, который был создан при установлении ордена в царствование Императрицы Екатерины Великой и пересоставлен незадолго до Мировой войны.

К этому же ордену причислялось и Георгиевское оружие, представлявшее собою как бы пятую степень ордена для офицеров, и Георгиевский крест и Георгиевская медаль для награждения нижних чинов. Каждая из этих двух последних наград имела также по четыре степени.

Награждение георгиевскими наградами влекло за собою известные преимущества по чиновпроизводству для кавалеров ордена Св.Георгия и некоторое увеличение денежного оклада для кавалеров Георгиевского креста (солдат).

В 1917 г. Февральская революция уничтожила все Императорские и Царские ордена и ввела новый способ награждения орденом Св.Георгия и Георгиевским крестом — по приговору офицерских и солдатских дум, причем, например, солдатская дума могла присудить Георгиевский крест офицеру. Новые кресты, в отличие от орденов Императорского периода, должны были иметь на ленте ордена особую лавровую ветвь. Случаи присуждения Георгиевского креста ("солдатского") имели место. Случаев присуждения ордена Св.Георгия, по-видимому, не было.

Октябрьская революция смела и эту новую революционную награду.

На всей территории России настала Гражданская война. Она приняла затяжной характер и продолжалась в Европейской России три года, а на Дальнем Востоке России значительно дольше. Война эта, конечно, велась столь же интенсивно, как и война Мировая, несколько отличаясь от последней только в мере применения техники. Также гибли добровольцы офицеры и солдаты Белых противокommунистических армий от огня своих красных противников, также проявлялись подвиги храбрости одними, также хорошо или плохо выполняли

свой долг другие. Во многом, однако, Гражданская война была более жестокой, чем война на внешнем фронте страны: каждый участник борьбы выбирал себе фронт, на котором он решал сражаться сам, и шел туда, куда его влекло не только обязательное выполнение долга, как то было в войне с внешним врагом, но и твердое личное убеждение в необходимости спасти Родину от развала. Стоявший напротив становился не только противником, но и врагом... как ни тяжел был плен в Мировую войну, он все же существовал и, при всей своей неприглядности, обеспечивал пленнику жизнь. Не то было в войне Гражданской. В ней не было плена, и белый боец, попадая в руки красных, знал, что он обречен на издевательство и мучительную смерть. Если это было только относительно верно для белых солдат, то для белых офицеров это было несомненно.

И потому в боях на фронтах Гражданской войны порой и мужества и храбрости нужно было проявить больше, чем на поле сражения войны внешней.

Бойцы Белого фронта только с течением времени стали пополнять свои ряды обязательным призывом. Сначала этими пополнениями являлись добровольцы, как офицеры, так и солдаты, и потому сначала казалось, что и наградой за подвиг храбрости будет только сознание исполненного долга. Однако, боевые награды во все времена и у всех народов являлись одним из стимулов, побуждающих воинов к подвигам, и, несомненно, что так было и в Гражданской войне, несмотря на то, что она велась во имя идеи и в основу ее легли высшие человеческие побуждения.

И потому перед теми, кто вел вперед Белые армии, неизбежно встал вопрос о том, как наградить за подвиг сильных и храбрых и как побудить к деятельности слабых и робких. Надо было решать вопрос о боевых наградах.

И вопрос этот, так или иначе, был разрешен на всех четырех фронтах Гражданской войны в России. Солдаты, а на большинстве фронтов и офицеры, награждались боевыми орденами или производились в чины за боевые отличия. Офицерские ордена жаловались на фронте адмирала Колчака, генерала Миллера и генерала Юденича. На первом фронте было установлено пожалование даже орденом Св.Георгия, чего не приняли два другие участка Гражданской войны.

Несколько особняком стоял Южный фронт — фронт генерала Деникина. Тут орден (но не орден Св.Георгия) давались только в Донской армии. В армии Добровольческой, а потом, с объединением командования, и в Вооруженных силах на Юге России, — вопрос этот был разрешен принятием принципа, который гласил о невозможности награждения старыми русскими орденами за отличие в боях русских против русских... И потому армия генерала Деникина орденов не имела, и только отдельные периоды наиболее напряженной боевой деятельности отмечались установлением того или иного знака, который не был орденом уже потому, что жаловался всем участникам этого периода и был сходен с теми медалями, которые в Императорский период жаловались за участие в кампании. Такими на Юге России были знаки за «Первый генерала Корнилова Кубанский поход» (Ледяной поход), знак за поход отряда генерала Дроздовского из Ясс на Дон и др.

В своих записках¹ генерал барон Врангель говорит по этому поводу :” В армиях генерала Деникина боевые подвиги награждались исключительно чинами. При непрерывных боях многие получали в течение двух лет несколько чинов: и в штаб-офицеры и даже в генералы попадали совсем юноши. Являясь по своему чину кандидатами на высшие должности командиров частей и высших соединений, они не обладали ни достаточной зрелостью, ни должным опытом. Необходимо было, кроме чинов, ввести в армии другой вид боевых отличий...

Естественно, что при таком взгляде, который вытекал из создавшегося положения, и при соблюдении основного принципа по отношению к старым Императорским орденам, оставался один выход — учреждение нового ордена.

Обстановка требовала принятия в этом вопросе определенного решения, и новый Главнокомандующий Русской армией в Крыму, генерал барон Врангель, принявший на себя подвиг командования, всегда быстрый и решительный в своих действиях, принял его и 30—го апреля 1920 г., в Севастополе отдал приказ², который начинался словами:

“Тяжкая борьба за освобождение России от захвативших власть насильников продолжается.

В этой борьбе доблестные воины Вооруженных Сил Юга России проявляют исключительные подвиги храбрости и мужества и без-

заветного самоотвержения, памятуя, что *«Верою спасется Россия»*.

Для увенчания славой героев и увековечения деяний их в памяти потомков, учреждаю орден во имя Святителя Николая Чудотворца³, постоянного молитвенника о Земле Русской.

Да придаст учреждаемый орден новые силы всем борющимся за наше Святое дело, да отметит он достойно их мужество и доблесть и да укрепит нашу веру в ближайшее освобождение пострадавшей России и Русского народа”⁴.

Новый орден был по положению и по способу пожалования приравнен к Георгиевской награде, хотя и должен был носиться ниже последней. Была учреждена следственная комиссия, в обязанности которой входило всестороннее рассмотрение обстоятельств, при которых был совершен подвиг, и обеспечение правильности представления к награде. Решение вопроса о награждении принадлежало особо установленной «Кавалерской думе», постановления которой входили в силу после утверждения их Главнокомандующим, который, однако, пользовался, в особо исключительных случаях, правом награждения обеими степенями ордена помимо Кавалерской думы.

На всем протяжении и приказа об установлении ордена, и временного о нем положения можно ясно проследить установление тесной связи с орденом Св.Георгия, на кавалеров которого распространялись также и все преимущества, которые предоставлялись кавалерам вновь учреждаемого ордена. В частности, можно отметить интересную особенность: солдаты могли получить орден Св.Николая только при наличии у них Георгиевского креста не ниже 3-й степени.

В отличие от старых Российских Императорских и Царских орденов, новый орден имел только две степени: первая, по внешнему размеру одинаковая с орденом Св.Георгия 3-й степени, должна была носиться на шее и вторая — соответствующая по размеру ордену Св.Георгия 4-й степени — носилась на груди, ниже этого ордена. Цветами ленты вновь созданного ордена были взяты русские национальные цвета, которые во все время Гражданской войны в России отличали борцов белого национального фронта. Материалом для изготовления креста было, вместо эмали, золота и серебра ордена Св.Георгия, — железо, что позволяло изготовить ордена даже в примитивных условиях жизни в Крыму⁵. Никакого различия во внеш-

нем виде между отличиями для офицеров и солдат не было, и по внутреннему смыслу положения каждый воинский чин Белой армии, вне зависимости от своего ранга или должности, мог, за боевое отличие, быть удостоенным награждением обеими степенями ордена.

Временное положение устанавливало также, помимо порядка награждения орденом, девиз и праздник ордена (9-го мая). Кавалеры нового ордена получали особые права по чиновпроизводству, по воспитанию детей, по наделу землей, по устройству после оставления службы — в военном ведомстве, по сокращению выслуги лет на получение пенсии.

Для попечения о лицах, награжденных орденом Св.Николая Чудотворца, заботы о немужских семьях этих лиц и для ведения всех вопросов, связанных с материальным обеспечением и приисканием средств для их призрения, был создан особый «Комитет ордена Св.Николая Чудотворца».

Вследствие оставления Русской армией Крыма 2/15 ноября того же 1920 г., комитету не удалось в какой-либо степени развить свою деятельность; но все же сразу же обнаружился приток пожертвований, поступивших в его распоряжение, как например, передача ему частным лицом крупного участка земли между Севастополем и Балаклавой. В какой-то степени русская общественность, скопившаяся за стеной белого фронта, откликнулась на установление нового отличия для бойцов. В условиях русской жизни это было ново и этого нельзя не отметить.

Учитывая исключительно тяжелое материальное положение бойцов белого фронта, надо признать, что учреждение такого комитета могло принести исключительную пользу, в особенности в вопросе обеспечения семей бойцов.

Первым кавалером ордена был штабс-капитан *Ярмолович*, получивший орден, по-видимому, помимо думы, из рук Главнокомандующего, который так говорит об этом награждении⁶: «В пять часов вечера (26 мая) я выехал поездом в Ново-Алексеевку, несколько часов тому назад занятую кубанцами. Перед фронтом войск я награди́л орденом Св.Николая поручика⁷ Любич-Ярмоловича, который, находясь на головном танке, прорвал проволочные заграждения и лично захватил одно орудие. Поручик Любич-Ярмолович был первым кавалером ордена Св.Николая».

Первая Кавалерская дума состояла из кавалеров ордена Св.Георгия и только впоследствии, когда ряды кавалеров нового ордена несколько пополнились, дума составлялась из кавалеров ордена Св.Николая и ей приходилось решать вопросы о награждении сначала в Крыму, а потом, после ухода армии из России, она собиралась на Галлиполи, где была полуинтернирована армия генерала Врангеля французским командованием. На одном из своих заседаний дума, оценивая все то мужество и храбрость, которую проявил Главнокомандующий генерал барон Врангель в нечеловечески тяжелый период командования им армией, — обратилась к нему с просьбой принять орден Св.Николая 2-й степени. Постановление это, сохранившееся во втором экземпляре подлинника, цело и до сих пор и приводится в приложении 2-м.

Первой степени ордена не имел никто.

Удалось сохранить официальный список кавалеров 2-й степени ордена, который в копии приведен в приложении 3-м. Всего кавалеров (кроме генерала барона Врангеля) по этому списку было сто восемь. Возможно, что имеется еще ряд кавалеров.

Подобно тому, как это было в Императорской Российской армии, где за боевые подвиги награждались не только отдельные воинские чины, но и целые отличившиеся воинские части, — генералом бароном Врангелем в Крыму было установлено награждение отличиями ордена Св.Николая воинских частей Русской армии, боровшейся против коммунизма.

Установление этого награждения несомненно было также зафиксировано в приказе по армии, но его, к сожалению, найти не удалось, и имеется лишь список частей, награжденных знаменами ордена Св.Николая Чудотворца, серебряными трубами этого ордена, лентами ордена, к имевшимся уже в частях боевым трубам, и наконец, авиационным флагом с лентами и знаком ордена Св.Николая. Список этот приведен в приложении 4-м. По-видимому, к первому награждению частей относится следующая телеграмма Главнокомандующего, текст которой был передан в приказе Корниловской ударной дивизии от 2-го июня 1920 г. №75 (в д.Натальино):

Командиру 1-го армейского корпуса.

От всего сердца благодарю Вас и весь Ваш штаб за блестящую разработку и проведение операций корпуса.

Начальников дивизий, командиров бригад и всех командиров частей горячо благодарю за блестящее выполнение задач. Всем героям и солдатам корпуса низкий поклон и громкое ура.

Награждаю доблестные полки корпуса: Корниловцев, Марковцев и Дроздовцев — Орденскими Знаменами Св.Николая.

Конным частям генерала Морозова даю Трубы с Орденскими Николаевскими лентами.
Врангель.

Джанкой. 30-го мая 1920 г. № 003072.

В настоящее время знамена ордена Св.Николая частично находятся при своих полках, рассеянных по государствам Европы (напр. знамена Корниловской ударной дивизии), частью же хранятся в русской церкви, выстроенной усилиями русской эмиграции в Белграде, и висят над могилой генерала барона Врангеля, прах которого, согласно его последней воле, перенесен русскими воинами, пошедшими за ним в изгнание, из Брюсселя, где он скончался

12/25 апреля 1928 г., в Белград 6 октября н.с. 1929 г. В этой церкви наряду с многочисленными знаменами Императорской Российской армии, спасенными армией генерала барона Врангеля из Крыма, висят также и знамена пехотных полков дивизии генерала Маркова и стрелковых полков генерала Дроздовского — знамена ордена Св.Николая Чудотворца, пожалованные этим полкам генералом Врангелем.

На этом я заканчиваю мой краткий очерк по истории ордена Святителя Николая Чудотворца, родившегося на полях сражения Белой Русской армии в Крыму. Я буду счастлив, если эта моя работа поможет сохранить память как о самом ордене, так и о тех верных Родине кавалерах его, которые своею кровью, а порой и самой своею жизнью, запечатлели свою верность России и среди которых был вернейший из верных ее сынов — генерал б а р о н П е т р В р а н г е л ь.

«Acta Wrangeliana», 2, 1936.

Примечания

¹ Белое дело. Т.6. С.79—80.

² Приказ №3089. Все даты по старому стилю.

³ Впоследствии, 19-го июля (1 августа) 1920 г., в эмиграции, Глава Династии Романовых Великий Князь Кирилл Владимирович установил другой «Орден Святителя Николая Чудотворца», который также являлся как бы памятной медалью, так как право ношения его предоставлено всем участникам Великой войны, находившимся в составе Императорской Российской армии и флота до 1-го марта 1917 г.

⁴ Полный текст приказа — см. приложение 1-е.

⁵ 50 экземпляров было выполнено в Берлине фирмой Годе.

⁶ «Белое дело». Т.6. С.94.

⁷ Ошибка в чине. Штабс-капитан Ярмолович в списке кавалеров (см. приложение 3-е) указан под номером 15-м.

Приложение 1-е

Копия.

Приказ Главнокомандующего вооруженными силами на юге России.

№ 3089.

Гор.Севастополь

30-го Апреля 1920 г.

Тяжкая борьба за освобождение Родины от захвативших власть насильников продолжается.

В этой борьбе доблестные воины Вооруженных Сил Юга России проявляют исключительные подвиги храбрости и мужества и беззаветного самоотвержения, памятуя, что «Верой спасется Россия».

Для увенчания славой героев и увековечения деяний их в памяти потомков, учреждаю орден во имя Святителя Николая Чудотворца, постоянного молитвенника о Земле Русской.

Определение подвигов и лиц, достойных награждения орденом Св.Николая Чудотворца, возлагаю на Орденскую следственную комиссию и на Кавалерскую Думу ордена.

Последним надлежит руководствоваться тем положением, что орден Св.Николая Чудотворца может быть пожалован тем воинам, независимо их чинов, кои презирая очевидную опасность для жизни, окажут блестящие военные подвиги, увенчавшиеся полным успехом и принесшие явную пользу.

Да придаст учреждаемый орден новые силы всем борящимся за наше Святое дело, да отметит он достойно их мужество и доблесть, и да укрепит нашу веру в ближайшее освобождение истрадавшей России и Русского народа.

Утвержденное мною Положение об ордене Св.Николая Чудотворца при сем объявляю.

В воздаяние мужества и подвигов, оказанных бойцами по освобождению России, приказываю применить это положение со дня учреждения сего ордена.

Дабы сохранить значение Военного ордена Св.Великомученика и Победоносца Георгия на подобающей ему высоте, предписываю распространить на кавалеров Св.Великомученика и Победоносца Георгия права сокращения выслуги при производстве по льготным цензовым правилам, права по наделу землей, по устройству по оставлении службы в военном ведомстве и по сокращению выслуги на пенсию, предоставляемые ныне кавалерам ордена Св.Николая Чудотворца.

Подписал: Главнокомандующий,
Генерал ВРАНГЕЛЬ.

Скрепил: Вр. и. д. Начальника
Военного Управления,
Генерал-Майор *Никольский*.
(По Военному Управлению),
(Общий отдел).

Копия.

“УТВЕРЖДАЮ”
Главнокомандующий Вооруженными
силами на Юге России,
Генерал ВРАНГЕЛЬ.
30 Апреля 1920 г.

Временное положение об ордене Св.Николая Чудотворца.

1) В воздаяние отменных воинских подвигов храбрости и мужества и беззаветного самоотвержения, проявленных в боях за освобождение Родины от врагов ее, учреждается орден

Св.Николая Чудотворца, как постоянного молитвенника о земле Русской.

2) Девиз ордена — «ВЕРОЙ СПАСЕТСЯ РОССИЯ».

3) Орден Св.Николая Чудотворца, носится при всех формах одежды.

4) Орден Св.Николая Чудотворца, жалуемый в порядке постепенности, имеет две степени:

а) 1-я степень носится на шее, ниже ордена Св.Георгия 3-й степени — выше других орденов.

б) 2-я степень — левее ордена Св.Георгия и правее других орденов и крестов.

5) Орден Св.Николая Чудотворца — железный крест, темный, носимый на ленте национальных цветов (бело-сине-красной). Размер 1-й степени, соответствующий ордену Св.Георгия 3-й степени, 2-й степени — того же ордена 4-й степени. На лицевой стороне в обруче вокруг изображения Св.Николая Чудотворца надпись «ВЕРОЙ СПАСЕТСЯ РОССИЯ». На обратной стороне выгравирована дата учреждения ордена. Для лиц нехристианского вероисповедания вместо изображения Св.Николая Чудотворца — государственный герб.

6) Орденом Св.Николая Чудотворца награждаются генералы, адмиралы, штаб и обер офицеры, а равно солдаты, последние, имеющие Георгиевский крест не ниже 3-й степени.

7) Орденом Св.Николая Чудотворца награждаются отличившиеся воинские доблести, мужество и самоотвержение, как по удостоению постановления Кавалерской Думы этого ордена, утвержденному Главнокомандующим, так и по личному пожалованию Главнокомандующим.

8) Орденом Св.Николая Чудотворца может быть награжден лишь тот, кто презрев очевидную опасность и явив доблестный пример неустрашимости, присутствия духа и самоотвержения, совершит отличный воинский подвиг, увенчанный полным успехом и доставивший явную пользу.

9) Кавалерский праздник Ордена Св.Николая Чудотворца — 9 мая.

Порядок Награждения Орденом Св.Николая Чудотворца.

10) Об удостоении к ордену Св.Николая Чудотворца делается представление ближайшим боевым Начальником оказавшего отличия

чие, или его заместителем и затем представление должно восходить к Главнокомандующему по боевому начальству, под командой коего подвиг совершен, с заключением по нем промежуточных начальников.

11) Главнокомандующий, получив представление о награждении орденом Св.Николая Чудотворца, приказывает произвести расследование об оказанном подвиге особо назначенной Орденской следственной комиссии.

Орденская следственная комиссия состоит из председателя, назначаемого по усмотрению Главнокомандующего и членов: — одного из состава дивизии или отряда, по возможности хорошо знакомого с обстановкой подвига, другого — из состава другой дивизии того же корпуса, — оба по назначению командира корпуса, к составу коего принадлежит лицо, оказавшее подвиг, или начальника, равного ему по власти. Как председатель, так и члены комиссии — все трое — кавалеры ордена Св.Николая Чудотворца, а за недостатком их кавалеры ордена Св.Георгия.

12) По производстве расследования, представление с заключением орденской следственной комиссии, по приказанию Главнокомандующего, вносится на рассмотрение Кавалерской Думы этого ордена.

13) Кавалерская Дума состоит из 5 членов — кавалеров ордена Св.Николая Чудотворца, а за недостатком их — из числа кавалеров ордена Св.Георгия, по выбору Главнокомандующего, в том числе один обязательно из состава орденской следственной комиссии, производившей расследование подвига.

14) Раз отклоненное Кавалерской Думой представление, вторично не может быть ни возбуждено, ни пересмотрено.

15) Постановление Кавалерской Думы ордена Св.Николая Чудотворца утверждается Главнокомандующим и объявляется в приказе Вооруженным Силам Юга России, с описанием того отличия, за какое удостоенный награжден этим орденом.

16) Главнокомандующий, в особо исключительных обстоятельствах пользуется правом лично награждать особо отличившихся в боях офицеров всех чинов и солдат орденом Св.Николая Чудотворца обеих степеней. Такое награждение рассмотрению в Думе не подлежит.

17) Возложение знаков ордена Св.Николая Чудотворца совершается тем же порядком,

каковой установлен для награждения орденом Св.Георгия.

18) Виновные в неправильном удостоении представляемого к награждению орденом Св.Николая Чудотворца подлежат ответственности по суду.

Особые права и преимущества Кавалеров Ордена Св.Николая Чудотворца.

По чинопроизводству.

а) *Офицерские чины:*

19) Кавалеры ордена Св.Николая Чудотворца производятся в следующий чин:

1) Производимые по льготным строевым цензам, — с сокращением сроков на одну четверть, по их личным ходатайствам.

2) Производимые не по строевым цензам могут быть производимы независимо занимаемой должности по выслуге в последнем чине, по их личным ходатайствам:

а) в обер-офицерских чинах — 2-х лет;

б) из обер-офицеров в штаб-офицеры — 4-х лет;

в) из штаб-офицеров в генерал-майоры — 5 лет, причем старшинство в новом чине, производимым на основании сих правил отдается не ранее дня, за который пожалован орден.

Ограничения, существующие для производства в штаб-офицерские чины в отношении общей фактической выслуги в офицерских чинах, а именно 5 лет для производства в подполковники и 8 лет — в полковники, и при льготных производствах Кавалеров ордена Св.Николая Чудотворца остаются в силе.

Тем или иным льготным производством Кавалеры ордена Св.Николая Чудотворца могут воспользоваться не более одного раза в течение всей своей службы и независимо от числа степеней имеющегося ордена.

Производства эти ни к какому сроку не приурочиваются и могут быть осуществлены в том чине, в каком пожелает того кавалер ордена Св.Николая Чудотворца.

б) Солдаты:

1) При пожаловании орденом Св.Николая Чудотворца 2-й степени — производится в подпрапорщики.

2) При пожаловании орденом Св.Николая Чудотворца 1-й степени — производится в подпоручики.

По наделу землей:

20) Кавалеры ордена Св.Николая Чудотворца пользуются преимущественным правом надела по тем правилам, которые будут установлены при разрешении аграрного вопроса и притом независимо рода занятий и деятельности их.

По воспитанию детей:

21) Кавалеры ордена Св.Николая Чудотворца пользуются правом воспитывать своих детей на казенный счет во всех тех учебных заведениях, где установлено это, причем права их по вопросу воспитания детей за счет Правительства, приравниваются к правам Георгиевских кавалеров, следуя за ними.

*По устройству
после оставления службы
в военном ведомстве.*

22) Кавалеры ордена Св.Николая Чудотворца, в случае оставления военной службы за ранением, контузией или по болезни, пользуются преимущественным перед другими правом на получение административной должности в соответствии с теми правилами, какие будут разработаны на этот предмет.

*По сокращению
выслуги на пенсию.*

23) Кавалеры ордена Св.Николая Чудотворца, при выходе в отставку за ранением, контузией или по болезни, пользуются правом на сокращение общей выслуги для получения пенсии на 1 год.

Подписал: Председатель Комиссии,
Генерал от Инфантерии ЭКК.

Члены:

Генерал-Лейтенант *Киселевский*.
Генерал-Лейтенант *Архангельский*.
Генерал-Майор *Трухачев*.
Генерал-Майор *Ползиков*.
Полковник *Мезерницкий*.

Приложение 2-е.

Копия.

Постановление.

Орденская Николаевская Дума, в заседании 15 ноября 1921 г., под председательством Генерала-Майора СКОБЛИНА и членов: Полковников: РАППОНЕТ, ЛЕВИТОВА, ПЕТРЕНКО, Подполковников: ГОНЧАРОВА, НИКИТИНА и Капитана ЧАПОВА постановила:

“За неоднократные боевые исключительные подвиги, личную беззаветную храбрость и мужество, известные всей Армии и частое личное руководство боевыми операциями, дававшее всегда полную победу Армии над противником, просить Главнокомандующего Русской Армией, Генерал-Лейтенанта Барона Петра ВРАНГЕЛЯ, принять орден Святого Николая Чудотворца 2-й степени”.

Председатель
Орденской Николаевской Думы,
Генерал-Майор *Скоблин*.

Члены:

Корниловского Артиллерийского дивизиона
полковник *Раппонет*.

Корниловского Ударного полка
полк. *Левитов*.

Корниловского Артиллерийского дивизиона
полковник *Петренко*.

1-го Ген. Алексеева Авиационного отряда
подполковник *Гончаров*.

Марковского пехотного полка
подполк. *Никитин*.

Технического полка танковой роты
кап. *Чапов*.

Приложение 3-е.

Список кавалеров ордена Святителя Николая Чудотворца

№№	Часть	Чин, фамилия и имя	Приказ	Примечание
1.	Командир 1-го армейского корпуса	Ген. Л. Кутепов, Александр	Пр. ВСЮР 11 июля 1920 г. № 167	
2.	Командующий 2-й армией	Ген. Л. Улагай	Пр. Главнок. 25 авг. 1920 г. № 3579	
3.	Командир 2-го армейского корпуса	Ген. Л. Слащев-Крымский, Яков	Пр. ВСЮР 11 июля 1920 г. № 167	
4.	Командир Сводного корпуса	Ген. Л. Писарев, Петр	тоже	
5.	Нач. Дроздовской див.	Ген. Л. Витковский, Владимир	тоже	
6.	Нач. 1-й Кубанской див.	Ген. Л. Бабиев, Николай	Пр. Главнок. 10 сент. 1920 г. № 3620	Убит
7.	Нач. авиации Русской армии	Ген. М. Ткачев	Пр. Главнок. 22 июня 1920 г. № 3294	
8.	Нач. Корниловской див.	Ген. М. Скоблин, Николай	Пр. ВСЮР 11 июля 1920 г. № 167	
9.	Командир 8-го кав. п.	Полк. Мезерницкий, Мстислав	тоже	
10.	Командир 6-го Донского Ермаковского кон. п.	Полк. Губкин, Петр	Пр. ВСЮР 19 июля 1920 г. № 176	
11.	Корниловской арт. бриг.	Полк. Глотов, Ефим	Пр. ВСЮР 11 июля 1920 г. № 167	
12.	Корниловской арт. бриг.	Полк. Петренко, Яков	тоже	
13.	1-го ген. Корнилова ударн. п.	Подполк. Ширковский, Дмитрий	тоже	
14.	1-го ген. Корнилова ударн. п.	Кап. Натус, Николай	тоже	
15.	3-го отряда 1-го танк. дивизиона	Шт. кап. Яромлович	Пр. Главнок. 26 мая 1920 г. № 3241	
16.	1-го ген. Корнилова ударн. п.	Пор. Редько, Макар	Пр. ВСЮР 11 июля 1920 г. № 167	

№№	Часть	Чин, фамилия и имя	Приказ	Примечание
17.	1-го брон. автомоб. дивизиона	Подпор. Сидоренко	Пр. Главнок. 5 авг. 1920 г. № 3502	
18.	Командир Кубанского стр. п.	Полк. Дмитриев	Пр. ВСЮР 11 июля 1920 г. № 167	Убит
19.	Корниловской арт. бриг.	Пор. Попов, Александр	Пр. ВСЮР 11 июля 1920 г. № 167	Убит
20.	1-го брон. автомоб. дивизиона	Хор. Кириллов	Пр. Главнок. 13 авг. 1920 г. № 3542 .	Убит
21.	Сост. в расп. Дон. Атам. б.нач. 2-й конной див.	Ген. М. Морозов, Василий	Пр. Главнок. 16 сент. 1920 г. № 3651	
22.	Командир 3-го стр. ген. Дроздовск. п.	Ген. М. Манштейн, Владимир	тоже	
23.	Нач. Дроздовской див.	Ген. М. Туркул, Антон	тоже	
24.	Ком. Литовского пех. п.	Полк. Буяченко, Александр	тоже	
25.	Ком. Таганрогск. пех. п.	Полк. Куявский, Александр	тоже	
26.	Ком. 2-го Донск. кон. п.	Полк. Ружейников, Александр	тоже	
27.	Ком. 2-го Корниловского ударн. п.	Полк. Пашкевич, Яков	тоже	Убит
28.	Брестского пех. п.	Подполк. Руссов, Лука	тоже	
29.	Ком. 6-й конной бат.	Подполк. Гумбин, Федор	тоже	
30.	Белостокского пех. п.	Кап. Завгородний, Георгий	тоже	
31.	1-го танкового дивизиона	Кап. Абрамович, Сергей	тоже	
32.	1-го танкового дивизиона	Шт. Кап. Чапов, Сергей	тоже	
33.	1-го танкового дивизиона	Шт. Кап. Ремболович, Иван	тоже	Убит
34.	1-го Терского каз. п.	Подъесаул Золотарев, Георгий	тоже	
35.	Брестского пех. п.	Пор. Шурыгин, Иван	тоже	
36.	Брестского пех. п.	Пор. Настенко, Тихон	тоже	
37.	Симферопольского пех. п.	Подпор. Кутепов, Тимофей	тоже	
38.	13-й арт. бриг.	Подпор. Гораин, Петр	тоже	
39.	1-го танкового див.	Подпор. Завалиевский, Павел	тоже	Убит
40.	» » »	Подпор. Кобзарь, Николай	тоже	Убит
41.	» » »	Подпор. Иванов, Сергей	тоже	Убит
42.	» » »	Подпор. Зехов, Александр	тоже	
43.	1-го Терск. каз. п.	Хорун. Бакай, Иван	тоже	

№№	Часть	Чин, фамилия и имя	Приказ	Примечание
44.	1-го ген. Маркова пех. п.	Мл. урядник Лысенко, Александр	Пр. Главнок. 16 сент. 1920 г. № 3651	
45.	1-го танкового див.	Кап. Зеленин, Юрий	Пр. Главнок. 28 сент.— 11 окт. 1920 г. № 3683	Убит
46.	» » »	Шт. Кап. Петрунин, Владимир	тоже	
47.	» » »	Подпор. Госочинский, Леонид	тоже	Убит
48.	» » »	Подпор. Вяткин, Федор	тоже	Убит
49.	» » »	Подпор. Кордубан, Георгий	тоже	
50.	Отд. конн. дивизиона	Подпор. Кравцов, Иван	тоже	
51.	Командир 4-го авиационного имени военного летчика полк. Казакова отряда	Полк. Шебалин, Сергей	Пр. Главнок. 1 окт. 1920 г. № 3712	
52.	1-го танкового див.	Шт. Кап. Госочинский	Пр. Главнок. 7/20 окт. 1920 г. № 3704	Убит
53.	» » »	Шт. Кап. Князь Макаев, Иракий	тоже	Убит
54.	1-го танкового див.	Пор. Менцендорф, Владимир	тоже	Убит
55.	» » »	Подп. Завалиевский, Петр	тоже	Убит
56.	» » »	Подпор. Бабецкий, Болеслав	тоже	Убит
57.	» » »	Подпор. Беляев, Борис	тоже	Убит
58.	» » »	Подпор. Демьяненко, Петр	тоже	Убит
59.	Командир конного корпуса	Ген. Л. Барбович, Иван	Пр. Главнок. 7/20 окт. 1920 г. № 3705	
60.	Командир 2-й бриг. 2-й кав. див.	Ген. М. Крейтер, Владимир	тоже	
61.	Командир 3-го ударн. Корниловского п.	Полк. Щеглов, Василий	тоже	
62.	Командир Белостокск. пех. п.	Полк. Винокуров, Алексей	тоже	
63.	Дроздовской артиллерийской бригады	Полк. Чеснаков, Василий	тоже	
64.	1-го стр. ген. Дроздовского п.	Полк. Петерс, Евгений	тоже	
65.	2-го Корниловского ударного полка	Полк. Левитов, Михаил	тоже	
66.	34-й арт. бриг.	Полк. Миткевич-Волчанский, Владимир	тоже	
67.	3-го кав. полка	Полк. Аглаимов, Всеволод	тоже	

№№	Часть	Чин, фамилия и имя	Приказ	Примечание
68.	1-го кав. полка	Полк. Малевинский, Антон	Пр. Главнок. 7/20 окт. 1920 г. № 3705	
69.	» » »	Полк. Киленин, Владимир	тоже	Убит
70.	1-го стр. ген. Дроздовского п.	Подполк. Мельников, Сергей	тоже	
71.	2-го уд. Корниловского полка	Подполк. Померанцев, Александр	тоже	Убит
72.	Бывшего 5 (ныне 1) кав. полка	Подполк. Яновский, Георгий	тоже	
73.	3-го кав. п.	Подполк. Алтуфьев, Павел	тоже	Убит
74.	6-го кав. п.	Подполк. Фальц, Даниил	тоже	
75.	3-го кав. п.	Подполк. Гольм, Анатолий	тоже	
76.	6-го кав. п.	Подполк. Лесеневич, Владимир	тоже	
77.	1-го кав. п	Ротм. Гленбоцкий, Евгений	тоже	
78.	1-го кав. п.	Ротм. Подольский, Сергей	тоже	
79.	3-го кав. п.	Ротм. Маркевич, Георгий	тоже	
80.	5-го авиац. отр.	Ротм. Грабовский, Сергей	тоже	
81.	1-го стр. ген. Дроздовского полка	Кап. Байтадаров, Григорий	тоже	
82.	2-го Корниловского уд. полка	Кап. Трошин, Григорий	тоже	
83.	5-го авиац. отр.	Кап. Гончаров, Николай	тоже	
84.	3-го кав. п.	Шт. Ротм. Ковалевский, Александр	тоже	
85.	3-го кав. п.	Шт. Ротм. Войцеховский, Александр	тоже	
86.	6-го кав. п.	Шт. Ротм. Брынь, Николай	тоже	
87.	1-го кав. п.	Пор. Ткаченко, Николай	тоже	
88.	3-го стр. ген. Дроздовского п.	Пор. Будянский, Владимир	тоже	Убит
89.	Литовского пех. п.	Пор. Кожухарь, Иван	тоже	
90.	34-й арт. бриг.	Подпор. Торговицкий, Алексей	тоже	
91.	1-го кав. п.	Подпрап. Сычев, Иван	тоже	
92.	Черноморского див.	Старший урядник из вольноопределяющихся Ветлица, Сергей	тоже	
93.	Б. нач. Черноморско-Кубанского отряда	Ген. Л. Фостиков	Пр. Главнок. 14/27 окт. 1920г. № 3737	
94.	Команд. Донск. корпуса	Ген. Л. Абрамов	Пр. Главнок. 14 марта 1921 г. № 93	

<i>№№</i>	<i>Часть</i>	<i>Чин, фамилия и имя</i>	<i>Приказ</i>	<i>Примечание</i>
95.	Командир 2-й бриг. 3 Донской див.	Ген. Л. Фицхеллауров	Пр. Главнок. 14 марта 1921 г. № 93	
96.	Нач. 3-й Донской див.	Ген. М. Гусельщиков	тоже	
97.	Ком. 3-го кав. п.	Полк. Байдак, Андрей	Приказ 24 янв. 1921 г. № 31	
98.	Ком. 1-го Донского каз. полка	Полк. Рябышев, Стефан	тоже	
99.	1-го кав. п.	Полк. Попов, Сергей	тоже	
100.	Ком. 1-го ударного Корниловского п.	Полк. Гордиенко, Карп	Приказ 2 дек. 1920 г. № 3772	
101.	Крымской боевой авиационной группы	Войсковой страшина Кутейников, Николай	Приказ 6 дек. 1920 г. № 3788	
102.	2-го Донского п.	Есаул Артемов, Стефан	Приказ 24 янв. 1921 г. № 31	
103.	3-го кав. п.	Шт. Ротм. Логвинов, Александр	Приказ 20 янв. 1921 г. № 27	
104.	1-го стр. ген. Дроздовского п.	Кап. Михайловский	Приказ 24 янв. 1921 г. № 31	
105.	34-й арт. бриг.	Шт. Кап. Закс, Сергей	тоже	
106.	Легкого бронепоезда «Дмитрий Донской»	Шт. Кап. Лагутин	тоже	
107.	1-го Корниловского уд. полка	Пор. Лясковский	тоже	
108.	2-го Корниловского уд. полка	Подпор. Маньшин, Иван	тоже	

Приложение 4-е.

**Войсковым частям
разновременно пожаловано:**

1. Знамя ордена Св.Николая Чудотворца:

Приказ Главнокомандующего
8—го июня 1920 г. № 3310.

1—му, 2—му и 3—му ген. Маркова пех. полкам.

1—му, 2—му и 3—му ген. Дроздовского стрелк. полкам.

1—му, 2—му и 3—му ген. Корнилова ударным полкам.

Приказ Главнокомандующего
11—го марта 1921 г. № 91.

Константиновскому военному училищу.
Кубанскому Алексеевскому военному училищу.

2. Серебряные трубы с лентами ордена Св.Николая Чудотворца:

Приказ Главнокомандующего
12—го июня 1920 г. № 3314.

1—й и 3—й батареям Корниловской арт. бригады.

1—й, 3—й, 4—й и 7—й батареям Марковской арт. бригады.

Приказ Главнокомандующего
24—го июня 1920 г. № 3436.

1—й, 2—й, 3—й и 7—й батареям Дроздовской арт. бригады.

Приказ Главнокомандующего
24—го июня 1920 г. № 3419

3—й батарее 1—го тяж. арт. дивизиона.

Приказ Главнокомандующего
24—го июня 1920 г. № 3296.

3—мй, 4—му, 5—му и 6—му Донск. конн. полкам.

Дзюнгарскому Калмыцкому конному полку.

2—й и 3—й Донск. конн. батареям.

Приказ Главнокомандующего
27—го июля (9—го авг.) 1920 г. № 3471.

Уманскому, Корниловскому, Волчьему и Партизанскому казачьим полкам.

Приказ Главнокомандующего
31—го июля (13 авг.) 1920 г. № 3495.

7—й батарее Корниловской арт. бригады.

3. Ленты ордена Св.Николая Чудотворца к имеющимся трубам:

Приказ Главнокомандующего
20—го июля 1920 г. № 3419 (3479?)

1—му Терскому и 1—му Астраханскому казачьим полкам.

4. Авиационный флаг с лентами и знаком ордена Св.Николая Чудотворца:

Приказ Главнокомандующего
4/17—го августа 1920 г. № 3498.

1—му, 3—му, 5—му и 8—му авиационным отрядам.

Примечание: Можно предполагать, что даты, отмеченные в списке, относятся не ко дню отдачи приказа, а ко времени пожалования отличия.

II

В моей статье, посвященной истории основания ордена Святителя Николая Чудотворца Генералом Бароном Врангелем в Крыму в 1920 г., я поставил себе задачей помочь “сохранить память как о самом ордене, так и о тех верных Родине кавалерах его, которые своею кровью, а порой и самой жизнью запечатлели свою верность России”. Цель эта, по-видимому, частично была достигнута, так как на появившуюся в журнале «Acta Wrangeliana», 1936 г., № 2, статью обратила внимание русская зарубежная печать*, и ко мне стали поступать из разных источников те сведения об ордене, отсутствие которых делало очерк его возникновения и существования неполным, и о присылке которых я просил моих корреспондентов.

Этот прилив сведений дает возможность теперь существенно пополнить опубликованную в 1936 году статью. В приложении 5—м я могу теперь привести как приказ, так и положение о «Комитете ордена Св.Николая Чудотворца», в приложении 6—м приводится список кавалеров, который повышает общее число из-

* Журнал «Часовой» — Брюссель, газеты: «Новое слово» — Берлин, «Голос России» — София, «Русское слово» — Варшава и Вильно, «Вестник Галлиполийцев» — София, «Русский голос» — Белград, «Морской Журнал» — Прага.

вестных ныне носителей ордена с 109 на 338 (Генерал Врангель и 108, плюс 229 кавалеров). Вероятно, это число близко к тому, чтобы его можно было считать исчерпывающим. Пополнился (приложение 7-е) и список воинских частей армии, награжденных серебряными трубами ордена.

Из архива контр-адмирала Машукова поступили ценные сведения о флоте: в приложении 8-м приведен приказ, устанавливающий награждение судов флота Николаевским вымпелом, а в приложении 9-м указаны суда, удостоенные этого награждения.

«Acta Wrangeliana», 3, 1937.

Приложение 5-е.

**Приказ Главнокомандующего
вооруженными
силами на Юге России.**

№ 3239.

г. Севастополь.

23-го мая 1920 г.

Высокая идея ордена Св.Николая Чудотворца вызвала прилив жертвований на нужды кавалеров сего ордена и их семей.

В виду сего и признавая необходимость принять меры к наилучшему материальному обеспечению кавалеров ордена Св.Николая Чудотворца и их семей и к привлечению к этому делу общественных сил, учреждаю Комитет ордена Св.Николая Чудотворца. Временное положение о коем, утвержденное мною при сем объявляю.

Подписал: Главнокомандующий,
Генерал *ВРАНГЕЛЬ*.

Скрепил: Вр. и. д. Начальника Военного Управления,

Генерал-Майор *Никольский*.

“Утверждаю”
Главнок. вооруж. силами
на Юге России,
Генерал *ВРАНГЕЛЬ*.
23 мая 1920 года.

**ПОЛОЖЕНИЕ
о Комитете ордена Св.Николая
Чудотворца.**

1. Комитет имеет целью попечение о лицах, награжденных орденом Св.Николая Чудотворца, а равно и неимущих семьях сих лиц, и ведает всеми вопросами, связанными с материальным обеспечением их, равно и приисканием средств для их призрения.

2. Председатель Комитета назначается Главнокомандующим Вооруженными Силами Юга России.

3. Членами Комитета могут быть лица, состоящие как на военной, так и на гражданской службе, преимущественно из числа кавалеров ордена Св.Великомученика и Победоносца Георгия или ордена Св.Николая Чудотворца, а равно и общественные деятели.

4. Члены Комитета утверждаются в звании Главнокомандующим Вооруженных Сил Юга России.

5. Делами Комитета ведает Управляющий делами Комитета, избираемый Председателем из числа членов комитета и утверждаемый в этой должности Главнокомандующим.

6. Вся денежная отчетность комитета сосредоточивается временно в Общем отделе Военного Управления.

7. Как председатель, так и управляющий делами и члены комитета от казны содержания по означенным должностям, а равно вознаграждения от Комитета не получают.

8. Комитет имеет право приобретать и отчуждать движимое и недвижимое имущество, заключать договоры, вступать в обязательства, а равно искать и отвечать на суде.

9. Общий отчет о деятельности комитета за истекший год публикуется во всеобщее сведение.

Приложение б-е.

Список (второй*) кавалеров Ордена
Святителя Николая Чудотворца

№№	Часть	Чин, фамилия и имя	Приказ
1.	13 арт. бригады	Пор. Мамонтов, Сергей	Пр. Главнок. 7 октября 1920 г. № 3705
2.	3 кав. полка	Кор. Жедринский, Владимир	тоже
3.	Нач. штаба Черном. Фл. б. нач. 2 отряда судов Черноморского Флота и нач. обор. Азовского моря	К. Адм. Машуков, Николай	Пр. Главнок. 5 ноября 1920 г. № 008405 8504
4.	Нач. операт. части штаба н-ка 2 отр. судов Черном. Флота	Кап. 2 р. Карпов, Борис	тоже
5.	Ком. кан. лодки «Урал»	Кап. 2 р. Веревоцкий, Сергей	тоже
6.	Ком. вооруж. ледокола «Гайдамак»	Кап. 2 р. Новиков, Борис	тоже
7.	Ком. кан. лодки «Салгир»	Ст. Лейт. фон Вирен, Роберт	тоже
8.	Ком. Алексеевского пехотного полка	Ген. М. Гравицкий, Георгий	Пр. Главнок. 3 марта 1921 г. № 77
9.	Ком. 6 кавал. полка	Ген. М. Иванов, Евгений	тоже
10.	Ком. 2 кавал. полка	Полк. Глебов, Иван	тоже
11.	3 кавал. полка	Полк. Барыбалов, Дмитрий	тоже
12.	Св. батар. 2 конно-горного дивизиона	Подполк. Пржебаловский, Виктор	тоже
13.	3 кавал. полка	Подполк. Кузьмин-Караваев, Всеволод	тоже
14.	3 кавал. полка	Корн. Харьковский, Тимофей	тоже
15.	Ком. 2 бр. 2 Донск. кон. дивизии	Ген. М. Клочков, Иван	Пр. Главнок. 10 июля 1921 г. № 239
16.	Ком. 1 Донск. кон. п.	Полк. Рябышев, Стефан	тоже
17.	Ком. 3 Калед. Георг. к. п.	Полк. Чапчиков, Григорий	тоже
18.	5 Донск. ат. Плат. к. п.	Полк. Побежимов, Василий	тоже
19.	10 Донск. каз. п.	Полк. Фолометов, Василий	тоже
20.	18 Донск. Георг. кон. п.	Полк. Кузнецов, Иван	тоже
21.	Гундор. Георг. п.	Полк. Шевырев, Федор	тоже

* Исправлено в 1959 г. по данным архива.

<i>№№</i>	<i>Часть</i>	<i>Чин, фамилия и имя</i>	<i>Приказ</i>
22.	Ком. 3 Донск. кон. б-ей	Полк. Леонов, Александр	Пр. Главнок. 10 июля 1921 г. № 239
23.	Ком. 1 б-ей 1 Донск. арт. д-на	Полк. Дубовский, Анатолий	тоже
24.	4 Донск. ат. Назар. кон. п.	В. Ст. Юдин, Василий	тоже
25.	5 Донск. ат. Платова п.	В. Ст. Исаев, Николай	тоже
26.	6 Донск. ат. Ермака к. п.	В. Ст. Мартынов, Федор	тоже
27.	Ком. 2 Георг. Гундор. б-ей	В. Ст. Пивоваров, Андрей	тоже
28.	2 Донск. каз. сводн. п.	Ес. Кондратьев, Тимофей	тоже
29.	4 Донск. ат. Назар. кон. п.	Ес. Попов, Павел	тоже
30.	» » »	Ес. Желтоногов, Федор	тоже
31.	» » »	Ес. Чернов, Константин	тоже
32.	» » »	Ес. Чулков, Петр	тоже
33.	5 Донск. ат. Плат. кон. п.	Ес. Тормасин, Алексей	тоже
34.	» » »	Ес. Медведев, Тихон	тоже
35.	» » »	Ес. Попов, Константин	тоже
36.	» » »	Ес. Швечиков, Илья	тоже
37.	7 Донск. каз. п.	Ес. Лазарев, Иван	тоже
38.	» » »	Ес. Пруцаков, Тимофей	тоже
39.	1 Донск. каз. легк. б-ей	Ес. Попов, Федор	тоже
40.	1 Донск. кон. п.	П. Ес. Сережников, Александр	тоже
41.	4 Донск. ат. Назар. кон. п.	П. Ес. Янюшкин, Александр	тоже
42.	» » »	П. Ес. Сафонов, Матвей	тоже
43.	» » »	П. Ес. Лестев, Андрей	тоже
44.	» » »	П. Ес. Рыбинцев, Горигорий	тоже
45.	5 Донск. ат. Плат. кон. п.	П. Ес. Самохин, Павел	тоже
46.	4 Донск. ат. Назар. кон. п.	Сотн. Болдырев, Степан	тоже
47.	» » »	Сотн. Балкунов, Василий	тоже
48.	8 Донск. каз. п.	Пор. Сергеенко, Николай	тоже
49.	Инж. сотни 2 Донск. к. див.	Подпор. Максименко, Яков	тоже
50.	2 Донск. каз. сводн. п.	Хор. Куприянов, Михаил	тоже
51.	4 Донск. ат. Назар. кон. п.	Хор. Мартынов, Михаил	тоже
52.	2 Донск. каз. п.	П. хор. Харламов, Дмитрий	тоже
53.	» » »	П. хор. Пригорелов, Александр	тоже
54.	18 Донск. Георг. кон. п.	П. хор. Исаев, Михаил	тоже
55.	6 Донск. ат. Ермака кон. п.	П. хор. Казанков, Федор	тоже
56.	Георг. Гундор. п.	П. хор. Борисов, Андрей	тоже

№№	Часть	Чин, фамилия и имя	Приказ
57.	1 6-ей 1 Донск. лег. арт. д.	П. хор. Шпынев, Тимофей	Пр. Главнок. 10 июля 1921 г. № 239
58.	2 Донск. каз. п.	П. Ес. Юркин, Федор	Пр. Главнок. 2 августа 1921 г. № 241
59.	» » »	Хор. Ткачев, Иван	тоже
60.	» » »	П. хор. Попов, Лука	тоже
61.	» » »	П. хор. Титов, Филипп	тоже
62.	Ком. лег. бронепоезда «Офицер»	Полк. Лебедев, Михаил	Пр. Главнок. 2 августа 1921 г. № 242
63.	4 авиац. им. воен. летч. полк. Казакова отр.	Подполк. Сусалин, Иван	тоже
64.	Ком. 2 авиац. им. ген. Каледина отр.	В. Ст. Качаловский, Константин	тоже
65.	4 авиац. отр.	Кап. Барановский, Георгий	тоже
66.	Лег. Бронеп. «Георгий Победоносец»	Кап. Сохранский, Алексей	тоже
67.	Ком. танка «Ген. Скобелев»	Шт. кап. Трёмбовельский, Александр	тоже
68.	Руков. того же танка	Пор. Бекеч, Владимир	тоже
69.	1 брон. автом. д-на 1 арм. корпуса	Кап. Холщевников, Борис	тоже
70.	5 авиац. отр.	Пор. Качан, Павел	тоже
71.	Ком. брон. автом. «Огонь»	Пор. Кавторадзе, Владимир	тоже
72.	Того же автомобиля	Ст. Пулем-к Михайлов, Василий	тоже
73.	1 автом. бронев. д-на	Пор. Азанчевский-Азанчеев, Глеб	тоже
74.	» » »	Подпор. Пензин, Константин	тоже
75.	» » »	Подпор. Дзык, Михаил	тоже
76.	» » »	Подпор. Момджи, Георгий	тоже
77.	1 д-на танков	Подпор. Балевиц, Александр	тоже
78.	» » »	Подпор. Бобров, Иван	тоже
79.	4 авиац. отр.	Подпор. Байдак, Леонид	тоже
80.	Крымской авиац. группы	Подпор. Гребнев, Валентин	тоже
81.	Помощн. н-ка Корн. уд. дивизии	Ген. М. Пешня, Михаил	Пр. Главнок. 31 окт. 1921 г. № 248
82.	Ком. 135 Керчь-Еникальск. пех. п.	Полк. Лосиевский, Владимир	тоже
83.	Ком. кон. Дроздовского д-на	Полк. Кобаров, Михаил	тоже
84.	136 п. Таганрогского п.	Полк. фон Эссен, Владимир	тоже
85.	3 стр. ген. Дрозд. п.	Полк. Дрон, Владимир	тоже

№№	Часть	Чин, фамилия и имя	Приказ
86.	1 Корнил. уд. п.	Полк. Дашкевич, Михаил	Пр. Главнок. 31 окт. 1921 г. № 248
87.	2 Корнил. уд. п.	Полк. Злотников, Александр	тоже
88.	Ком. 3 ген. Маркова пех. п.	Подполк. Урфалов, Александр	тоже
89.	Марковского пех. п.	Подполк. Чибирнов, Тихон	тоже
90.	Корниловск. уд. п.	Подполк. Челядинов, Василий	тоже
91.	Марковск. пех. п.	Подполк. Сагайдачный, Петр	тоже
92.	3 ген. Дрозд. стр. п.	Подп. Дюмин, Николай	тоже
93.	3 Марковск. пех. п.	Подполк. Никитин, Дмитрий	тоже
94.	Марковского пех. п.	Подполк. Шенберг, Михаил	тоже
95.	1 Марковск. пех. п.	Кап. Поляков, Анатолий	тоже
96.	Марковского пех. п.	Кап. Стрелин, Александр	тоже
97.	» » »	Кап. Керн, Сергей	тоже
98.	2 Дрозд. стр. п.	Кап. Ширяев, Афанасий	тоже
99.	2 » » »	Кап. Потапов, Исаакий	тоже
100.	3 » » »	Кап. Коваленко, Владимир	тоже
101.	» » »	Кап. Ахновский, Василий	тоже
102.	2 Корнил. ударн. п.	Кап. Старчиков, Мипа	тоже
103.	136 п. Таганрогск. п.	Кап. Нахтигаль, Вольдемар	тоже
104.	1 Партиз. ген. Алекс. п.	Кап. Осипенко, Ефим	тоже
105.	1 Марковск. пех. п.	Шт. Кап. Свешников, Федор	тоже
106.	2 Корнил. ударн. п.	Кап. Нашивочников, Семен	тоже
107.	1 Марковск. пех. п.	Ес. Лещук, Николай	тоже
108.	136 п. Таганрогск. п.	Кап. Бухиник, Илья	тоже
109.	2 Корнил. ударн. п.	Ш. Кап. Панасюк, Михаил	тоже
110.	2 Марковск. пех. п.	Ш. Кап. Борцов, Яков	тоже
111.	3 Марковск. пех. п.	Ш. Кап. Пироженко, Петр	тоже
112.	1 Марковск. пех. п.	Ш. Кап. Касацкий, Петр	тоже
113.	1 Корниловск. ударн. п.	Ш. Кап. Тывровский, Андрей	тоже
114.	» » »	Ш. Кап. Гаев, Кузьма	тоже
115.	» » »	Ш. Кап. Стороженко, Борис	тоже
116.	1 Дроздовск. стр. п.	Шт. Кап. Черепнин, Василий	тоже
117.	136 пех. Таганрогск. п.	Ш. Кап. Голосной, Иван	тоже
118.	» » »	Ш. Кап. Рапота, Александр	тоже
119.	Дроздовск. конн. д-на	Ш. Ротм. Соколы, Филипп	тоже
120.	2 Дроздовск. стр. п.	Пор. Емельяненко, Василий	тоже

№№	Часть	Чин, фамилия и имя	Приказ
121.	3 Дроздовск. стр. п.	Пор. Чупрынов, Тихон	Пр. Главнок. 31 окт. 1921 г. № 248
122.	1 Корниловск. ударн. п.	Пор. Федоров, Константин	тоже
123.	» » »	Пор. Лебедев, Дмитрий	тоже
124.	2 Корниловск. ударн. п.	Пор. Власенко, Федор	тоже
125.	» » »	Пор. Романюк, Степан	тоже
126.	» » »	Пор. Рекке, Андрей	тоже
127.	Марковск. конн. д-на	Пор. Ильенко, Василий	тоже
128.	1 Корниловск. ударн. п.	Подпор. Пиньский, Густав	тоже
129.	1 » » »	Подпор. Сироткин, Виктор	тоже
130.	1 » » »	Подпор. Васильев, Анатолий	тоже
131.	1 » » »	Подпор. Селин, Илья	тоже
132.	2 » » »	Подпор. Жуков, Петр	тоже
133.	2 » » »	Подпор. Бондарь, Артем	тоже
134.	2 » » »	Подпор. Дяйкин, Николай	тоже
135.	2 » » »	Подпор. Рауп, Бернгард	тоже
136.	3 » » »	Подпор. Середин, Федот	тоже
137.	2 Марковск. пех. п.	Подпор. Рейнгард, Юрий	тоже
138.	3 Марковск. пех. п.	Подпор. Цыганенко, Ефим	тоже
139.	1 Дроздовск. стр. п.	Подпор. Романовский, Виктор	тоже
140.	1 » » »	Подпор. Гечевский, Станислав	тоже
141.	3 » » »	Подпор. Карпин, Александр	тоже
142.	Симферопольск. конн. д-на	Корн. Небытов, Петр	тоже
143.	Алекссевск. пех. п.	П. прап. Берелидзе, Владимир	тоже
144.	2 Корниловск. ударн. п.	Фельдф. Морозов, Николай	тоже
145.	2 Дроздовск. стр. п.	Фельдф. Зипунов, Георгий	тоже
146.	Марковск. конн. д-на	Вахм. Трегубов, Тимофей	тоже
147.	2 Дроздовск. стр. п.	Фельдф. Алехин, Петр	тоже
148.	2 Корниловск. ударн. п.	С. у.-оф. Федотов, Степан	тоже
149.	1 Дроздовск. стр. п.	С. у.-оф. Хабленко, Иван	тоже
150.	2 » » »	М. у.-оф. Редько, Степан	тоже
151.	Ком. Гвард. кав. п.	Полк. Ковалинский, Дмитрий	Пр. Главнок. 31 окт. 1921 г. № 249
152.	Нач. штаба 1 кав. див.	Ген. шт. полк. Фукс, Владимир	тоже
153.	3 кавал. полка	Полк. Крицкий, Александр	тоже
154.	» » »	Полк. Комоцкий, Николай	тоже

<i>№№</i>	<i>Часть</i>	<i>Чин, фамилия и имя</i>	<i>Приказ</i>
155.	3 кавал. полка	Подполк. Ерофеев, Борис	Пр. Главнок. 31 окт. 1921 г. № 249
156.	1 » » »	Ротм. Чемичов, Иван	тоже
157.	4 » » »	Ротм. Христинич, Николай	тоже
158.	6 кавал. полка	Пор. Одоевцев, Владимир	тоже
159.	2 » » »	Пор. Говоров, Николай	тоже
160.	4 » » »	Корн. Золотухин, Игорь	тоже
161.	Гвардейск. кав. п.	Корн. Малиновский, Лев	тоже
162.	» » »	Подпрап. Петров, Семен	тоже
163.	» » »	Ш. Ротм. Барон Меллер- Закомельский, Александр	Пр. Главнок. 31 окт. 1921 г. № 361
164.	Ком. 2 бат. Алекс. арт. д-на	Полк. Думбадзе, А.	Пр. Главнок. 11 нояб. 1921 г. № 368
165.	Ком. 1 д-на Корн. арт. б-ды	Полк. Королев, Федор	Пр. Главнок. 31 окт. 1921 г. № 500
166.	Ком. д-на Дрозд. арт. б-ды	Полк. Протасович, Виктор	тоже
167.	Корниловск. арт. д-на	Полк. Раппонет, Юрий	тоже
168.	» » »	Полк. Бялковский, Николай	тоже
169.	» » »	Полк. Пурпиш, Альберт	тоже
170.	Марковск. арт. д-на	Полк. Лепилин, Александр	тоже
171.	» » »	Полк. Песчанников, Сергей	тоже
172.	» » »	Полк. Шперлинг, Александр	тоже
173.	Алексеевск. арт. д-на	Полк. Пусторнаков, Константин	тоже
174.	Марковск. арт. д-на	Полк. Изенбек, Федор	тоже
175.	5 артиллер. д-на	Полк. Лопатин, Владимир	тоже
176.	Корниловск. арт. д-на	Полк. Гетц, Викентий	тоже
177.	Марковск. арт. д-на	Подполк. Стадницкий-Колендо, Вячеслав	тоже
178.	Корниловск. арт. д-на	Подполк. Смогаржевский, Донат	тоже
179.	» » »	Подполк. Пио-Ульский, Антоний	тоже
180.	Марковск. арт. д-на	Кап. Гавриленко, Владимир	тоже
181.	2 конно-горн. арт. д-на	Кап. Мономахов, Константин	тоже
182.	1 Кавказск. конн. б-еи	Кап. Станюкович, Николай	тоже
183.	Марковск. арт. д-на	Ш. Кап. Калянский, Юрий	тоже
184.	Корниловск. арт. д-на	Ш. Кап. Маруков, Гайк	тоже

№№	Часть	Чин, фамилия и имя	Приказ
185.	Корниловск. арт. д-на	Пор. Акимов, Владимир	Пр. Главнок. 31 окт. 1921 г. № 500
186.	» » »	Пор. Яблочков, Алексей	тоже
187.	Марковск. арт. д-на	Ст. фейерв. Тихоненко, Борис	тоже
188.	1 Лабинск. Ген. Бабиева каз. полка	Полк. Сомов, Борис	Пр. Главнок. 31 окт. 1921 г. № 501
189.	» » »	Полк. Проффен, Антон	тоже
190.	2 Хоперского каз. п.	В. Ст. Маслов, Павел	тоже
191.	1 Лаб. Ген. Бабиева каз. п.	В. Ст. Алленов, Степан	тоже
192.	4 Кубанского стр. п.	Ес. Балуев, Михаил	тоже
193.	Кубанск. гвард. каз. д-на	Ес. Муравьев, Георгий	тоже
194.	Уманского каз. полка	Ес. Хорунжий, Иван	тоже
195.	Запорожск. отд. кон. д-на	Ес. Фоменко, Петр	тоже
196.	1 Кубанск. каз. п.	Ес. Шапошников, Кирилл	тоже
197.	Линейного каз. полка	Ес. Назаренко, Никифор	тоже
198.	Горского конн. д-на	Ротм. Тухаев, Антон	тоже
199.	1 Лабинского каз. п.	Ротм. Аджиев, Хаджи-Мурза	тоже
200.	4 Кубанского стр. п.	Кап. Падалкин, Василий	тоже
201.	1 Уманского каз. п.	Сотн. Удовица, Григорий	тоже
202.	1 конной арт. б-еи	Ш. Кап. Владиславлев, Алексей	тоже
203.	1 Кубанск. кон.-арт. д-на	Ш. Кап. Михельсон, Вальтер	тоже
204.	1 Лабинск. Ген. Бабиева каз. п.	Сотн. Портянко, Степан	тоже
205.	1 Полтавского каз. п.	П-хор. Дубина, Леонтий	тоже
206.	Ком. Корниловск. кон. п.	Полк. Литвиненко, Илларион	Пр. Главнок. 22 дек. 1921 г. № 506
207.	Корниловск. кон. п.	В. Ст. Тюнин, Александр	тоже
208.	» » »	Сотн. Рева, Сергей	тоже
209.	Ком. 4 Донск. ат. Назарова полка	Ген. М. Рубашкин, Алексей	Пр. Главнок. 22 дек. 1921 г. № 508
210.	Ком. 5 Донск. ат. Назарова полка	Ген. М. Шмелев, Александр	тоже
211.	Атаманского воен. учил.	С. порт. ю. Бондарев, Петр	тоже
212.	» » »	М. порт. ю. Башмаков, Николай	тоже
213.	» » »	Юнкер Долгачев, Михаил	тоже
214.	» » »	Юнкер Гаврилов, Евстафий	тоже
215.	Георгиевск. Гундоровск. п.	П. хор. Борцов, Апполон	тоже

<i>№№</i>	<i>Часть</i>	<i>Чин, фамилия и имя</i>	<i>Приказ</i>
216.	Георгиевск. Гундоровск. п.	Вахм. Домащенко, Георгий	Пр. Главнок. 22 дек. 1921 г. № 508
217.	» » »	П. хор. Фомичев, Арсений	тоже
218.	» » »	П. хор. Гуреев, Степан	тоже
219.	» » »	хор. Долгопятов, Андрей	тоже
220.	» » »	Вахм. Низовкин, Иосиф	тоже
221.	» » »	Вахм. Летучев, Макар	тоже
222.	1 Марковск. пех. полка	Полк. Емельянов, Михаил	Пр. Главнок. 22 дек. 1921 г. № 509
223.	Дроздовского стр. п.	Кап. Трофимов, Павел	тоже
224.	1 Лаб. Ген. Бабиева каз. п.	Подполк. Оберемок, Георгий	Пр. Главнок. 10 фев. 1922 г. № 201
225.	2 конно-артил. д-на	Ш. Кап. Федоров, Вадим	тоже
226.	1 Лаб. Ген. Бабиева каз. п.	Сотн. Гриценко, Иван	тоже
227.	Б. Нач. штаба 1 Кубанской каз. дивизии	Прич. к ген. шт. Полк. Гришин, Федор	Пр. Главнок. 10 марта 1922 г. № 227
228.	2 конного арт. д-на	Подпор. Добровольский, Виктор	Пр. Главнок. 12 июня 1922 г. № 268
229.	Уманского п. Куб. каз. в.	Хор. Дорофеев, Калина	тоже

Приложение 7-е.

**Войсковым частям
разновремененно пожаловано:**

1. *Серебряные трубы с лентами ордена
Св.Николая Чудотворца:*

Приказ Главнокомандующего
22-го августа 1920 г. № 3551.

2-му Донскому казачьему полку.

4-й и 5-й Донским батареям.

6-й конной батарее.

Сводной батарее 2-го конно-горного арт.
дивизиона.

Приказ Главнокомандующего
26-го августа 1920 г. № 3582.

Гундоровскому Георгиевскому полку.

7-му и 8-му Донским казачьим полкам.

18-му Донскому конному Георгиевскому
полку.

3-му Донскому конному дивизиону.

1-й и 2-й батареям 1-го Донского легкого
арт. дивизиона.

Приказ Главнокомандующего
25-го марта 1921 г. № 122.

Александровскому Генерала Алексеева
военному училищу.

Приказ Главнокомандующего
6-го мая 1921 г. № 186.

Военному Генерала Корнилова училищу.

Приказ Главнокомандующего
18-го ноября 1921 г. № 375.

1-й Генерала Алексеева и

2-й батареям Алексеевского арт. дивизио-
на.

3-й батарее 7-й артиллерийской бригады.

Соответственно с приказом моим по Воен-
ному Ведомству от 30 апреля с.г. за № 3089 об
учреждении ордена во имя Святителя Николая
Чудотворца, постоянного молитвенника Земли
Русской, *устанавливаю* для судов Русского Во-
енного Флота, за оказанные в сражении подви-
ги, награду *Николаевский Вымпел*, примени-
тельно к ст.1291 книги X Св. М. П. изд. 1914 г.

Согласно с этим приказом приказываю до-
полнить книгу X Св. Морских Постановлений
издания 1914 г. — нижеследующим:

Ст.1325 — I. Судам Русского Военного
Флота за оказанные в сражении подвиги, жа-
луется *Николаевский Вымпел*, состоящий из
обыкновенного, присвоенного судам вымпела,
общего или Георгиевского, но с косицами из 3
горизонтальных полос, считая сверху: Белой—
Синей—Красной.

Ст.1325 — II. Николаевский вымпел но-
сится не только теми кораблями, коим он не-
посредственно пожалован, но и кораблями, на-
званными в будущем *в честь их*.

Ст.1291 — I. Флагман поднимает соответ-
ствующий по чину стеньговый адмиральский
флаг, с Николаевскими на нем отличиями, в
случае, если его Флагманский корабль имеет
Николаевский Вымпел.

Ст.1323 — I. Штаб-офицер, командую-
щий отдельным отрядом, поднимает *Николаев-
ский плавающий Брейд Вымпел*, в случае, ука-
занном в ст. 1291 — первой.

Ст.1323 — II. Начальники дивизионов
поднимают *Николаевские Брейд Вымпела* в
случае указанном в ст.1291 — первой.

Утвержденные рисунки и описания: вым-
пела, флага и брейд вымпела, при сем прилага-
ются.

Подписал: Главнокомандующий
Генерал *ВРАНГЕЛЬ*.

Скрепил: Начальник Морского Управления
Вице-Адмирал *М.Саблин*

Описание

Николаевских Адмиральских Флагов.

Николаевский Георгиевский Адмираль-
ский Флаг имеет вокруг щита с изображением
Св.Георгия трехцветную полосу с цветами:
первая от щита — красный; вторая — синий и
третья — белый.

Приложение 8-е.

**Приказ Главнокомандующего
Вооруженными сила Юга России.
№ 117/190.**

г.Севастополь.

Июня, 26 дня 1920 г.

Обыкновенный Адмиральский Флаг имеет в середине круглую трехцветную кокарду с цветами: наружный — белый; средний — синий и внутренний — красный.

Описание Николаевских Брейд Вымпелов, плавучих и не плавучих, и Вымпелов и тех и других, как Георгиевских, так и обыкновенных:

Николаевские Вымпела и Брейд вымпела, имеют отличие от обыкновенных вымпелов — косицы трехцветные: верхняя или правая — белая; средняя — синяя, нижняя — красная.

Приложение 9-е.

**Судам Флота пожалован:
Вымпел Ордена Святителя
Николая Чудотворца:**

Приказ Главнокомандующего
26-го июня 1920 г. № 118.

Канонерским лодкам: «Страж» и «Грозный».

Речным канонерским лодкам: «Алтай» и «Урал».

Вооруженным ледоколам: «Ледокол № 1» и «Гайдамак».

Вооруженным катерам: «Мария», «Азовец», «Никола Пашич», «Дмитрий», «Пантукопея» и «Меотида».

Общее примечание: в Крымский период все приказы, объявления, списки и т.п. писались по старой орфографии.

Попытка создания русской революционной армии (май–июнь 1917 г.)

Николай Георгиевич Росс родился в 1945 г. в Париже, в русской семье. Окончил исторический факультет Парижского университета. В 1973 г. в Сорбонне защитил диссертацию на тему «Представления о мире, человеке и природе в России во времена Андрея Рублева». Преподавал русскую историю в Институте Восточных Языков в Париже и в Страсбургском университете. Специализируется в области новейшей русской истории. Автор ряда статей по истории России XX века и истории Белого движения.

В 1982 г. русское издательство во Франкфурте–на–Майне «Посев» выпустило монографию Н. Г. Росса «Врангель в Крыму», в которой впервые делается попытка на базе широкой документации провести анализ политики Главнокомандующего Русской Армией генерал–лейтенанта, барона П. Н. Врангеля в Крыму, обозначить основные направления государственных усилий П. Н. Врангеля, А. В. Кривошеина и др.

Публикуемый материал под общим заголовком «Ударные части в русской армии» впервые был представлен в журнале «Грани» (издательство «Посев», Франкфурт–на–Майне), в №№ 144 и 146 за 1978 г.

9 апреля 1917 г.* Временное правительство опубликовало декларацию, в которой объявлялось, что “избавление страны от вторгшегося в наши пределы врага — первая насущная и жизненная задача наших воинов, защищающих свободу народа”. Безусловно, эти слова верно выражали взгляды тогдашнего правительства в целом и, в особенности, министра иностранных дел П. Н. Милюкова и военного — А. И. Гучкова, считавших необходимым соблюдение новым правительством страны всех обязательств, принятых на себя Россией перед ее союзниками в мировой войне.

Но к этому времени уже многие думали иначе. Самые прозорливые среди генералов присоединялись к мнению Верховного Главнокомандующего ген. М. В. Алексева, который 25 марта писал Гучкову, что “теперь дело сводится к тому, чтобы с меньшей потерей нашего достоинства перед союзниками — или отсрочить принятые обязательства, или совсем уклонить-

ся от исполнения их”. Такое мнение многоопытного генерала опиралось на правильный анализ обстановки на фронте, где русская армия, подстрекаемая большевистской и левосоциалистической пропагандой, разваливалась ускоренными темпами. Следуя примеру петроградского гарнизона, взбунтовавшегося в феврале, войска быстро превращались в неуправляемую массу, озлобленную против офицеров, стремящихся добиться от солдат исполнения воинского долга. Учащались бунты малых или более крупных частей, случаи братания с неприятелем, грабежи населения прифронтной полосы, одиночного или группового дезертирства, убийств представителей командного состава. К тому же развивающийся процесс развала воинской дисциплины и потери боеспособного личного состава не мог компенсироваться, даже в ограниченной степени, превосходством в военной технике. Несмотря на существенные улучшения по отношению к катастрофическому положению 1915 г. в области снабжения и технического оснащения частей,

---

* Все даты — по старому стилю

русская армия все же еще сильно отставала от германской по большинству показателей.

Во всяком случае на бумаге, командование продолжало готовиться к весеннему наступлению, главный удар которого должен был иметь место на Юго-Западном фронте. Союзники вели в России усиленную пропаганду войны до победного конца, не желая замечать, что большая часть народа поддерживаемого ими нового демократического государства воевать больше не хотела.

Возникшие в частях солдатские советы и комитеты часто являлись единственными мало-мальски авторитетными органами в армии. Настроения в них были различными, но часто, под влиянием умеренно-социалистических партий, они не желали капитуляции перед врагом или братания с ним. Они понимали, что агрессивные авторитарные режимы Австрийской и Германской империй — не друзья русского народа, хотя обычно стояли на чисто оборонительных позициях, не хотели наступательных действий. Наиболее вдумчивые военачальники стремились избегать конфликтов с солдатскими советами и комитетами и старались, при их содействии, восстановить свое утерянное влияние. Таковой была позиция ген. Алексева, таковой была и точка зрения командующего Черноморским флотом адмирала А.В.Колчака, которому путем сговора удалось некоторое время уберечь от разложения вверенный ему флот.

Другим способом уберечь армию от полной потери боеспособности стало создание отборных “ударных” частей. «Ударные батальоны», возникшие еще зимой, до революции, не были ее порождением, но широкое распространение получили они лишь с весны 1917 г., когда главнокомандующий Юго-Западным фронтом ген. А.А.Брусилов решил всячески содействовать “отбору испытанных и надежных в смысле дисциплины войск, которые могли бы явиться опорой для власти”. Во время предстоящего наступления ударные части должны были своим примером увлекать солдатские массы, а в случае бунтов — усмирять восставших солдат. Ударным частям, возникшим на фронте, мы посвятим особый очерк, в одном из следующих номеров «Граней».

Нередко историки не проводят достаточного разграничения между ударными частями, созданными из добровольцев-фронтовиков, и тем революционным воинством, которое попы-

тались создать ген. Брусилов и его помощники на основе добровольцев из тыловых частей, военных училищ или просто — гражданских лиц. Идея создания “батальонов из волонтеров тыла” зародилась в военных и морских кругах, близких к эсеровской партии, под влиянием исторического примера первой французской революции, руководители которой в 1792 г. провозгласили “отечество в опасности” и призвали к его защите всех граждан, считающих своим долгом с оружием в руках защищать родину от натиска внешнего врага. Наиболее активными среди видных пропагандистов народного “волонтерства” в России оказались новоиспеченный матрос Черноморского флота Баткин, подполковник Генерального штаба В.К.Манакин и капитан М.А.Муравьев. Нижеопубликованные документы — иллюстрация их замыслов и их деятельности. (Брусилов, Баткин, Манакин и Муравьев были также очень активны на ниве создания фронтовых ударных частей, но эту сторону их деятельности мы сейчас рассматривать не будем).

Отличительная черта времени, непосредственно связанная с попыткой создания революционной армии — возникновение в послефевральской России “женских добровольческих батальонов”, к формированию которых было приступлено в Петрограде, Москве и некоторых других крупных городах. Для обеспечения их командным составом при одном из военных училищ было создано отделение, выпустившее несколько десятков женщин-прапорщиков. В возникновении этого досель невиданного явления несомненную роль сыграло характерное для России начала XX века активное участие в общественно-политической жизни страны молодых девушек и женщин. Как известно, среднее и высшее женское образование в России было одним из самых развитых в Европе. Добровольцы женских батальонов были как правило настроены демократически, но и глубоко патриотически. Они это доказали, когда на глазах всего мира, в октябре 1917 г., остались с горсткой подростков-юнкеров единственными защитницами Временного правительства, осажденного столичным анархо-большевистским сбродом в Зимнем дворце.

22 мая ген. Брусилов сменил ген. Алексева, недостаточно революционного, по мнению правительства, на должности Верховного Главнокомандующего. 18 июня две центральные армии Юго-Западного фронта (XI-я и VII-

я) перешли в наступление. Несмотря на отличное поведение отборных частей шедших впереди войск, не удалось укрепить и развить первоначальных успехов. 23 июня выступила и VIII-я армия, под командованием ген. Л.Г.Корнилова. Повторилась та же ситуация: после первых успехов наступление захлебнулось. Фронт замер к 1—2 июля. 6 июля немцы перешли в наступление. Русские войска, в массе своей в панике, хлынули назад, углубляясь в тыл, убивая по пути офицеров, грабя и насилуя местных жителей.

10 июля ген. Брусилов был уволен и заменен ген. Корниловым. Его усилия по созданию народной добровольческой армии не встретили сочувствия нового верховного командования, и вскоре “волонтерское” движение совершенно заглохло.

Главные использованные источники

Б р у с и л о в А.А. Мои воспоминания. М., 1963.

Г о л о в и н Н.Н. Российская контрреволюция в 1917—1918 гг. Ч.1. Рига, 1937.

Г о л о в и н Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. Т.2. Париж, 1939.

Д е н и к и н А.И. Очерки Русской Смуты. Т.1. Париж, 1922.

К а т к о в Г.М. Дело Корнилова // Исследование новейшей русской истории. Париж, 1987. №6.

Нижеприведенные документы №№ 1—7 и 12—15 публикуются по изданию “Разложение армии в 1917 году”. Под. к печати Н.Е.Какуриным. М.—Л., 1925. Они обозначены, в соответствующем порядке, под №№ 47, 49, 50, 51, 54, 53, 54-а, 58, 59, 60 и 57. Документ №11, также опубликованный в издании “Разложение армии в 1917 году” (под №54-б), и документы №№ 8, 9 и 10 хранятся в Центральном Государственном военно-историческом Архиве в Москве. Поскольку нам известно, документы №№ 8, 9 и 11 публикуются впервые.

№ 1

Телеграмма ген. Брусилова Верх. Главнокомандующему

Дополнение к номеру 262068. Для подъема наступательного настроения армии и мо-

рального впечатления весьма желательно скорейшее появление на фронте первых революционных батальонов, что возможно при условии разрешения вами срочно начать вербовку волонтеров в военно-учебных заведениях, во флоте и крепостях Черного моря, с указанием, какой процент состава военных училищ, школ прапорщиков и частей Черного моря можно вербовать. Выехавшие 15 мая в Ставку делегаты полковник Ясников и матрос Баткин¹ доложат вам подробно идею создания революционной армии, изложенную в телеграмме номер 262068. В виду срочного выезда указанных делегатов я не успел выдать им удостоверения личности.

16/V 1917 г., № 262069

Генерал Брусилов²

№ 2

Телеграмма ген. Алексеева Главнокомандующему Юго- Западным фронтом

262068 и 262069. Совершенно не разделяю надежд ваших на пользу для лихой, самоотверженной, доблестной и искусной борьбы с врагом предложенной мерой. Разрешаю только потому, что вы эту мысль поддерживаете. Военно-учебные заведения мне не подчинены и разрешить в них вербовку не могу, на это нужно согласие и распоряжение военмина³, которому телеграфирую, но считаю, что мы не имеем права расхотать в качестве рядовой силы наших будущих офицеров, пополнение коих становится все труднее. Вербовка из состава Черноморского флота парализует флот, ибо судовые команды не имеют штатного состава. Разрушение морской силы допустить не могу, запрашиваю, однако, адмирала Колчака⁴, какое число он мог бы выделить, хотя предвижу его ответ, согласующийся с моим, ибо численность личного состава флота знаю. Что касается крепостей Черного моря, то оттуда можно извлекать элементы только из крепостной артиллерии и небольшого числа инженерных рот. Пехота состоит исключительно из ополчения, которое придется кем-либо пополнить, ибо наличных людей едва хватает для гарнизонной службы. Сообщаю свое разрешение адмиралу Колчаку. Прошу военмина разрешить вести

широкую агитацию и вызов охотников в ударные батальоны среди запасных батальонов и полков Петрограда и ближайших окрестностей, равно Москвы, тем, чтобы составляемые батальоны спешно отправлялись в ваше распоряжение для спайки и надежного обучения. Прошу адмирала Колчака отдать остатки, если они благонадежны, Черноморской дивизии ваше распоряжение. Неужели фронт, располагающий 900.000 человек не может найти одного или двух процентов тех праведников, ради которых можно пощадить всю грешную большую массу. Ведь два процента дадут 18.000 подготовленных лучше, чем могут дать запасные полки, флот, тем более совсем необученные волонтеры. Просил бы сначала обратить внимание на честные элементы своего фронта, не считывая широко на спасение извне. Все, что может дать страна, придет не так скоро. Эти, может быть, и воодушевленные элементы нужно еще спаять, обучить. Выражаю свое мнение, что в недрах фронта, при некоторых мерах, можно найти материал на 12 батальонов, если только от такого числа зависит общее спасение.

18/V 1917 г., № 3738

Алексеев⁵

№ 3

**Телеграмма ген. Брусилова
воен. министру и Верховному
Главкомандующему**

Секретно

3738. Мероприятия для создания ударных групп на фронте армий уже проводятся мной в широких размерах в полном контакте с фронтовым съездом делегатов армий, при чем я имею данные рассчитывать на успех⁶. Я поддерживаю мысль о формировании также особых ударных революционных батальонов в тылу, потому что считаю полезным все, что клонится к поднятию настроения и будит лучшие чувства в тылу и на фронте в нынешний решающий час. Части Черноморской дивизии и волонтеры Черноморского флота будут ядром и головой формируемых батальонов, успех набора которых, конечно, зависит от подъема духа и агитации в этом направлении в тылу. По получении поддержки Петроградского Совета Р. и

С. Депутатов будет начата вербовка. Сейчас согласно вашего распоряжения отдаю предварительные технические распоряжения о формировании в первую очередь 12 батальонов, применительно к штату отдельных латышских батальонов по приказу верховного 1915 года № 688. Местом формирования мною избран район южнее Проскурава при 290-ом пехотном запасном полку.

20/V 1917 г., № 262113

Брусилов

№ 4

**Телеграмма ген. Алексеева
Главкомандующему
Юго-Западным фронтом**

262113. Сбор тылу армии неизвестных и необученных элементов вместо ожидаемой пользы может принести вред для ближнего тыла ваших армий. Только извлечение надежных людей из состава войск может дать подготовленный материал для формирования. Таков мой взгляд, который не могут изменить ваши соображения.

21/V 1917 г., № 3813

Алексеев

№ 5

**Приказ № 561 армиям
Юго-Западного фронта**

22 мая 1917 года

Инициативная группа солдат и офицеров вверенных мне армий, к которой всецело присоединилась делегация Черного моря, 13-го мая обратилась к военному министру и ко мне со следующим заявлением: "Для поднятия революционного наступательного духа армии является необходимым сформирование особых ударных революционных батальонов, набранных из волонтеров в центре России, чтобы этим вселить в армию веру, что весь русский народ идет за нею во имя скорого мира и братства народов с тем, чтобы при наступлении революционных батальонов, поставленные на

важнейших боевых участках, своим порывом могли бы увлечь за собой колеблющихся”.

Вполне сочувствуя этой идее, я и спросил у военного министра Керенского согласие на формирование революционных баталионов.

Утверждаю при штабе фронта «Исполнительный Комитет по формированию революционных баталионов тыла» в составе членов-инициаторов: солдата 46 саперного баталиона Белкина, капитана 21 автомобильной роты Муравьева⁷, матроса Черноморского флота Кривонь, подполковника генерального штаба Манакина, солдата севастопольского гарнизона Тюпина, подпоручика 46 саперного баталиона Данасова, прапорщика Севастопольского гарнизона Аристов, подпрапорщика того же гарнизона Хандобина, матроса Черноморского флота Рыбаса, кондуктора того же флота Булычева и рабочего Севастопольского порта Черникова.

Генерал от Кавалерии *Брусилов*

№ 6

**Телеграмма нач.штаба
ком. Черноморским флотом
начальнику морского штаба
Верховного Главнокомандующего**

Вследствие небольшого числа желающих и усиленной контр-пропаганды, сформировать ударные баталионы не представляется возможным. Подъем прошел, агитация лучшей части офицеров и солдат и центрального комитета осталась безрезультатною, надежды на успех в будущем нет.

Смирнов

Верно: Капитан 2-го ранга *Ливен*

31/V 1917 г., № 72317, с.Севастополь

№ 7

В о з з в а н и е

Для усиления боевой мощи и поднятия революционно-наступательного порыва армии во имя защиты свободы, закрепления завоеваний революции, от чего зависит свобода демократии не только России, но всего мира, при-

ступлено к формированию добровольческой революционной армии, баталионы которой вместе с доблестными нашими полками ринутся на германские баррикады во имя скорого мира без аннексий, контрибуций, на началах самоопределения народов.

Г р а ж д а н е ! Настал час спасти отечество. Наша армия желает быть сильной. Она нуждается в вере, что весь русский свободный народ идет вместе с нею бороться за скорый мир всего мира.

В п е р е д !

На германские баррикады — там мир и наша свобода! Все, кому дороги судьбы родины, кому дороги великие идеалы братства народов, рабочие, солдаты, женщины, юнкера, студенты, офицеры, чиновники идите к нам под красные знамена добровольческих баталионов.

Записывайтесь в организационное бюро Всероссийского Центрального Комитета по созданию добровольческой армии. Мойка, 20, от 10 до 12 дня и от 4 до 7.

*Всероссийский центральный комитет
по организации добровольческой
революционной армии.*

*(Исполнительный комитет по
формированию революционных
баталионов из волонтеров тыла.)*

№ 8

**Приказ Верховного
Главнокомандующего**

13 июня 1917 года

№439

С санкции Военного Министра объявляю при сем план формирования революционных баталионов из волонтеров тыла.

Признавая организацию добровольческих батальонов крайне полезной мерой для поднятия революционного воодушевления и наступательного порыва в армии и в России, дабы показать армии, что весь свободный Русский народ идет с ней в бой за свободу — и скорый мир, предлагаю при всех штабах фронтов организовать “комитеты по формированию революци-

онных батальонов” по типу и с полномочиями комитета при штабе Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта.

При Ставке мною утверждается «Центральный исполнительный комитет по формированию революционных батальонов».

От всех начальствующих лиц ожидаю широкого содействия в деле формирования революционных батальонов и предоставляю Главнокомандующим армиями фронтов видоизменить в деталях план формирования по представлению комитетов, в соответствии с местными условиями.

Настоящим планом, как более полным, заменяется первое издание плана, утвержденного мною 23 мая сего года для Юго-западного фронта, по которому начата вербовка волонтеров.

Подписал:

Генерал от Кавалерии *Брусилов*

№ 9

*Утверждаю
Верховный Главнокомандующий Генерал
от Кавалерии
Брусилов
13 июня 1917 года.*

*Приложение к
приказу Верх. Глав-
нокомандующего
13 июня 1917 года
за №—439*

П л а н формирования революционных батальонов из волонтеров тыла

I. Идея формирования

Для защиты свободы и закрепления завоеваний революции, а также для поднятия революционного воодушевления и наступательного порыва в армии — необходимо, путем вербовки волонтеров в центре России, приступить к формированию особых ударных революционных батальонов, которые при наступлении будут поставлены вместе с лучшими войсками армии, дабы все народы знали, что за свободу и скорый мир поднялся и идет весь русский народ.

II. Источники комплектования

а) Широкий призыв революционной молодежи среди учащих, рабочих, интеллиген-

ции и вообще граждан России, необязанных военной службой, или еще не призванных в ряды армии, возрастом не моложе 17 лет, за исключением лишенных прав по суду.

Вербовка волонтеров этой категории будет произведена в широких размерах в строгом соответствии с распоряжениями Временного правительства и при содействии всех политических и общественных организаций, стоящих в вопросе о войне и мире на платформе, изложенной в воззвании к армии Петроградского Совета р. и с.д.

б) Призыв добровольцев следует производить в запасных полках Петрограда, Москвы, их окрестностях и прочих тыловых частях в центре России, а также в тыловых частях фронтов с согласия начальников таковых, при условии сохранения работоспособности этих частей.

в) Призыв волонтеров и юнкеров военных училищ и школ прапорщиков допускаю в числе не превышающем 10%⁸.

г) Офицерский состав батальона пополняется путем призыва добровольцев офицеров из состоящих в резерве чинов при окружных штабах, а также привлечения офицеров, находящихся на службе в тыловых частях.

III. Имущественная гарантия волонтеров

При призыве добровольцев из революционной молодежи, как то: студентов, юнкеров, рабочих и вообще граждан возбуждено перед правительством сохранить за состоящими на государственной службе волонтерами их должности и содержание, присвоенные им при поступлении в батальон, а также полную амнистию тем, которые находятся под следствием или были осуждены за поступки не порочащие дорогого имени гражданина. Рассмотрение дел последней категории и ходатайство в каждом отдельном случае перед Военным министром возлагается на Комитеты по формированию.

Примечание:

1. Воспитанникам учебных заведений гарантируется отпуск из рядов батальона к началу учебного года.

2. Юнкерам гарантируется производство в офицеры за боевые отличия по представлению командира батальона со старшинством по сравнению со сверстниками.

3. Для студентов испрошено разрешение министра Народного просвещения на возвращение их в высшие учебные заведения вне кон-

курса по особому ходатайству Комитета по формированию.

IV. Комитеты по формированию

При штабах армий фронтов учреждаются «Комитеты по формированию ударных революционных батальонов из волонтеров тыла», причем работа их протекает в контакте с фронтовыми комитетами.

При Ставке утверждается «Центральный исполнительный комитет по формированию ударных революционных батальонов из волонтеров тыла» для объединения деятельности всех «Комитетов по формированию», работающих на фронте.

В Петрограде (Мойка 20) образовано организационное бюро «Центрального всероссийского комитета для вербовки волонтеров», в состав которого вошли представители Черноморской делегации, Союза казачьих войск, Всероссийского союза георгиевских кавалеров и Военного союза личного примера⁹.

Всем Комитетам предоставляется право:

1. Кооптации нужных лиц с разрешения надлежащих властей.

2. Назначения и командировки комиссаров для вербовки, и дача таковым инструкций.

На фронтовые комитеты возлагается формирование батальонов при содействии всех начальствующих лиц и под непосредственным наблюдением Главнокомандующих армиями фронтов.

V. План формирования

а) Батальоны формируются по прилагаемому при сем штату¹⁰.

б) Формирование должно производиться при особо назначенных пехотных запасных полках на фронтах, куда должны направляться непосредственно волонтеры, навербованные в тылу России.

в) При командирах запасных полков, на которых будет возложена хозяйственная часть формирования, должны состоять или члены комитета по формированию батальонов или его комиссары.

г) Вызов или набор в пункты формирования офицеров или инструкторов для организации и первоначального обучения должен быть сделан заблаговременно.

д) Образования в пунктах формирования складов обмундирования, вооружения и снаряжения делается распоряжением Главных на-

чальников снабжения фронтов, по указаниям Главнокомандующих фронтами.

VI. Порядок вербовки волонтеров

а) Запись волонтеров производится по соглашению при местных политических и общественных организациях, после чего вызываются комиссары Комитетов для вербовки.

б) Комитеты командируют в различные города России своих комиссаров, которые являются в местные советы и общественные организации, получают списки волонтеров и приступают к агитации и вербовке, причем, при содействии местного комитета организуют медицинские осмотры.

в) Для вербовки комиссарам выдается удостоверение от своих комитетов и книжки вербовочных карточек с печатью комитета.

г) Волонтеры, получившие вербовочные карточки, направляются к местным воинским начальникам, или комендантам и, по получении бланков для проезда по железной дороге отправляются одиночным порядком (предпочтительно группами в отдельных вагонах) на указанный в их карточках сборный пункт по указанию комиссаров.

VII. Начальствующие лица

а) Кадр инструкторов для разбивки и первоначального обучения волонтеров состоит из офицеров и солдат по назначению комиссаров, причем этот кадр еще до прибытия волонтеров распределяется поротно и батальонно. Волонтеры по прибытию на сборный пункт разбиваются комиссаром поротно и батальонно по принципу землячества и по техническим специальностям.

б) Назначение начальников и командиров отделений, взводов, команд, рот и батальонов производится распоряжением Комитетов по формированию и утверждается Главнокомандующими фронтами, после чего начальники являются несменяемыми.

Помощники командиров батальонов, адъютанты и фельдфебеля рот назначаются командирами частей, а хозяйственные чины рот и батальонов выбираются общим собранием рот и батальонов.

в) В боевой обстановке, в случае строевой непригодности начальника, он отрешается от должности властью старшего начальника, командиры же батальонов — властью высшего

армейского начальства, с немедленным извещением Комитета по формированию.

г) Выбывшего начальника, до утверждения или назначения нового — замещает следующий по старшинству занимаемой должности, для чего списки заместителей составляются заранее комитетами.

VIII. Форма одежды

Отличительным знаком формы одежды, как и у охотников ударных войск на фронте являются цвета: “Красный”, как символ борьбы за свободу, и “Черный” как указание на нежелание жить, если погибнет Россия¹¹.

Все волонтеры революционных батальонов имеют на правом рукаве красный круг два вершка диаметром с черным андреевским крестом, шириной в палец. Начальники же, кроме этого знака, имеют вокруг обоих обшлагов рукавов красно-черную тесьму, по образцу морских чинов. Отделенные — 1 тесьму, взводные — 2, ротные командиры — 3, батальонные командиры — 4 тесьмы.

Помощники начальствующих лиц — столько же полос, но без завитков.

Обмундирование общеармейское, с черным трафаретом на погонах защитного цвета, в виде черепа и двух скрещенных костей, как эмблема бессмертия¹².

Кроме того, Комитетам по формированию предоставляется право разработать отличительный знак для каждого батальона своего фронта, и прислать на утверждение в Исполнительный Комитет при Ставке.

IX. Знак отличия

а) Для наиболее отличившихся в бою волонтеров, кроме очередного общего награждения по Георгиевскому статуту устанавливается в виде особой награды нагрудный знак: на красно-черной ленте черный металлический череп со скрещенными под ним двумя костями. Представление утверждается Комитетами по формированию, которые высылают знаки отличия с особыми комиссарами для раздачи их волонтерам на месте боя.

Списки волонтеров-революционеров, получивших этот знак отличия, будут опубликованы в газетах, подробно описан подвиг и о доблести их узнает вся Россия.

б) Помимо Георгиевских лент, на знамена наиболее отличившихся из числа революционных батальонов, по представлению высшего

армейского начальства, Верховным Главнокомандующим утверждается в виде особой награды — покрытие красного поля обратной стороны знамени эмблемой бессмертия — изображением черепа и двумя костями под ним.

Знамя революционных батальонов состоит из красного полотнища, размером 1,5х2 аршина с черным андреевским крестом с надписью на красном фоне: «ЗА СВОБОДУ НАРОДОВ, ГРАЖДАНЕ, С ОРУЖИЕМ ВПЕРЕД», с черной бахромой и кистями, с черно-красной лентой и копьем на древке.

Оборотная сторона знамени гладко красная — до боевого отличия.

X. Дисциплина

Основа дисциплины — беспрекословное исполнение приказаний начальников.

О не повиновении и возражениях не может быть и речи, так как в основу всех отношений кладется полное братское доверие в деле жизни и смерти.

Дисциплина и взаимоотношения между волонтерами и начальниками основываются на тексте присяги.

Вне служебных отношений — нет начальников и волонтеров, а есть братья и товарищи по оружию; при этом волонтеры и начальники не могут переносить служебные неудовольствия на свои личные отношения.

При отдаче приказаний, назначений, служебных вопросов и т.д., начальник встает, прикладывает руку к головному убору и этим подает знак к моменту службы, волонтер делает то же самое; после этого начальник отдает распоряжения и они беспрекословно исполняются.

Для разбора всех недоразумений в батальонах и ротах, общим голосованием всех начальников и волонтеров выбирается товарищеский батальонный суд в составе 9 членов.

Этот товарищеский суд накладывает дисциплинарные взыскания на волонтеров за маловажные проступки и только он, с ведома командира батальона, сожет собирать общие собрания батальона.

Дисциплинарные наказания на начальников налагаются советом начальствующих лиц батальона.

В случае поступков, порочащих доброе имя революционера, солдата и гражданина, как то: неисполнение приказаний начальника на службе или вне ее, трусость, воровство, насилие, мародерство над мирными жителями и

т.п. позорные для гражданина поступки, помимо предания суду как за уголовное преступление, все волонтеры наказываются по приговору товарищеского суда остракизмом¹³, объявляются врагами отечества и изгоняются из революционных батальонов с извещением через печать общественных и революционных организаций, главным образом по месту записи.

В случае возможных между начальниками и волонтерами недоразумений, кои не могут быть исчерпывающе разрешены ни старшими начальниками, ни товарищеским судом, волонтерам предоставляется право по решению большинства 3/4 голосов всего батальона, обратиться непосредственно в Комитет по формированию, для высылки комиссаров, после чего дело решается Комитетом.

XI. Порядок назначения батальонов на фронт

По формированию каждого революционного батальона, ему производится смотр генералом по назначению Главнокомандующего фронтом, в присутствии полного состава Комитета по формированию и вручается знамя; после этого батальон передается в распоряжение начальства и назначается, распоряжением Главнокомандующего фронтом в прикомандирование к одной из пехотных дивизий как отдельный батальон.

В составе этой дивизии батальон принимает участие в боях, выделяя в состав дивизионного комитета делегатов волонтеров в потребном числе, избранных общим собранием батальона.

Эти делегаты обязаны прибыть в дивизионный комитет до прибытия батальона в состав дивизии.

Председатель Исполнительного комитета по формированию революционных батальонов, Генерального штаба,

полковник *Манакин*

За секретаря матрос *Анисим Баткин*¹⁴

Члены: Рабочий *А.Леонтьев*

Солдат *И.Ермаков*

Подпрапорщик *И.Хандобин*

Капитан II-ранга *Тихменев*¹⁵

Подполковник *Добродеев*

Корнет кн. *М.Куракин*

13 июня 1917 года

Ставка

№ 10

Утверждаю
Верховный Главнокомандующий,
Генерал от Кавалерии БРУСИЛОВ
“13” июня 1917 года

Положение об инструкторах революционных батальонов

1. Основное условие приема офицера-инструктора, чтобы он был человеком дела, а не слова и имел хороший боевой опыт и знания, а также продолжительное пребывание на боевой позиции в течение первых трех лет войны.

2. Офицеры-инструктора вербуются для обучения: волонтеров-стрелков, волонтеров-пулеметчиков и волонтеров-сапер.

3. Старшие инструктора каждой категории, по мере накопления специальных вопросов, получают право участвовать в заседаниях Комитета по формированию с правом решающего голоса при разборе этих вопросов.

4. Из числа инструкторов Комитет по формированию производит назначение начальников на командные должности.

Назначение это делается Комитетом только в случае недохвата кандидатов на командные должности из числа самих волонтеров.

5. Инструктора, не получившие назначения на должности, остаются в распоряжении Комитета.

6. Инструктора замещают в смысле обучения волонтеров, кадровый состав запасного полка, по мере прибытия и ознакомления с ходом работы.

7. На роту волонтеров-стрелков, в период формирования и обучения назначается не более пяти инструкторов-офицеров, причем именно из числа этих пяти инструкторов, если в рядах роты нет офицеров волонтеров — назначаются командир роты и два младших офицера, а двое остальных остаются для следующего формирования. Находящиеся в строю роты офицеры волонтеры, при назначении на командные должности имеют преимущество по сравнению с офицерами-инструкторами.

8. Назначение инструкторов в команды по специальностям и назначение начальников этих команд делается распоряжением старшего инструктора Комитета.

9. Этот же старший инструктор обязан своевременной вербовкой подготовить достаточное число инструкторов—офицеров для замещения всех командных должностей в формируемых батальонах.

10. Вербовка офицеров—инструкторов производится как комиссарами, так и инструкторами Комитета, но все они обязательно сдают старшему инструктору по прибытии своему все документы и справки о боевом и политическом прошлом, причем последние документы Старшим инструктором передаются на рассмотрение Юридической комиссии Комитета.

Окончательное решение о приеме инструктора, по докладам Старшего инструктора и Юридической комиссии принимается общим собранием Комитета, после чего инструктору выдается особое удостоверение и красно—черная ленточка Комитета.

11. Оказавшиеся несоответствующими инструктора, отчисляются к местам своего постоянного служения по решению общего собрания Комитета по формированию.

Председатель
Исполнительного Комитета
по формированию
революционных батальонов,
Генерал Штаба,

полковник Манакин

За Секретаря: матрос Анисим Баткин

13 июня 1917 года

Ставка

№ 11

*Исполнительный Комитет по
формированию революционных
батальонов из волонтеров тыла*

Присяга революционера—волонтера

Перед сим КРАСНО—ЧЕРНЫМ знаменем — символом революции и борьбы за Свободу, даю честное слово революционера—гражданина, что добровольно, бескорыстно, исключительно побуждаемый любовью к свободе России, с целью защиты ее чести, свободы, равенства и брательства и возвращения утерянных нами земель, вступаю в ряды УДАРНЫХ революционных батальонов и принимаю на себя обязанности революционного солдата.

Обещаюсь:

1) Исполнять безропотно и без протеста на службе и в бою все приказания поставленных надо мною начальников.

2) Защищать каждого товарища, если ему угрожает малейшая опасность или он попросит помощи.

3) Наступать впереди всех, обгоняя передних.

4) Обороняться до получения ран, которые только одни могут заставить меня покинуть товарищей по оружию в бою или в походе.

5) Не сдаваться в плен врагу живым.

6) Не пить ничего спиртного.

7) Хранить вверенные мне тайны и не иметь никаких братаний с врагом.

8) Быть терпимым к политическим убеждениям товарищей по оружию.

9) Никогда не падать духом — верить, что моя смерть за Родину, и за свободу России есть счастье и оправдание моей присяги.

10) За неисполнение сей присяги, объявляюсь врагом народа, с изгнанием из рядов РЕВОЛЮЦИОННОЙ АРМИИ.

Подпись присягающего:

№ 12

Телеграмма начальника штаба петроградского округа начальнику штаба Верх.Главнокомандующего

Участником настоящей войны георгиевским кавалером Бочкаревой¹⁶ с разрешения военминистра сформирован женский отряд числом 200 человек. По условиям времени главнокомандующий ходатайствовал о безотлагательном направлении отряда, притом в наиболее опасный район армии и просит указания, какой пункт и в чье распоряжение отправить.

Начштаба петроградского Балабин

Резолюция: Надо на Зап. фронт в пункт по указанию главнокома, которому телеграфировать. 15/VI.Л.¹⁷.

14/VI 1917 г., № 9167

№ 13

**Телеграмма
генерал-квартирмейстера Ставки
начальнику Юго-Западного фронта**

В Киеве формируется женский военный отряд составе 300 человек, президиум инициативной группы коего обратился ходатайством Главковерху принять отряд распоряжении ускорить обучение и отправить на фронт. Отряд этот подлежит включению Юго-Западный фронт, почему настоящее ходатайство направляется на распоряжение Главкоюза. О настоящем президиуму инициативной группы телеграфируется адресу: "Киев, Президиуму Киевского женского отряда, Голландской, Фомичевой, Вакар".

16/VI.1917 Г., № 4315   *Романовский*¹⁸

№ 14

**Из доклада Главного управления
Генерального штаба о
формировании войсковых частей из
женщин-добровольцев**

Спешно. Секретно.

По военным обстоятельствам

Изложение дела. По обстоятельствам настоящего военного времени представляется ныне необходимым сформировать из женщин-добровольцев:

1) Два отдельных пехотных батальона чисто боевого назначения, по одному такому батальону в Петрограде и в Москве, согласно утвержденному 28 ноября 1916 года временному штату отдельного туркестанского стрелкового батальона (по военному времени).

2) Четыре отдельных команды для связи, по две таких команды в Москве и Петрограде, согласно представляемому при сем, в проекте, штату¹⁹.

Соображения. В настоящее время в Главное управление Генерального штаба прибывают женские делегации от многих городов России (Петрограда, Москвы и Симбирска) с предложением своих услуг по формированию войсковых частей из женщин-добровольцев, причем большинство этих делегаций ставит основ-

ным условием создания женских войсковых частей, возможно быстрое отправление их в действующую армию для непосредственных боевых действий. Такие же ходатайства поступают и в письменной форме, как от отдельных лиц, так и от всевозможных организаций.

Означенный вопрос был в полном объеме доложен военному министру, который приказал теперь же приступить к созданию войсковых частей из женщин-добровольцев, сосредоточив всю обще-организационную часть в Главном управлении Генерального штаба и возложив исполнительную работу на штабы соответствующих военных округов.

/.../

Принимая во внимание, что в качестве добровольцев записываются женщины всевозможных общественных положений и весьма разнообразного возраста и состояния здоровья, решено использование женщин-добровольцев вести в смысле: а) формирование частей чисто боевого назначения, б) создания команд вспомогательного назначения и в) использования женщин-добровольцев на укомплектование тыловых организаций небоевого назначения.

В соответствии с сим, в первую очередь намечено сформировать:

1) Два отдельных пехотных батальона из женщин-добровольцев, по одному такому батальону в Москве и в Петрограде и 2) четыре отдельных команды для связи из женщин-добровольцев, по две команды в Петрограде и Москве. Эти команды предназначаются для обслуживания в бою и вне боя штабов дивизий и корпусов.

Что же касается использования женщин-добровольцев, коим состояние здоровья не позволяет служить в частях боевого и вспомогательного назначения, то этих женщин предполагается назначать на укомплектование всевозможных санитарных организаций, что будет осуществляться распоряжением окружных штабов, в ведении коих состоят такие организации */.../*²⁰.

18/VI.1917 г., № 2587, Петроград

№ 15

**Доклад Всеросс.ц.и.к. по
организации добровольческой
революционной армии Верховн.
Главногокомандующему**

Верховному Главногокомандующему

Всероссийский центральный (исполнительный) комитет по организации добровольческой революционной армии просит вас о нижеследующем:

1) Отдать приказ о воспрещении самочинных добровольческих формирований, часто формируемых безответственными лицами и в корне подрывающих идею добровольчества. Чтобы все добровольческие организации действовали только с санкции Всероссийского центрального комитета.

2) Отдать приказ, что Всероссийский центральный по организации добровольческой ре-

волюционной армии комитет является высшим органом по всем вопросам добровольчества.

3) Отдать приказ о том, что Всероссийский центральный комитет формирует и распределяет добровольцев по добровольческим батальонам и на пополнение убыли в частях войск на самом фронте под непосредственным наблюдением исполнительных комитетов съездов делегатов фронтов.

4) О распределении всей России на округа для отправки волонтеров из них на разные фронты.

5) Об утверждении списка членов Всероссийского центрального комитета по организации добровольческой революционной армии.

30/VI 1917 г.

Председатель, капитан *Муравьев*
Товарищ председателя, лейтенант *Люби*
Секретарь, солдат *Руг*

Примечания

¹ В первом издании Большой Советской Энциклопедии (Т.5 М., 1930, столб.63) о Баткине указано следующее: "Баткин Федор, "матрос" с.-р., в дни Февральской революции поступил добровольцем в Черноморский флот. Был избран в комитет Черноморского флота. "Матрос" Баткин деятельно агитировал за наступление на фронте, пользовался покровительством Керенского и находился на службе у ставки, выполняя ее агитационные задания. В январе 1918 Баткин был агитатором в добровольческой армии ген. Корнилова, стремившегося в подражание большевиков создать свой "политический отдел". Позже Баткин исчез с политической арены".

² Ген. Алексей Алексеевич Брусилов (1853—1926) с начала Первой мировой войны командовал VIII армией, с марта 1916 г. — Юго-Западным фронтом, где был совершен, в мае—июне 1916 г., известный "Луцкий прорыв" фронта неприятеля. Сумевший снижать популярность у новых правителей России, Брусилов был назначен Верховным Главногокомандующим 22 мая 1917 г., но сменил ген. Корниловым после неудачи наступления на Юго-Западном фронте. В мае 1920 г. Брусилов вступил в Красную армию, опубликовав воззвание к русским офицерам о поддержке советской власти.

³ Военным министром был А.Ф.Керенский, сменивший А.И.Гучкова 2 мая 1917 г. Он всемерно поддерживал идею создания народной революционной армии.

⁴ Адмирал Александр Васильевич Колчак (1873—1920) был в июле 1916 г. назначен командующим Черноморским флотом. После Февральской революции ему удалось некоторое время сохранять боеспособность флота. В июле 1917 г. местным революционным силам удалось добиться увольнения Колчака: он был отозван правительством и послан в командировку в Англию и США.

⁵ Генерал Михаил Васильевич Алексеев (1857—1918) с начала войны был начальником штаба Юго-Западного фронта, а марте—августе 1915 г. — Главногокомандующим фронтом. Затем он был назначен Верховным Главногокомандующим (Николаем II) своим начальником штаба, и фактически руководил русской армией. После Февральской революции, до 21 мая 1917 г., Алексеев стал Верховным Главногокомандующим. В сентябре он согласился стать начальником штаба Верховного Главногокомандующего (Керенского) ради спасения, после неудачи их выступления, генерала Корнилова и его сподвижников. В 1918 г. ген. Алексеев возглавлял Добровольческую армию совместно с ген. Корниловым.

⁶ Решение "Фронтového съезда делегатов армий" о формировании на фронте ударных батальонов было утверждено ген. Брусиловым 16 мая 1917 г.

⁷ Капитан Михаил Артемьевич Муравьев (1880—1918) во время Октябрьского переворота стал большевистским "начальником обороны Петрограда", а 30 октября был назначен командующим войсками, посланными против Керенского и Краснова. Затем он активно участвовал в гражданской войне на стороне красных. Назначенный в июне 1918 г. командующим красным Восточным фронтом, он, в июле, возглавил в Симбирске вооруженное восстание против большевиков, но был убит при его подавлении.

⁸ Юнкерские ударные формирования были прекращены приказом ген. Корнилова от 6 августа 1917 г. (№ 796).

⁹ Весной и летом 1917 г. было создано большое количество военных союзов, большинство из которых быстро распались, а некоторые породили офицерские организации, активно участвующие в создании Добровольческой армии осенью и зимой 1917—1918 гг.

¹⁰ Штат формирования батальонов волонтеров тыла нами не публикуется. Приказом ген. Корнилова от 21 августа (№ 856) штат действительно существующих к тому времени батальонов был приравнен к штату георгиевских батальонов. (Георгиевские батальоны начали формироваться еще до Февральской революции из георгиевских кавалеров, излечившихся от ранений).

¹¹ Эти цвета затем стали цветами фронтовых “ударных батальонов смерти” (а цветами “волонтеров тыла” стали георгиевские). Здесь, как бы в зародыше, символика “цветных частей” Добровольческой армии.

¹² Эта эмблема стала известной в гражданскую войну как знак Корниловского ударного полка.

¹³ В Древней Греции остракизмом называли изгнание гражданина из города по постановлению народного собрания.

¹⁴ В исторических трудах, опубликованных в СССР, имя Баткина — Федор.

¹⁵ Это, возможно, А.И.Тихменев, который исполнял должность командующего Черноморским флотом в июне 1918 г., перешел к белым и, в чине контр-адмирала, принял деятельное участие под начальством адмирала М.А.Кедрова в подготовке и осуществлении эвакуации из Крыма войск ген. Врангеля в ноябре 1920 г.

¹⁶ Лишь батальон Бочкаревой принял участие в июльском наступлении. Вот как ген. Деникин описывает его участие в бою: “Женский батальон, приданный одному из корпусов, доблестно пошел в атаку, не поддержанный ‘русскими богатырями’. И когда разразился крошечный ад неприятельского артиллерийского огня, бедные женщины, забыв технику рассыпного строя, сжались в кучку — беспомощные, одинокие на своем участке поля, взрыленного немецкими бомбами. Понесли потери. А ‘богатыри’ частью вернулись обратно, частью совсем не выходили из окопов” (Деникин. Т.1. Вып.2. С.136).

¹⁷ Ген. Александр Сергеевич Лукомский (1868—1939) был начальником штаба Верховного Главнокомандующего в июне—августе 1917 г., затем арестован и заключен с Корниловым и сочувствующими ему военачальниками в Быхове. В дальнейшем ген. Лукомский участвовал в создании Добровольской армии и был видным помощником генералов Корнилова, Деникина и Врангеля.

¹⁸ Генерал Иван Павлович Романовский (1877—1920), генерал-квартирмейстер Ставки, разделил с прочими военачальниками быховское заключение. С февраля 1918 г. по апрель 1920 г. Романовский был начальником штаба Добровольческой армии (затем — Вооруженных сил Юга России). В апреле 1920 г. он был убит скрывшимся офицером в Константинополе, куда выехал с ген. Деникиным после передачи главнокомандования ген. Врангелю.

¹⁹ Штат команды издателем к документу не приложен.

²⁰ Конец документа пропущен при его публикации Какуриным.

(Окончание следует)

Неизвестные документы

Публикуемые ниже документы из Фондов Российского Государственного Военного Архива в Москве дают возможность расширить знания о состоянии РККА накануне войны с Германией. Редакция "Нового часового" надеется сделать эту рубрику постоянной.

Публикация К.М.Александрова

Из обзора работы Военных Трибуналов Киевского особого военного округа за 1938 г.

ИЗ СВОДОК Военной прокуратуры КОВО

За апрель 1939 г. в КОВО было осуждено за к.-р. (контрреволюционные преступления) 16 человек (из них: командно-начальствующий состав — 5 чел., младший начсостав — 1 чел. и 10 рядовых). За первые 3 месяца 1939 г. было осуждено за всякие преступления 267 чел. За март 1939 г. за к.-р. преступления было осуждено 20 чел., из них: командно-начальствующий состав — 12 чел. и 8 рядовых. За январь 1939 г. за к.-р. преступления было осуждено 12 чел., из них 1 — старший начсостав, 1 — средний начсостав, 1 — младший начсостав и 9 рядовых.

Судебно-карательную политику ВТ КОВО проводили, руководствуясь решениями февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г., январского Пленума ЦК ВКП(б) 1938 г. и т.п. ВТ КОВО в 1938 г. продолжали проводить работу по выкорчевыванию врагов народа: троцкистско-бухаринских и буржуазно-националистических агентов фашизма, изменни-

ков Родины, шпионов, диверсантов, вредителей и из пособников. Итоги судимости 1938 г., по сравнению с 1937 г., дали снижение количества осужденных военнослужащих на 17,5%.

Во второй половине 1938 г. была проведена большая работа по формированию 4 ВТ групп войск, укомплектованию их личным составом, в основном из политработников. ВТ обновлись новыми кадрами на 63%. В 1937 г. по ст.54-10 (ч.1) УК УССР (Антисоветская агитация и пропаганда) было осуждено 671 чел., в 1938 г. — 406 чел.

Пьянство стало бичем армии и особенно укоренилось в среде начальствующего состава.

Всего в 1937 г. было рассмотрено 1.329 дел, в 1938 г. — 1.159. Приговоры были вынесены: в 1937 — 1.169 дел (87,3%) и в 1938 — 928 (80,1%). Прекращено было в 1937 г. — 11 дел (0,8%), в 1938 г. — 26 (2,2%).

В 1937 г. в КОВО было осуждено 1.311 чел. кадровых военнослужащих; в 1938 г. — 1.082 чел.

Осуждено	1937 г.	1938 г.
ст.н/с	55 чел.	68 чел.
ср.н/с	109 чел.	87 чел.
мл.н/с	213 чел.	229 чел.
Членов ВКП(б), кандидатов, членов ВЛКСМ	217 чел.	201 чел.
Беспартийных	240 чел.	244 чел.
За к.-р.преступления членов ВКП(б), как и членов ВЛКСМ	102 чел.	78 чел.
Всего кадрового состава (начальствующего) за к.-р.преступления	245 чел. (53,6%)	191 чел. (42,9%)
Кадровый рядовой состав (самое распространенное деяние — к.-р.преступления)	426 чел. (49,9%)	215 чел. (33,8%)

Пример: 106-ой ВТ под председательством тов. Игнатова осудил по ч.1 ст.54-10 УК УССР к 6 годам ИТЛ, с поражением в правах, красноармейца Мазулевского за злостную к.-р.агитацию против защиты социалистической Родины в случае нападения на нее капиталистических государств и за высказывание террористических тенденций против начальствующего состава.

Всего осуждено за к.-р.преступления военнослужащих кадрового и переменного состава:

1937 г.	687 чел., из них: 252 чел. (36,7%) — начсостав, 435 (63,3%) — рядовой состав
1938 г.	410 чел., из них: начсостава 194 чел. (47,3%), рядовой состав — 216 чел. (52,7%)

По служебному положению осужденные за к.-р.преступления лица начальствующего состава распределяются:

Осуждено	1937 г.	1938 г.
<i>Старший состав:</i>		
майоров	5	8
батальонных комиссаров	5	3
капитанов	15	15
ст. политруков	6	6
<i>военных инженеров</i>		
1 ранга	1	
2 ранга	1	
3 ранга	5	
интендантов 3 ранга	5	
<i>военных врачей</i>		
2 ранга		1
3 ранга	2	6
неимеющих звания	2	
ВСЕГО:	45 чел.	40 чел.
<i>Средний начальствующий состав:</i>		
Ст.лейтенантов	35	38
Политруков	11	5
Лейтенантов	29	17
<i>Военных техников</i>		
1 ранга	3	5
2 ранга	18	10
<i>Техников-интендантов</i>		
1 ранга	2	4
2 ранга	7	5
Старших военфельдшеров	4	2
Неимеющих звания	15	8
ВСЕГО:	124	94
<i>Младший начальствующий состав:</i>		
Младший начсостав сверхсрочной службы	33	29
Младший начсостав срочной службы	47	31
Младший начсостав запаса	3	
ВСЕГО:	83	60

Пример: Красноармеец Киевского артиллерийского училища Хамич весной 1938 г. проводил среди военнослужащих училища антисоветскую агитацию, клеветнически отзывался о политике Советской власти и о руководителях

Советского правительства, высказывался против начальствующего состава и заявлял, что он не имеет Отечества и защищать ему нечего. ВТ КОВО по ч.1 ст.54-10 УК УССР осужден к 7 годам ИТЛ, с поражением в правах на 7 лет.

В своей судебной-карательной практике ВТ по обвинению в к.-р.преступлениях и АСА, правильно направляли жесткую судебную репрессию против врагов народа и их прихвостней, против носителей АСА.

Число осужденных военнослужащих по ст.54-10 ч.1 УК УССР сократилось на 265 чел., по сравнению с 1937 г., что является следствием улучшения работы ВТ КОВО.

МЕРА НАКАЗАНИЯ
за к.-р.преступления:

	Начальствующий состав		Рядовой состав	
	1937	1938	1937	1938
Ниже 3 лет ИТЛ	1,6%	0,5%	0,9%	1,9%
от 3 до 5 лет	28,6%	30,9%	52,0%	56,9%
Свыше 5 лет	61,1%	50,0%	44,6%	41,2%
Расстрел	8,7%	18,6%	—	—

В 1938 году по сравнению с 1937 годом количество рассмотренных дел об особо-важных государственных преступлениях увеличилось на 88,5%.

В 1938 году по делам спецподсудности:

- 54-1 "а" — 30 чел.
- 54-1 "б" — 32 чел.
- 54-1 "в" — 1 чел.
- 54-1 "г" — 1 чел.
- 54-6 — 96 чел.
- 54-7 — 29 чел.
- 54-8 — 107 чел.
- 54-9 — 39 чел.
- 54-10 и 54-11 — 51 чел.
- 54-12 — 5 чел.

РГВА ф.25880, оп.4, д.464, лл.1, 4, 5, 8, 10, 16-37.

Дополнение к публикации:

В 1939 г. за к.-р.преступления было осуждено:

- в мае — 7 чел. (комсостав — 1,6 красноармейцев);
- в июне — 10 чел. (комсостав — 1,9 красноармейцев);
- в июле — 10 чел. (комсостав — 1,9 красноармейцев);
- в августе — 5 чел. (комсостав — 1,4 красноармейца);
- в сентябре — 6 чел. (комсостав — 1,5 красноармейцев);
- в октябре — 7 чел. (комсостав — 1,6 красноармейцев).

В январе—апреле и декабре осужденных за к.-р.преступления не было. (Там же, лл.41, 86, 83, 80, 17, 74, 64)

Публикация В.М.Лурье

Адмиралы Военно-Морского Флота СССР

Абанькин Павел Сергеевич

18.09.1902 г. село Почково (Сасовский уезд Рязанской губ.) — 14.08.1965 г. Ленинград.

Адмирал (27.01.1951). В ВМФ с 1923. Член ком. партии с 1920 г. Окончил Военно-морское училище им.М.В.Фрунзе (10.1923— 11.1927), курсы воздушного боя при 3-ей школе летчиков и летчиков-наблюдателей им.Ворошилова в Ораниенбауме (10.1928— 05.1937). После окончания училища проходил службу на Балтике. Пом. вахтенного начальника на линкоре «Парижская Коммуна» (01.—03.1928), стажер, летчик-наблюдатель и врид начальника штаба 51 отдельного авиаотряда Морских сил Балтийского моря в Ораниенбауме (03.1928— 10.1928). Ст.летчик-наблюдатель, начальник штаба 62 авиаэскадрильи (Ленинград, 12.1030—12.1932), начальник штаба 2 авиабригады Морских сил Балтийского моря (Едрово, 12.1932—12.1933). После окончания академии — военком Военно-морского авиационного училища им.Сталина (06.— 11.1937, 03.1938— 06.1939). Слушатель военно-политических курсов (11.1937— 04.1940), член военного совета (04.—07.1940), командующий Краснознаменной Амурской военной флотилией (07.1940— 06.1943).

В Великой Отечественной войне принял участие в качестве командующего Онежской военной флотилией (07.1943— 01.1944). Корабли флотилии под командованием А. вели напряженную боевую деятельность, прикрывая и поддерживая войска 7 и 32 армий, обеспечивали воинские и народно-хозяйственные перевозки по озеру, вели бои и авиацией про-

тивника. Командующий Амурской военной флотилией (03.—09.1944). Начальник Военно-морской академии им.Ворошилова (09.1944—04.1945). По совместительству — редактор журнала «Морской сборник» (09.1944—04.1945). Зам. Наркома ВМФ (04.1945—02.1946), главкома ВМФ по кадрам (02.1946—02.1947). Зам. главкома ВМФ (02.1947—03.1950), зам. Военно-морского министра (03.1950—04.1952) по кораблестроению и вооружению. В январе 1948 г. в Москве, являясь членом Суда чести над группой адмиралов — Н.Г.Кузнецовым, В.А.Алафузовым, Г.А.Степановым, особенно усердствовал в их очернительстве. Начальник Гидрографического Управления ВМС (04.1952—05.1953), начальник Гидрографической службы ВМС (05.1953—06.1958). Военный консультант группы генеральных инспекторов МО (06.1958—09.1960). В отставке с 09.1960.

Контр-адмирал (21.05.1941), вице-адмирал (21.07.1944).

Награжден: двумя орденами Ленина (1943, 1949), Красного Знамени (1944, 1953), орденом Ушакова 1 ст. (1945) и медалями.

Похоронен на Серафимовском кладбище.

Абрамов Николай Осипович

12.1897 г. — рудник Язаш Челябинской обл. — 27.07.1964 г. Москва.

Контр-адмирал (04.06.1940). В РККА 1918—1919. В ВМФ с 1921 г. Член ком. партии с 1917 г. Окончил пехотные курсы командного состава (03.—06.1919), советскую партийную школу в Свердловске (1921), Военно-морское политической училище им.Рошаля (1922—

1924), Параллельные курсы при Военно-морском училище им. М. В. Фрунзе (10.1925—09.1928), военно-морской факультет Военно-морской академии им. К. Е. Ворошилова (10.1930—04.1933), курсы командиров миноносцев при Военно-морской академии (1937).

На военной службе с 1916. Матрос, машинист Балтийского флотского экипажа учебного судна «Океан», эсминца «Капитан I ранга Миклухо-Маклай» Балтийского флота. После Октябрьской революции — боец в морских отрядах Петрограда и Кронштадта (11.1917—03.1918). Участник гражданской войны на Восточном фронте. В сентябре 1918 г. демобилизован по болезни. На флоте с июня 1921 г. После окончания училища и курсов служил на канонерских лодках: «Беднота» Амурской военной флотилии (08.1924—10.1925), «Красный Аджаристан» (09.1928—10.1929), «Красная Грузия» (10.1929—10.1930). После окончания академии продолжал службу на Черном море. Старший помощник командира крейсера «Червона Украина» (06.1933—04.1934), начальник штаба дивизиона канонерских лодок Морских сил Черного моря (04.1934—01.1936), командир эсминца «Шаумян» (01.1936—07.1938), исполнял обязанности командира лидера «Харьков» (07.—12.1938) — по документам. Фактически в это время находился в Испании в качестве советского добровольца и принимал участие в Гражданской Войне 1936—39 гг. на стороне республиканцев в качестве военно-морского советника при командире соединения эсминцев в 1937—1939 гг. Одной из основных его задач в качестве советника было обеспечение доставки военных грузов морским путем, встреча следовавших из СССР транспортов в открытом море при выходе из северо-африканских территориальных вод и экспортирование их в испанские средиземноморские порты. Награжден орденом Красного Знамени (22.02.1939).

По прибытии из Испании направлен на Черноморский флот. Начальник группы для особых поручений при военном совете флота. Заместитель начальника штаба флота (04.1939—02.1940). Командующий Днепровской военной флотилией (02.—07.1940), которая была расформирована. Корабли и суда ее в основном вошли в состав Дунайской военной флотилии. 1-й командующий флотилией (07.1940—09.1941). 22.06.1941 г. в 4 часа 15 минут флотилия вступила в бой. Боевое напря-

жение на Дунае не ослабевало на протяжении 26 дней. Во второй половине июля положение наших войск в Бессарабии стало критическим. Дунай был оставлен. 20.07 корабли под командованием А. прибыли в Одессу. В августе — начальник гарнизона Херсона. 08.09.1941 снят с должности и назначен с понижением. Командир Учебного отряда кораблей флота (09.1941—03.1942). Командующий Иоканской Военно-морской базой (04.1942—09.1944). Пом. председателя Союзной Контрольной комиссии в Болгарии (11.1944—08.1945). Находился в распоряжении польского военного командования (08.—12.1945). 1-й командующий польским военно-морским флотом. В задачу А. входило создать организацию флота, восстановить корабли, судостроительные заводы, портовые сооружения и береговую оборону, наладить снабжение и обучение личного состава. Награжден польским Крестом Грюнвальда 3 ст. После возвращения на Родину — командир отряда Учебных кораблей Южно-Балтийского флота (02.1946—01.1948). После расформирования отряда — ст. уполномоченный по надводным кораблям Постоянной государственной комиссии по приемке военных кораблей при главнокомандующем ВМС и Военно-морском министре (01.1948—04.1953). Старший Уполномоченный по надводным кораблям Балтийской группы приемки кораблей ВМФ (04.1953—01.1957), начальник этой группы (01.1957—05.1960).

В запасе с 05.1960 г. Капитан 3 ранга с 17.03.1936 г., 2-го ранга с 29.12.1938 г., 1-го ранга с 02.02.1940 г.

Награжден: орденом Ленина (1945), тремя орденами Красного Знамени (1939, 1944, 1949), орденом Отечественной войны I ст. (1944), медалями, тремя иностранными орденами и медалью Болгария, Польша).

Августинович Михаил Петрович

10.11.1912 г. Варшава — 22.09.1984 г. Москва.

Вице-адмирал (09.05.1961). В ВМФ с 1930 г. Член ком. партии с 1939 г. Окончил Военно-морское артиллерийское училище им. ЛКСМУ (курсант Военно-морского училища им. М. В. Фрунзе — 08.1930—12.1932), командный отдел Учебного отряда подводного плавания им. С. М. Кирова (Л—д, 12.1935—08.1936),

академические курсы при Военно-морской академии (1947), военно-морской факультет Военной академии Генерального штаба с золотой медалью (12.1952—11.1953).

После окончания училища направлен на Северный флот — дивизионный артиллерист отдельного дивизиона подводных лодок (07.1933—12.12.1935), пом.командира подводных лодок «Д—3», «Д—1», «Щ—401» (08.1936—05.1939), командир подводной лодки «Д—1», «Д—2» (06.1938—10.1939), исп. должн. командира 3 дивизиона подводных лодок (10.1939—07.1940), командир 1 дивизиона подводных лодок (07.—10.1940). Начальник штаба бригады подводных лодок (10.1940—07.1941). Начало Великой Отечественной войны встретил командиром подводной лодки «К—1» (07.1941—03.1943). За это время произвел 8 активных минных постановок у баз и на коммуникациях противника, потопил 28.12.1941 г. транспорт 3200 т.бр. На выставленных минах подорвалось и затонуло 6 кораблей, был поврежден один танкер противника. Начальник 1 отделения отдела подводного плавания штаба флота (03.1943—03.1944). Командир 1 дивизиона подводных лодок типа «К» бригады подводных лодок (03.1944—03.1946). К концу войны А. совершил 12 боевых походов, командуя подводными лодками, и два в должности командира дивизиона; за это время было произведено 10 активных минных постановок, торпедным оружием и на выставленных минах уничтожено 10 кораблей противника, выполнено одно спецзадание. Командир отряда переводимых кораблей на Северный флот (03.12.1946). Начальник штаба (12.1946—06.1947), командир бригады подводных лодок (06.1947—04.1951). Командир дивизии подводных лодок (04.1951—12.1952). После окончания академии направлен ст.военным советником к командующему Военно-морскими силами Китая (08.1954—12.1956). По возвращении в СССР — начальник 3 отдела (оперативное использование сил флота) Оперативного управления Главного штаба ВМФ (12.1956—11.1957). С 11.1957 — адмирал-инспектор подводных сил инспекции Главной инспекции МО СССР. В запасе с 09.1968 г.

Награжден: орденом Ленина (1954), двумя орденами Красного Знамени (1942, 1950), орденом Нахимова 2 ст. (1944), орденами Отечественной войны 1 ст. (1943) и 2 ст. (1945), орденом Красной звезды (1945) и медалями.

Похоронен на Кунцевском кладбище.

Аверчук Степан Иванович

27.12.1915 г. село Гришевыцы Тывровского района Винницкой обл. — 07.09.1981 г. Москва.

Вице-адмирал (07.05.1960). В ВМФ с 1937 г. Член ком. партии с 1939 г. Окончил курсы младших политруков при Политуправлении Черноморского флота (1939), Высшие военно-политические курсы ВМС (10.1946—07.1947), Военно-политическую академию им.В.И.Ленина (11.1947—06.1950).

Срочную службу проходил на курсах командного состава Черноморского флота (02.1937—10.1938), на сверхсрочной службе с 11.1938 г. После окончания курсов продолжал ее на Черном море: политрук линкора «Парижская коммуна» (05.1939—06.1940), пом. начальника политотдела охраны внешнего рейда Главной военно-морской базы флота по комсомольской работе (06.1940—05.1942), ст.инструктор политотдела бригады траления и заграждения (05.1942—04.1944), зам. начальника политотдела охраны водного района (04.1944—04.1945). Зам. начальника политотдела 1 бригады траления Краснознаменной Дунайской военной флотилии (04.1945—04.1946), начальник политотдела 2 бригады речных кораблей этой же флотилии (04.—10.1946). После окончания академии — инструктор управления по проверке политорганов Главного Политуправления ВМС (07.1950—10.1951), в аппарате ЦК КПСС — инструктор, зам.зав.сектором административных органов (10.1951—11.1956), Член Военного совета (11.1956—09.1957), Член Военного совета — начальник политуправления Северного флота (09.1957—07.1961). Ст.инструктор Управления политорганов ВМФ Главного Политуправления СА и ВМФ (08.1961—05.1967). Начальник политотдела Гл. штаба и управлений Главкомандующего ВМФ — зам. по политчасти начальника Гл.штаба ВМФ (05.1967—08.1976). В отставке с 01.1977 г. Капитан 1-го ранга с 23.05.1952 г., контр-адмирал с 19.11.1956 г.

Награжден: орденами Отечественной войны 1 ст. (1944), 2 ст. (1946), двумя орденами Трудового Красного Знамени (1967, 1973),

двумя орденами Красной Звезды (1942, 1946) и медалями, иностранной медалью.

Похоронен на Донском кладбище.

Азаров Илья Ильич

20.07(03.08.)1902 г. С.—Петербург — 16.07.1979 г. Москва.

Вице-адмирал (25.09.1944). В РККА с 1919 г. В ВМФ с 1924 г. Член ком. партии с 1924 г. Окончил курсы политруков при Военно-морском политическом училище им.Рошала (08.—11.1926), курсы военной подготовки политруков при Сумской артшколе (10.1927—08.1928) и там же сдал экзамены за весь курс обучения, Военно-политическую академию (10.1933—09.1937). В гражданской войне в составе коммунистического батальона участвовал в боях против войск Юденича (окт.1919), в подавлении Кронштадтского восстания, находясь в ЧОН. В апреле 1921 г. демобилизован. После призыва на службу в ВМФ — краснофлотец зенитного дивизиона Кронштадтской крепости, политрук батареи. После окончания артшколы — комиссар дивизиона Ижорского укрепрайона (1928—1930), ответственный секретарь ПВО Балтийского моря (05.1930—05.1932), линкора «Марат» (05.1932—09.1933). После окончания академии служил на Тихоокеанском флоте — военком эсминца «С.Орджоникидзе» (09.1937—09.1938), начальник политотдела бригады эсминцев (09.1938—11.1939), начальник оргинструкторского отдела политуправления флота (11.1939—05.1941), политуправления ВМФ (05.—07.1941).

Во время Отечественной войны — зам. начальника политуправления Черноморского флота (07.—08.1941), член военного совета Одесского оборонительного района (08.—10.1941), член военного совета Черноморского флота (10.1941—03.1943). Принимал участие в обороне Одессы, Севастополя, Новороссийска, в Керченско-Феодосийской десантной операции. Зам. начальника Гл.политуправления ВМФ (03.1943—02.1944). Член военного совета Черноморского флота (03.1944—05.1947). Будучи членом военного совета флота способствовал успешному проведению Одесской, Крымской, Яско-Кишиневской операций. Зам. команд. по политчасти 4 ВМФ /Балтийск/ (05.1947—07.1950), 7 ВМФ /Сов.Гавань/ (07.1950—05.1953). Зам. по политчасти

начальника Управления кораблестроения ВМС (07.1953—07.1956). В запасе с 1956 г. Контр-адмирал с 13.12.1942 г.

Награжден: орденом Ленина (1949), тремя орденами Красного Знамени (1941, 1945, 1947), орденом Нахимова 1 ст. (1945), Кутузова 2 ст. (1945), Отечественной войны 1 ст. (1943) и медалями.

Похоронен на Кунцевском кладбище.

Соч.: В боевых походах. М., 1961.

Прорыв. М., 1968.

Непобежденные. М., 1973.

Осажденная Одесса. Одесса, 1975.

Акулин Михаил Иванович

26.09.1898 г. село Царевка Тамбовской обл. — 07.04.1951 г. Москва.

Вице-адмирал (03.06.1946). В ВМФ с 1918 г. Член ком.партии с 1941 г. Окончил Тамбовскую гимназию (1916), один курс Петроградского лесного института (1916), школу мичманов берегового состава в Петергофе (02.—06.1917), артиллерийские классы СККС ВМФ (1927), факультет военно-морского оружия Военно-морской академии им.К.Е.Ворошилова (10.1929—10.1932). Знал английский язык. На военной службе с 1917 г. Участник гражданской войны. Ст. офицер Або-Аландского укрепрайона Балтийского флота (08.1917—02.1918), командир канонерской лодки «Гилляк». В запасе (05.—09.1918). Призван по мобилизации. Младший флагсекретарь штаба Онежской военной флотилии (03.—05.1919), начальник распредачи (05.1919—03.1920), пом. флагманского минера штаба Онежской флотилии (03.—04.1920). С 05.1920 — на Черноморском флоте — начальник распредачи штаба отряда судов, начальник Строевого Управления штаба Западного сектора, распредачи там же, оперативной части Николаевского военного порта. С 08.1922 г. в штабе Морских сил Республики — начальник организационной части, секретарь начальника Оперативного управления, для поручений. Вахтенный начальник эсминца «Марти» (01.—10.1925). После окончания курсов — артиллерист эсминца «Фрунзе» (02.1927—10.1929). После окончания академии — флагманский артиллерист бригады крейсеров на Черном море (10.1932—11.1933). Флагманский артиллерист Тихоокеанского флота (11.1933—08.1937). Зам. на-

чальника Управления вооружения Управления Морских сил РККА (08.1937—01.1938), зам. начальника Управления вооружения и снабжения боеприпасами РККФ (01.—09.1938), зам. начальника Артиллерийского управления по опытным образцам и валовым закупкам (09.1939—06.1941). В 1939 г. в составе правительственной комиссии под руководством И.Ф.Тевосяна находился в Германии, где посетил крупные кораблестроительные и артиллерийские заводы (Крупп, Рейнметалл, Сименс, Цейс). В 1940 г. вторично был в Германии для оформления поставок вооружения. В период Великой Отечественной войны — начальник Артиллерийского управления ВМФ (06.1941—03.1942). Зам. председателя государственной закупочной комиссии СССР в США (03.1942—08.1944), где руководил отделом морских заказов, проводкой судов, ремонтом и вооружением; артиллерийским отделом, конвойной службой, приемом кораблей как торговых, так и военных; осуществлял контроль за организацией перехода судов в СССР. По возвращению на Родину — начальник Военно-морской академии кораблестроения и вооружения им.А.Н.Крылова (08.1944—02.1947), где провел значительную работу по созданию и укреплению академии, подбору и сплочению личного состава и, в первую очередь, профессорско-преподавательского состава. Зам. начальника этой академии (02.—11.1947). Начальник Научно-технического комитета ВМФ (11.1947—07.04.1951). Контр-адмирал с 04.07.1940 г.

Награжден: тремя орденами Ленина (1935, 1944, 1945), двумя орденами Красного Знамени (1942, 1944), орденом Отечественной войны 1 ст. (1945) и медалями.

Похоронен на Ваганьковском кладбище.

Алафузов Владимир Антонович

17.06.1901 г. Рига — 30.05.1966 г. Ленинград.

Военачальник, адмирал (26.09.1944), в ВМФ с 1918 г., член ком. партии с 1920 г. Окончил Военно-морское училище (1925), специальные командные курсы (1927), военно-морской факультет Военно-морской академии им.К.Е.Ворошилова (1932), курсы командиров эсминцев (1937). Профессор (1955), кандидат военно-морских наук (1954), владел немец-

ким, французским и испанским языком. В период гражданской войны — сигнальщик, пом. комиссара порт-базы Онежской флотилии, Гидрографического управления. Пом. вахтенного начальника линкора «Марат» (1927—1929), штурман, ст. штурман линкора «Марат» (11.1927—10.1929). Начальник оперативного сектора, отдела боевой подготовки штаба Морских Сил Черного моря (04.1932—12.1935). Ст. пом. командира крейсера «Красный Кавказ» (12.1935—04.1937). Военный и гл. военноморской советник при командующем испанским республиканским флотом (04.1937—04.1938). Зам. начальника Главного Морского штаба (05.1939—01.1940). Во время советско-финляндской войны — зам. командующего КБФ и командира Балтийской (Палдинской) военно-морской базы (01.—03.1940). Зам. начальника Главного Морского штаба (03.—07.1940). В 1939—1940 гг. принимал участие в комиссиях по заключению соглашения с Эстонией и Латвией.

Отечественную войну встретил в должности начальника Оперативного Управления — зам. начальника Главного Морского штаба (07.1940—07.1942). Исп. должн. начальника Главного Морского штаба (07.1942—02.1943). Начальник штаба Тихоокеанского флота (02.1943—06.1944). ИД начальника Главного Морского штаба ВМФ (06.1944—04.1945). Начальник Военно-морской академии им.К.Е.Ворошилова (04.1945—02.1948). Осужден Военной коллегией Верховного Суда СССР, обвинен “в самочинной передаче бывшим нашим союзникам некоторых образцов секретного вооружения и документов”. Реабилитирован в 1953 г., восстановлен в кадрах ВМФ. Зам. начальника Военно-морской академии по научно-учебной работе (1953—1958). Член редколлегии «Морского атласа» (1958—1964). С 1964 г. — профессор-консультант Ученого Совета Военно-морской академии.

Контр-адмирал с 04.06.1940 г., вице-адмирал с 27.01.1944 г.

Награжден: двумя орденами Ленина (1937, 1945), тремя орденами Красного Знамени (1938, 1944, 1947), орденом Ушакова 1 ст. (1944), Отечественной войны 1 ст. (1943), Красной Звезды (1940) и медалями.

Соч.: Доктрины германского флота. М., 1956.

Ананьич Василий Емельянович

16.02.1900 г. дер. Турец, Смиловичский район Минской обл. — 20.12.1977 г. Ленинград.

Контр-адмирал с 25.09.1944 г. В РККА с 1920 г. В ВМФ с 1921 г. Член ком. партии с 1925 г. Окончил электроминную школу Балтфлота (1922), Военно-морское политическое училище им.Рошаля (1925—1928), военно-морской факультет Военно-политической академии (10.1933—07.1937), курсы переподготовки политсостава при Военно-политической академии им.В.И.Ленина (1948), военно-морской (04.1949—12.1951) и военно-исторический (02.—12.1952) факультеты Военной академии Генерального штаба.

После окончания училища там же оставлен преподавателем (10.1929—10.1930), ст. инструктор политотдела бригады траления и заграждения Морских сил Балтийского моря (10.1930—07.1932), помполит и военком подводной лодки «Коммунар» (08.1932—10.1933). После окончания академии проходил службу на Тихоокеанском флоте — военком 21 дивизиона подводных лодок типа «М» (08.1937—03.1938), начальник политотдела (03.—08.1938), военком 1 бригады подводных лодок (03.1938—02.1940). Зам. начальника политуправления Северного флота (02.1940—09.1941). Член военного совета (09.1941—10.1942), зам. команд. по политчасти (10.1942—12.1943), член Военного Совета (12.1943—02.1945) Беломорской военной флотилии. Способствовал выполнению личным составом флотилии задач по поддержанию благоприятного оперативного режима на морских коммуникациях и обеспечению успешного решения одной из главных задач Северного флота — защиты внешних и внутренних коммуникаций в Заполярье. Начальник политотдела Беломорского морского оборонительного района (02.—06.1945). Зам. начальника политуправления КБФ (06.1945—03.1946). В Гл. политуправлении ВМФ (03.—06.1946). Член военного совета ВМФ (06.1946—01.1948). Зам. начальника Технического управления по политчасти ВМФ (04.1949). После окончания ВАГШ — начальник кафедры истории военно-морского искусства Рижского военно-морского училища (03.—05.1953). Ст. инспектор по истории военно-морского искусства (05.1953—08.1955), начальник отдела (08.1955—05.1956), пом. начальника Управления по гражданским учеб-

ным заведениям ВМУЗ ВМС (05.1956—02.1957). В запасе с 02.1957 г.

Награжден: орденом Ленина (1945), двумя орденами Красного Знамени (1942, 1944), орденом Нахимова 2 ст. (1945), Отечественной войны 1 ст. (1944) и медалями.

Похоронен на Северном кладбище.

Арапов Михаил Иванович

30.10.1898 г. С.—Петербург — 25.05.1947 г. Москва.

Контр-адмирал с 04.06.1940 г. В ВМФ с 1918 г. Член ком. партии с 1925 г. Окончил Военно-морское училище (1921—1925), штурманский класс СККС ВМФ (1926—1927), военно-морской факультет Военно-морской академии им.К.Е.Ворошилова (1930—1933), курсы командиров миноносцев (1937). Участник гражданской войны.

После окончания училища проходил службу на Балтике. Пом. вахтенного начальника линкора «Марат», вахтенный начальник, командир башни линкора «Октябрьская революция» (1925—1927). Штурман эсминцев «Урицкий» (1927—1928), «Карл Маркс» (1929—1929), пом. командира эсминца «Калинин» (1929—1930). После окончания академии продолжил службу на Дальнем Востоке. Пом. начальника 1 (оперативного) отдела штаба Морских сил Дальнего Востока (1933—1934), начальник штаба бригады заграждения и траления (1934—1937), командир эсминца «С.Орджоникидзе» (03.—10.1937), пом. начальника штаба (10.1937—05.1938), начальник штаба (05.—08.1938), зам. командующего Тихоокеанским флотом (08.1938—10.1939), командующий Северной Тихоокеанской военной флотилией (10.1939—02.1943). В качестве начальника штаба Балтийского флота принял участие в Великой Отечественной войне (03.—10.1943). В центральном аппарате НК ВМФ (1943—1946). С 1946 г. — в отставке.

Награжден: орденом Ленина (1945), двумя орденами Красного Знамени (1943, 1944) и медалями.

Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Архипов Сергей Николаевич

02.09.1900 г. С.—Петербург — 11.10.1958 г. Москва.

Ученый-организатор в области радиосвязи и радиолокации, основатель радиотехнической службы ВМФ. Доцент (05.1939). Инженер-вице-адмирал (1951). В ВМФ с 1920 г. Член ком. партии с 1943 г. Окончил реальное училище в Петрограде (1917), радиошколу при службе связи (1920), училище младшего состава флота (1921), Военно-морское гидрографическое училище (09.1922—09.1925), класс связи СККС ВМС (10.1927— 10.1928), факультет военно-морского оружия Военно-морской академии им. К. Е. Ворошилова (10.1930—04.1934). Участник гражданской войны.

На военной службе с 1917 г. Сигнальщик и радист гидрографического судна «Таймыр» (12.1917—11.1920), радист службы связи Кавказского фронта (1921), ст. радист канонерской лодки «Терец» Морских сил Черного моря (04.—11.1921), краснофлотец 2 Балтийского флотского экипажа (1921), ст. радист линкора «Марат» (11.1921—09.1922), исп. должн. штурмана подводной лодки «Коммунар»

(1925), пом.вахтенного начальника и ст. специалист связи линкора «Марат» (09.1925—10.1927), ст.связист линкора «Парижская Коммуна» (1928—1930), флагманский связист дивизии крейсеров Морских сил Черного моря (05—12.1930). После окончания академии — адъюнкт, мл.преподаватель (02.1934—02.1937), преподаватель кафедры радиотехники Военно-морской академии (02.1937—08.1941). Великую Отечественную войну встретил на Северном флоте в должности первого начальника отдела связи Беломорской флотилии связи (08.1941—05.1942), начальник отдела связи флота (05.1942—07.1943). Первый начальник отдела спецприборов (07.1943—01.1945), отдела (01—03.1945), Управления радиолокации ВМФ (03.1945—11.10.1958). Умер на рабочем месте. Госпремия (1952). Инженер-контр-адмирал с 21.07.1944 г.

Награжден: орденом Ленина (1945), Красного Знамени (1947), Нахимова 2 ст. (1945), Отечественной войны 1 ст. (1944) и медалями.

Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Интервью

Доктор Йоахим Хоффманн родился в 1930 г. Занимался новейшей историей, историей стран Восточной Европы и этнографией. Защитил докторскую диссертацию в 1959 г. С 1960 г. работает в Институте по изучению военной истории ФРГ (Фрайбург), занимает должность директора по научной работе.

Доктор Хоффманн — крупнейший специалист на Западе по проблеме добровольческих формирований в Вермахте в 1941—1945 гг. из бывших советских граждан. Автор ряда научных монографий и статей, в том числе: «Немцы и калмыки 1942—45 гг.» (1977 г.), «Восточные легионы 1941—43 гг.» (1982 г.), «Кавказ 1942—43 гг. Германская армия и восточные народы Советского Союза» (1991 г.) и т.д. В 1990 г. в серии «Исследование Новейшей Русской Истории» под ред. А.И.Солженицына на русском языке в издательстве «Имка-пресс» вышла монография доктора Хоффманна «История власовской армии» — самое авторитетное исследование, посвященное Вооруженным Силам КОНР (РОА).

Встречаясь с представителями журнала «Новый Часовой», господин Хоффманн любезно согласился дать журналу эксклюзивное интервью.

«НЧ»: Уважаемый господин Хоффманн, не могли бы Вы в начале интервью сказать несколько слов о себе и своей научной работе.

— Я отдал 33 года своей жизни и деятельности Институту по изучению военной истории ФРГ во Фрайбурге, занимаю должность директора по научной работе. Примерно 25 лет главным предметом моих исследований являются различные аспекты советско-германской войны 1941—1945 гг.

«НЧ»: Какие темы являются для Вас приоритетными в данной области?

— Наибольший интерес для меня представляют сюжеты, связанные с отношениями русских и немцев между собой, в частности, проблема плена, а также история добровольческих формирований в Вермахте из советских граждан, Русское Освободительное Движение и как часть его — история Русской Освободительной Армии генерал-лейтенанта А.А.Власова, наконец, это тема, связанная с превентивной войной.

«НЧ»: Что заставило господина Хоффмана обратиться именно к данным вопросам?

— Первоначально я начал этим заниматься, потому что больше никто не занимался данными вопросами. Однако сейчас, я бы хотел надеяться, что мой труд в какой-то степени послужит сближению русского и немецкого народов, их культур, и это послужит изменению тех холодных отношений, которые установились между нашими народами после войны. В этой

связи я хотел бы подчеркнуть тот факт, что между русскими добровольцами и немецкими военнослужащими Вермахта всегда были хорошие отношения.

«НЧ»: С Вашей точки зрения, господин Хоффманн, какова была главная причина возникновения и развития того трагического явления, которое в западной историографии именуется Русским Освободительным Движением?

— Во-первых, потому что в Вермахте возникло широкое движение Сопротивления, направленное против Гитлера и нацистской политики в отношении России, а во-вторых, потому что существовала очень значительная оппозиция Сталину и Советской власти среди советских граждан.

«НЧ»: Кто из немецких офицеров Вермахта участвовал в этом Движении Сопротивления и помогал Русскому Освободительному Движению?

— Да, конечно. Их было достаточно и всех назвать невозможно, назову лишь главные имена: генерал-фельдмаршал фон Клюге, полковник Штауффенберг, генерал от инфантерии Ольбрихт, генерал-майор фон Треско, генерал-фельдмаршал фон Клейст, генерал-полковник Линдемманн и другие. Особенно надо подчеркнуть, что к этой группе относились и очень многие из тех офицеров, которые воевали на Восточном фронте и понимали, что вести такую преступную войну против России — безумие.

«НЧ»: Какие формы принимало сотрудничество между советскими гражданами и немцами в годы войны?

— При гитлеровском режиме формы этого сотрудничества и само сотрудничество были очень ограничены. Вам известно заявление Гитлера о том, что ни один славянин никогда не будет носить оружие. “Тем более, — говорил Гитлер, — я никогда не создам Русскую Освободительную Армию, ибо, вместе с ее созданием, я потеряю свои военные и политические цели”.

Уже вскоре после июня 1941 г. в Вермахте стали появляться маленькие группы русских, с русскими офицерами, но под немецким командованием. Позднее, широкое развитие получили “хивисвиллинге” — “добровольные помощники”, русские добровольцы на штатных должностях в Вермахте и даже были созданы отдельные национальные части. Это движение получило общее наименование Освободительного Движения Народов России (ОДНР).

«НЧ»: Существует распространенное мнение, что общее число сотрудничавших с немцами советских граждан, то есть тех, кто воевал с оружием в руках, превышает 1.000.000 чел. Подтверждается ли эта цифра документально?

— От немецких участников ОДНР известно, что эта цифра достигала даже 2.000.000 чел., но мне кажется, что это число преувеличено. Но цифра в 1.000.000 или чуть больше наиболее достоверна. Генерал от кавалерии Кестринг, генерал-инспектор добровольческих частей в Вермахте, долго вычислял эту цифру, а также и другие исследователи подтверждают ее.

«НЧ»: Сколько примерно было так называемых “хиви” в Вермахте к лету 1943 г.?

— Точных цифр нет, и в этом заключается известная проблема. С лета 1943 г. термин “хиви” исчез. Все “хиви” стали называться добровольцами и получили статус регулярных солдат, приняли присягу, получили собственную униформу с особыми знаками отличия, и считалось, что они принадлежали в РОА, которой на самом деле не существовало, и только части, находившиеся под командованием генерал-лейтенанта А.А.Власова, можно считать регулярной армией.

«НЧ»: Как много участников ОДНР и русских принимало участие в карательных операциях на оккупированных территориях России, против мирных жителей?

— Около 300000 бывших советских граждан были подчинены не Вермахту, а СС и службам вспомогательной полиции, и из этих 300.000 человек в карательных операциях участвовал очень маленький процент по моим данным. Я не могу сейчас назвать точно эту цифру, но она очень невелика, хотя, конечно, такие люди были. Из тех, кто служил в регулярных частях Вермахта, многие уже при отступлении 1943/44 гг. принимали участие в операциях против партизан. Советские партизаны, по мнению тех офицеров Вермахта, которые считали для себя обязательной Женевскую конвенцию о правилах и способах ведения войны, не попадали под нее, так как не являлись регулярной армией противника.

«НЧ»: Как Вы считаете, доктор Хоффманн, существовал ли исторический шанс, шанс на успех у Русского Освободительного Движения?

— Главным препятствием на пути к успеху у этого движения был Гитлер, нацистское окружение и восточная политика нацистов. Многие пленные советские генералы утверждали, что они бы присоединились к этому движению, если бы была создана единая Русская армия, с русским командованием, была бы изменена восточная политика, создано независимое русское правительство и т.д. Это были генерал-лейтенант Лукин, генералы Ершаков, Потапов, Понеделин и многие другие. Но Гитлер был Гитлером, и потому это движение, несмотря на всю помощь и мужество немецких друзей, было обречено. Но в истории есть события и явления, исход которых невозможно предугадать. Генерал Власов и его окружение серьезно рассчитывали на то, что союз между западными демократиями и Сталиным непрочен и после поражения Германии начнется новая война против сталинского СССР. Поэтому Власов и стремился создать Русскую армию до этой войны. Конечно, это была их ошибка. Но Власовское движение дало такой же значимый исторический пример, как и движение Сопротивление в Вермахте и заговор полковника Штауффенберга 20 июля 1944 г.

«НЧ»: Каковы Ваши впечатления, доктор Хоффманн, от историков в России, которые официально занимаются проблемой Второй мировой войны, и от российской историографии по данному вопросу?

— К сожалению, мне кажется, что российской историографии по данной проблематике

пока нет, и это касается, наверное, вообще всего комплекса проблем, связанного со Второй мировой войной. В России пока еще господствует советская историография, носящая, по сути, пропагандистский характер. Все исторические явления ею рассматриваются через призму пропаганды. Что касается Власовского движения и ОДНР, то до сих пор его пытаются представить как криминальное, как группу предателей. Советские историки до сих пор говорят о генерале Власове и его ближайшем окружении, но не говорят о движении вообще, тем более, что далеко не все участники ОДНР могут называть себя власовцами. Я считаю, что примерно треть участников ОДНР последовала за его руководителями не искренне, это были несчастные люди, желавшие спасти себя, но остальные две трети честно хотели и были готовы бороться против Сталина.

«НЧ»: Какова с Вашей точки зрения, доктор Хоффманн, самая малоизученная тема или группа тем, связанная со Второй мировой войной?

— По-прежнему, мало исследованной остается проблема ОДНР, далее, это проблема пропаганды, контрпропаганды в период германо-советской войны и реакции на эту пропаганду, вопрос массового героизма со стороны Красной Армии и Вермахта и другие проблемы.

«НЧ»: Каковы Ваши творческие планы?

— Я работаю сейчас над книгой о советско-германской войне 1941—1945 гг. В ней будут рассмотрены вопросы, касающиеся превентивной войны, отношений между Сталиным и Красной Армией и некоторые другие сюжеты. Книга должна выйти в 1995 г.

«НЧ»: Большое спасибо.

Фрайбург, октябрь 1993 г.

РУССКИЙ СКАУТЪ

Орган разведческой связи ОРЮР и исторической хроники деятельности национальных молодежных организаций России и Русского Зарубежья

Гл. редактор
инструктор Кирилл Александров — “Львенок”,
начальник 2-ой Санкт-Петербургской дружины
«КРЫМЪ» ОРЮР
и 38-го сводного отряда
Генерального штаба генерал-майора
М.Г. Дроздовского

В прошлом на страницах «Часового» уделялось место истории и жизни различных национальных молодежных организаций. В первую очередь, это касалось Национальной Организации Русских Разведчиков (НОРР) полковника П.Н. Богдановича.

«Новый Часовой», возобновляя эту добрую традицию, открывает постоянную рубрику «РУССКИЙ СКАУТЪ», в которой будут представлены материалы по истории всех национальных молодежных организаций. Редакция просит членов Национальной Организации Витязей (НОВ) в Русском Зарубежье, Ассоциации Витязей России, Национальной Организации Русских разведчиков, организации «Русский сокол», Национальной Организации Русских скаутов (за рубежом) и всех других организаций русской молодежи, их представительств в России направлять материалы по истории своих организаций, мемуары, фотографии, копии документов в редакцию «Нового Часового» для публикации и на хранение в архив. Все эти материалы станут предметом исследования национальных молодежных организаций Русского Зарубежья и России в скором будущем.

В №1 «Новый Часовой» публикует материалы Организации Российских Юных Разведчиков (ОРЮР), активно возрождающейся в России с весны 1991 г. и самой крупной по численности национальной молодежной организации России и Русского Зарубежья.

Предлагаемый материал касается численности единиц и дружин ОРЮР в образованном Северо-Западном районе Центрально-Российского отдела ОРЮР. СЗР включает в себя 4 дружины, две из которых существуют в Санкт-Петербурге («Санкт-Петербург» и «КРЫМЪ»), одна объединяет единицы ОРЮР области («Павловск») и 4-ая существует в Сосновом Бору («Форт Серая Лошадь»). Численность единиц указана по состоянию на конец октября 1993 г., с учетом не только членов ОРЮР, давших Торжественное обещание, но и новичков.

Хроника Дроздовского отряда, одного из старейших отрядов русского скаутского движения, возобновившего свою работу в Петербурге в ноябре 1991 г., — это бюллетень повседневной разведческой деятельности.

1-ая Санкт-Петербургская дружина «САНКТ-ПЕТЕРБУРГ»

Реально начала свое существование в мае 1991 года, после проведения в Санкт-Петербурге 1-ых Всероссийских Курсов Начальников Единиц.

Начальник дружины:

инструктор Петр Тищенко — “Ловкая Пума”.

Список единиц:

35-ый сводный отряд
Св. Блаженной Ксении Петербургской
(23 чел.)

Существует с февраля 1991 г. До августа 1992 г. назывался «Русь Святая».

Н.о. — инс. Валентина Александрова — “Сорока”.

37-ой сводный отряд
Белого генерала М.Д.Скобелева
(35 чел.)

Существует с февраля 1991 г.
Н.о. — инс. Андрей Клочко — “Зоркий Ястреб”

39-ый сводный отряд
Св.Апостола Андрея Первозванного
(30 чел.)

Существует с марта 1992 г.
Н.о. — шин. Юлия Новожилова (до осени 1992 г.)

С осени 1992 г. и.о. начальника отряда — инс. Петр Тищенко — “Ловкая Пума”

28-ая сводная стая «Зазеркалье»
(10 чел.) при отряде генерала Скобелева.

Существует с февраля 1991 г.
Н.с. — шин. Елена Свириденко

Дружина «Санкт—Петербург» — первая дружина ОРЮР в Петербурге и области, одно из первых соединений ОРЮР в России. Благодаря усилиям РС дружины и бессменного начальника инс. Петра Тищенко — “Ловкой Пумы”, активно расширялась работа ОРЮР в регионе и как результат — еще 3 новые дружины ОРЮР. Первый начальник Центрально—Российского отдела ОРЮР, инс. Игорь Айдынян — “Ирбис”, избранный на 1—ом съезде ЦРО 13—14.11.92 г. в Петербурге, также руководитель ОРЮР из Петербурга.

II-ая санкт-петербургская дружина «КРЫМЪ»

Открыта 1 марта 1993 г. приказом №273
Старшего Скаутмастера ОРЮР Михаила Данилевского

Начальник дружины:

инструктор Кирилл Александров — “Львенок”

Список единиц:

8-ой сводный круг
генерал-губернатора М.А.Милорадовича
(6 чел.)

Существует с 22.12.1992 г.
Ст. кр. — шин. Юрий Звягин — “Большой Лохматый Пес”

38-ой сводный отряд
Генерального штаба генерал-майора
М.Г.Дроздовского (25 чел.)

Существует с 26.11.1991 г.
Н.о. — инс. Кирилл Александров — “Львенок”

Сводный отряд
адмирала А.В.Колчака (25 чел.)

Существует с октября 1992 г.
Н.о. — држ. Елена Люлина

22-ая сводная стая “Викинги”
(15 чел.)

Существует с ноября 1992 г.
Н.с. — шин. Ефимова Юлия — “Поющая Мышка”

III-ая санкт—петербургская дружина «ПАВЛОВСК»

Открыта 22 августа 1993 г. приказом №276
Старшего Скаутмастера ОРЮР Михаила Данилевского

Начальник дружины:

инструктор Юрий Дыляев — “Панда”

Список единиц:

36-ой сводный отряд скаутмастера
полковника Б.Н.Свежевского
(15 чел.)

Существует с февраля 1991 г. под именем отряда «Гатчина».

В феврале 1992 г. выделился в самостоятельную единицу.

Н.о. — инс. Игорь Айдынян — “Ирбис”
(г.Гатчина)

40-ой сводный отряд
генералиссимуса А.В.Суворова
(37 чел.)

Существует с марта 1992 г.

Н.о. — шин. Александр Пашехонов —
“Балу” (г.Волхов)

41-ый сводный отряд
Старшего Русского Скаута гвардии
полковника О.И.Пантюхова
(40 чел.)

Существует с марта 1992 г.

Н.о. — инс. Юрий Дыляев — “Панда”
(г.Павловск)

74-ый сводный отряд
Цесаревича Алексея
(10 чел.)

Существует с августа 1993 г.

75-ый сводный отряд
св. Николая Чудотворца
(14 чел.)

Существует с августа 1993 г.

Н.о. — држ. Надежда Беспалова (Ст.Ладогога)

80-ый сводный отряд
графа Орлова-Чесменского
(15 чел.)

Существует с февраля 1991 г. под именем отряда «Гатчина». В феврале 1992 г. выделился в самостоятельную единицу.

Н.о. — држ. Наташа Горбунова — “Мангуста”

25-ая сводная стая «Лукоморье»
(12 чел.)

Существует с апреля 1993 г.

Н.с. — шин. Татьяна Дыляева (г.Пушкин)

IV-ая санкт-петербургская дружина «ФОРТ СЕРАЯ ЛОШАДЬ»

Открыта 22 августа 1993 г. приказом №276 Старшего Скаутмастера ОРЮР Михаила Данилевского.

Начальник дружины:

инструктор Сергей Грабов — “Задумчивый Филин”

Список единиц:

34-ый сводный отряд
Николая Гумилева
(16 чел.)

Существует с 15.02.1991 г.

Н.о. — шин. Владимир Китранов — “Беркут”

76-ой отряд разведчиц
Александра Баранова
(10 чел.)

Существует с 01.09.1993 г.

Н.о. — шин. Михаил Попов “Рысь”

В стадии формирования под общим руководством инс. Сергея Грабова — “Задумчивого Филина”:

26-ая стая волчат
«Конек-Горбунок»
(6 чел.)

27-ая стая белочек «Ромашка»
(6 чел.)

Обе стаи открыты 01.09.1993 г.

Примечания к публикации:

Волчата и белочки — мальчики и девочки в возрасте от 7 до 11 лет, объединенные в возрастную единицу — “стаю”.

Разведчики и разведчицы — мальчики и девочки в возрасте от 12 до 17 лет, объединенные в отряды — основную единицу ОРЮР.

Витязи и дружинницы — старшая молодежь и взрослые, работающие в ОРЮР. Объединяются в круг.

Н.о. — начальник отряда

Н.с. — начальник стаи

Ст.кр. — старшина круга

Шин. — штаб-инструктор

Инс. — инструктор

— чины
руководителей

Номера единицам выдаются Старшим Скаутмастером для учета и регистрации единиц, выяснения численности состава. Названия стай имеют, обычно, сказочно-фантастический характер. Отряды и круги носят имена святых Русской Православной Церкви или исторических героев России. Дружины носят в качестве имен русские географические назва-

ния. В кавычках, рядом с именами руководителей и начальников единиц, указаны “лесные имена”.

В связи с отсутствием пока историко-архивного сектора СЗР ЦРО в публикации, основанной на данных начальников единиц и дружин СЗР, могут быть неточности.

Хроника

38-го сводного отряда Генерального штаба генерал-майора М.Г.Дроздовского Организации Российских Юных Разведчиков

От автора:

Повседневная жизнь ОРЮР — это деятельность любой единицы или возрастной группы. Именно из этой деятельности складывается повседневная жизнь Организации. Поэтому для историка-исследователя жизнедеятельности ОРЮР в первую очередь будет важна именно хроника стай, отряда, округа, беспристрастно регистрирующая историю единицы. «Русский скаут» готов печатать такие хроники любых единиц НОРС, НОРР, ОРЮР, НОВ и любых других национальных организаций молодежи. Пусть это послужит скромным вкладом в создание истории национального молодежного движения возрожденной России.

Для русских скаутов важна преемственность. Дроздовский отряд возник 9 апреля 1938 года в Белграде под номером “4” в Национальной Организации Русских Скаутов. Его создал скаутмастер НОРС С.Пелипец, будущий 1-ый Старший Скаутмастер Организации Российских Юных Разведчиков. В ОРЮР этот отряд носил номер “14” и просуществовал до конца 50-х гг.¹. В настоящее время в Лос-Анджелесе (США) существует сводный круг витязей и дружинниц генерал-майора М.Г.Дроздовского. В создающейся ОРЮР В России осенью 1991 года начал формироваться сводный отряд генерал-майора М.Г.Дроздовского в составе дружины «Санкт-Петербург», осенью 1992 года Дроздовский отряд скаутов-разведчиков, уже получивший регистрационный номер “38”, стал основанием дружины «КРЫМЪ», 2-ой Санкт-петербургской дружины ОРЮР.

Хроника деятельности Дроздовского отряда и предлагается вниманию историка за истекшие два года.

Октябрь 1991 г. — начало формирования отряда на базе средней школы №201 Фрунзенского района Санкт-Петербурга. На первый сбор отряда пришли: Антонов Петя, Архипов Дима, Башкатова Маша, Бойцов Женя, Закутский Сергей, Мельников Андрей, Подстегин Алексей, Сергеева Вика, Скворцов Алеша, Ставицкий Виталик, Филаретов Саша².

06.11.—09.11.1991 г. — первый бивак³ формирующегося отряда в Мельничном Ручье под Петербургом.

26.11.1991 г. — ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ 38-го сводного отряда генерал-майора М.Г.Дроздовского⁴. Посвящение в члены отряда⁵ первых новичков: Закутского Сергея, Мельникова Андрея, Подстегина Алексея. Создание 1-го звена «Хитрый Лис»⁶.

29.11.—01.12.1991 г. — второй бивак отряда в пос.Можайское под Петербургом.

- 14.01.1992 г.** — День смерти от раны, полученной в бою, начальника 3-ей дивизии Добровольческой армии Генерального штаба генерал-майора М.Г.Дроздовского (1919 г.). День памяти ген. Дроздовского и всех дроздовцев. Панихида в храме Новомучеников и Исповедников Российских в крипте Казанской церкви Новодевичьего монастыря. Служба совершена настоятелем храма Русской Зарубежной Церкви о.Сергием (Перекрестовым)⁷. Установка креста на Новодевичьем кладбище в память ген. М.Г.Дроздовского и всех его воинов⁸.
- 07.—09.02.1992 г.** — третий бивак отряда в пос.Можайское совместно с отрядом «Гатчина» витезя И.Айдыняна — «Ирбиса»⁹.
- 23.02.1992 г.** — День рождения основателя скаутинга, генерал-лейтенанта, сэра Стефансона Роберта Смита Баден-Пауэлла. Участие дроздовского отряда в общедружинном костре (Гатчина). Торжественное Обещание ОРЮР дали первые новички из Дроздовского отряда — Андрей Мельников и Сергей Закутский¹⁰.
- 07.03.1992 г.** — акция помощи инвалидам и нуждающимся района. Отряд разнес 20 посылок по разным адресам и выполнил задание быстрее всех в дружине¹¹.
- 08.03.1992 г.** — День рождения звена «Полярная Сова»¹².
- 24.—28.03.1992 г.** — 1-ый лагерь «ЮГЪ» Дроздовского отряда. В лагере принял участие формирующийся отряд Св.апостола Андрея Первозванного¹³. В лагере родилось звено «Черная пантера» — первое звено разведчиц в Дроздовском отряде, и звено «Тигры»¹⁴.
- 02.04.1992 г.** — успешное участие делегации дроздовцев как представительства ОРЮР во встрече представителей различных детских движений и организаций С.-Петербурга на заседании Комитета Организаторов Детского Движения.
- 09.04.1992 г.** — День рождения Дроздовского отряда в НОРС-ОРЮР (1938 г.).
- 13.04.1992 г.** — Св.Воскресение Христово. Пасха. Празднование в пос.Можайское. Церковь Св.Бл.Кн.Александра Невского.
- 25.04.1992 г.** — Освящение знамен отряда в храме Новомучеников и Исповедников Российских в крипте Казанской церкви Новодевичьего монастыря Русской Зарубежной Церкви о.Сергием (Перекрестовым)¹⁶.
- 30.04.1992 г.** — День рождения русского скаутизма (1909 г.). Отряд принял активное участие в празднике в Павловске и успешно защитил «крепость Мафкинг» от «буров» в игре «Штурм Мафкинга»¹⁵.
- 11.05.1992 г.** — костер отряда на Карельском перешейке. Празднование Дня Святого Георгия (6 мая) и Большая Разведческая Игра «Борьба за знамя».
- 30.05.—07.06.1992 г.** — участие руководителей отряда во Вторых Всероссийских КНЕ в Гатчине.
- 01.—28.08.1992 г.** — второй лагерь дроздовцев «КРЫМЪ» на базе оздоровительного комплекса «Зеленый город». (Основные дела: Вечер павших в афганской войне 1979—88 гг., День Театра, Вечер А.Грина, Рыцарский день, День Университета, Звеновые походы, Отрядный большой поход, День Памяти Верных, Бегна 3-й разряд, сдача специальностей).
- 09.—11.09.1992 г.** — паломничество победителей в лагерьном соревновании в Ставропигальный Валаамский монастырь на о.Валаам.
- 09.—11.10.1992 г.** — четвертый бивак Дроздовского отряда в пос.Можайское.
- 20.10.1992 г.** — День рождения генерал-майора М.Г.Дроздовского (07.10.1881

- г.). Панихида у Дроздовского креста на Новодевичьем кладбище.
- 04.—08.11.1992 г. — третий лагерь дроздовцев «ДОНЪ» в поселке Можайское.
- октябрь 1992 г. — выход первого номера стеной отрядной газеты «ДРОЗДОВЪЦЪ».
- 26.11.1992 г. — 1-ая годовщина разведческой работы Дроздовского отряда скаутов-разведчиков в Санкт-Петербурге. Праздник с участием представителей других отрядов дружины «САНКТ-ПЕТЕРБУРГ».
- 09.12.1992 г. — БРИ на знание города. Победитель: зв.«Полярная Сова».
- 02.—09.01.1993 г. — четвертый лагерь дроздовцев «ЯССЫ» на ст.Сиверская под Петербургом.
- 14.01.1993 г. — День Памяти М.Г.Дроздовского и всех его воинов. Панихида у Дроздовского креста на Новодевичьем кладбище.
- 23.03.—30.03.1993 г. — пятый лагерь дроздовцев «СЕВАСТОПОЛЬ» в Севастополе. Впервые в лагерь выехала вся дружина «КРЫМЪ» с участием сводного отряда адмирала А.В.Колчака.
- 09.04.1993 г. — День рождения Дроздовского Отряда скаутов-разведчиков в НОРС—ОРЮР (1938 г.).
- 18.04.1993 г. — Св.Воскресение Христово. Пасха. Празднование в пос.Можайское. Церковь Св.Бл.Кн.Александра Невского.
- 30.04.1993 г. — День Рождения русского скаутизма (1909 г.). Участие Дроздовского отряда в большом празднике в Павловске с участием всех скаутских организаций России¹⁷.
- 10.05.1993 г. — участие Дроздовского отряда в праздновании Дня Св.Георгия.
- 18.06.—06.07.1993 г. — участие дроздовцев в 1—ом Всероссийском Слете российской части ОРЮР под Анапой в М.Утрише (16 чел. — представительство от дружины «КРЫМЪ», большинство — дроздовцы). Подлагерь дружины «КРЫМЪ» «ДРОЗДОВЪЦЪ» был признан лучшим среди 9 подлагерей слета и отмечен приказом начальника слета инс. Сергея Носенко — «Добродушного Льва» — и ценным призом.
- 11.—21.07.1993 г. — 6-ой, дружинный, лагерь «ЕКАТЕРИНБУРГЪ», в память 75-летия со дня трагической гибели Государя Императора Николая II и всей царской семьи. Лагерь проводился в Каннельярви, на Чертовом озере.
- 24.07.1993 г. — участие дроздовцев в дружинном праздновании Дня Св.Равноапостольной Кн.Ольги (Праздник ОРЮР). Литургия в храме Новомученников и Исповедников Российских.
- 01.—24.08.1993 г. — первые дружинные Курсы для Вожаков (КДВ) под Севастополем, в Крыму¹⁸.
- 09.—12.09.1993 г. — участие победителей-дроздовцев в лагерьном соревновании¹⁹, в поездке дружинного представительства в Висагинас (Литва) в гости к дружине ОРЮР в Висагинасе.
- 24.—26.09.1993 г. — пятый бивак Дроздовского отряда в пос.Можайское.
- октябрь 1993 г. — новый набор в Дроздовский отряд на базе ряда школ Фрунзенского района С.-Петербурга.
- 20.10.1993 г. — День Рождения генерал-майора М.Г.Дроздовского (07.10.1881 г.). Панихида у Дроздовского креста на Новодевичьем кладбище.
- 03.08.11.1993 г. — 7-ой, дружинный, лагерь «КУБАНЬ» в пос.Можайское (с участием сводного отряда адм. А.В.Колчака, 22-ой сводной стаи «Викинги», представительства дружины «Висагинас» из Литвы).

26.11.1993 г. — 2-ая годовщина разведческой работы Дроздовского отряда скаутов-разведчиков в Санкт-Петербурге. Праздник с участием представителей других единиц и соединений ОРЮР в Петербурге и области.

Работа 38-го сводного отряда ген.М.Г.Дроздовского не могла бы быть успешной без жертвенной работы руководителей отряда и, впоследствии, 2-ой санкт-петербургской дружины «КРЫМЪ»:

штаб-инструктор Юрий Звягин — “Большой Лохматый Пес”, старшина 8-го сводного круга витязей и дружинниц, ген.-губ.М.А.Милорадовича²⁰;

штаб-инструктор Юлия Ефимова — “Поющая Мышка” (с марта 1992 г.), начальница 22-ой сводной стаи «Викинги»;

витязь Роман Терентьев — “Братец Кролик” (с августа 1992 г.);

витязь Александр Крутов — (с марта 1992 г.);

витязь Артур Касумян²¹;

дружинница Елена Люлина — (с января 1993 г.), начальница сводного отряда адм.А.В.Колчака;

штаб-инструктор Елена Свириденко — “Зорянка”, начальница 28-ой сводной стаи «Зазеркалье» 1-ой дружины «САНКТ-ПЕТЕРБУРГ» (до марта 1992 г.)²²;

член Комитета Организаторов Детского Движения в Санкт-Петербурге Екатерина Федорова (до марта 1992 г.).

В «Хронику» вошли лишь самые важные события из жизни Дроздовского отряда ОРЮР в Петербурге; не попали в нее еженедельные сборы отряда, начало работы звеновой системы в отряде и т.д.

*Начальник 38-го сводного отряда
Генерального штаба
генерал-майора М.Г.Дроздовского
инструктор Кирилл Александров —
“Львенок”*

Примечания и комментарии

¹ По данным скм.Ростислава Владимировича Полчанинова — долголетнего начальника пресс-бюро ОРЮР и главного историка НОРС—ОРЮР. Личное письмо к автору.

² На ноябрь 1993 г. из “первопоходников” остались рк.3 Бойцов Женя, рк.3 Филаретов Саша, рк.3 Мельников Андрей, рк.3 Сергеева Вика. Остальные по разным причинам “отсеялись”.

³ Бивак в ОРЮР — небольшой выезд с одной-двумя ночевками. От лагеря отличается менее жесткой дисциплиной (отсутствие суточного дежурства и т.д.).

⁴ Отряд создавался по инициативе членов Национального Объединения Дроздовцев С.-Петербурга. В российской ОРЮР и сейчас всего лишь два отряда носят имена вождей Белого Движения 1917—1922 г. Генерал-майор М.Г.Дроздовский был и остается одним из самых ярких символов стойкости, мужества, жертвенного служения России.

⁵ “Посвящение в отряд” — традиция, свойственная лишь дроздовцам в ОРЮР. Смысл ее заключается в том, что новичок, приходящий в отряд, получает отрядный шеврон малиново-белых цветов не сразу, а по истечении срока. В течение этого срока он должен доказать отряду (делами, активной работой, личными качествами), что он достоин быть дроздовцем. Только после этого, в торжественной обстановке, члены НОДа в форме Дроздовской дивизии 1920 г. вручают новичку шеврон, а он дает Торжественное Обещание Дроздовца. Аналогичная церемония существовала и в Дроздовской дивизии, когда малиновые погоны вручались лишь после первого боя. Сейчас такая же церемония существует и у Колчаковского отряда в дружине «КРЫМЪ».

⁶ С лета 1993 г. звена «Хитрый Лис» не существует, его члены расформированы в другие звенья. В хронике отряда отмечены дни рождения лишь первых 4-х звеньев.

⁷ Настоятель храма Новомучеников и Исповедников Российских в крипте Казанской Церкви Новодевичьего монастыря Русской Зарубежной Церкви о.Сергий (Перекрестов) совершает Дроздовские панихиды традиционно.

⁸ Об этой первой церемонии были статьи в газете «Наша страна», №2176, 1992 г., журнале «Вестник Руководителя» ОРЮР, №400, 1992 г.

⁹ Отряд «Гатчина», из которого впоследствии выделились отряды скм., полковника Б.Н.Свежевского и графа Орлов-Чесменский, неоднократно принимал участие в биваках в Можайском. Один из лучших бардов ОРЮР држ.Лена Честнова, бывшая в отряде «Гатчина», написала несколько песен, посвященных Можайскому.

¹⁰ На самом деле День Рождения Старшего Скаута Мира Баден-Пауэлла не 23, а 22 февраля, но руководители дружины «САНКТ-ПЕТЕРБУРГ» тогда об этом не знали.

¹¹ Главная Штаб-Квартира ОРЮР собрала среди русской диаспоры деньги на помощь нуждающимся в России. Эти деньги в Петербурге были распределены по отрядам, и ребята сами, найдя такие адреса, покупали продукты, составляли посылки и разносили их по квартирам. Содержание таких посылок от ОРЮР, на весну 1992 г., было весьма внушительным. Дроздовцы утром получили деньги, а вечером вся акция уже была завершена.

¹² Существует и по сей день, выделив из себя еще одно звено. Бессменный вожак — рк.3 Бойцов Женя — «Хозяйственный Бобр».

¹³ Руководители Дроздовского отряда с янв.1992 г. традиционно проводили в Можайском педагогические семинары для всех взрослых, желающих заниматься с детьми скаутизмом. Благодаря инициативе и работе постоянного начальника таких семинаров шин.Юрия Звягина, в Петербурге появились новые отряды ОРЮР (39-ый сводный отряд Св.Апостола Андрея Первозванного и др.).

¹⁴ В настоящий момент из зв.«Черная Пантера» выросло 3 звена разведчиц; так все разведчицы из «Пантер» оказались фактически вожаками. Зв.«Тигры» существует и по сей день, выделив из себя еще одно звено. Бессменный вожак — рк.3 Сергей Иванов — «Трудолюбивый Еж».

¹⁵ Каждый год, 30 апреля, после парада проводится колоссальная игра «Штурм Мафкинга». Она как бы реконструирует события англо-бурской войны 1899—1902 гг., когда гарнизон Мафкинга во главе с полк.Р.Баден-Пауэллом защищал крепость от превосходящих сил буров. Дроздовцы в этой большой разведческой игре традиционно «защищают» крепость.

¹⁶ Было освящено знамя отряда и национальный бело-сине-красный флаг. Тогда еще Ст.Скм.ОРЮР М.Данилевский не присвоил номера «38» отряду, и поэтому на знамени остался номер «4», который имел 1-ый дроздовский отряд скаутов в НОРС. Бело-сине-красный флаг представляет историческую реликвию. Именно он был поднят 30 окт. 1988 г. на митинге памяти советских политзаключенных на стадионе «Локомотив» впервые на территории России после Гражданской войны (исключая власовские флаги в 1941—45 гг.). Впоследствии этот флаг был передан на хранение скаутам-дроздовцам от петербургского отделения НТС.

¹⁷ В настоящий момент в России несколько крупных скаутских организаций, существенно отличающихся друг от друга по целям и задачам, идеологии, структуре и пр. Это Организация Российских Юных Разведчиков, Федерация Скаутов России, Ассоциация Православных Скаутов и пр. Но различия не мешают праздновать общие скаутские праздники вместе.

¹⁸ Одним из ярких эпизодов этих КДВ стал 15-км поход от Ал-Су на Красный Камень, где должны были проходить КДВ. Не менее 8-км — это крутой подъем вверх. Учитывая, что ребята несли на себе двухнедельный запас продуктов и снаряжение, поход у нас сравнивают с переходом дроздовцев Яссы-Дон в 1918 году.

¹⁹ Идея личного соревнования принадлежит инс.Игорю Айдыняну — «Ирбису», нынешнему начальнику ЦРО ОРЮР. В отряде «Гатчина» каждый скаут получал личные баллы за свою работу и скаутское поведение в течение дня. Эту традицию дроздовцы, и вся дружина «КРЫМЪ», взяла на время лагерей. Победители в таком личном соревновании, как правило, отправляются в какое-нибудь путешествие.

²⁰ Круг витязей и дружинниц ген.-губ.М.А.Милорадовича — первый круг старшей молодежи и взрослых в России.

²¹ Благодаря ему у дроздовцев появилась специальность «фехтовальщик», и профессиональный тренер.

²² Лена перешла на работу в отряд ген.М.Д.Скобелева летом 1992 г.

31 августа 1993 г. скончался один из талантливейших российских историков Александр Моисеевич НЕКРИЧ. Редакция «НОВОГО ЧАСОВОГО», скорбя о тяжелой утрате и отдавая дань памяти мужественному ученому, считает своим долгом поместить в первом номере журнала некролог Михаила Геллера, написанный на смерть А.М.Некрича и опубликованный в парижской газете «РУССКАЯ МЫСЛЬ» (№3995, 09. — 15.09.1993 г.).

Михаил Геллер (Париж)

Умер друг

Надо, наверное, начать официально: Александр Моисеевич Некрич, историк, умер 73-х лет от тяжелой болезни 31 августа. Я начну с признания в дружбе: умер друг, человек, с которым долгие годы меня связывали общие воспоминания, интересы, который понимал меня так же хорошо, как я понимал его.

Слухи о болезни стали доходить совсем недавно от других, а всего несколько недель назад Саша сам позвонил. С обычной для него научной точностью он назвал свою страшную болезнь (амиотрофический латеральный склероз) и сказал, что лекарств от нее нет, но какое-то средство где-то испытывается. И он надеется. Он оставался верен себе до конца: знал, что обречен, но не переставал надеяться и, главное, бороться.

Александр Некрич начинал, как все в его поколении. Школа, университет, война. Офицерские погоны помогли при поступлении в аспирантуру Института истории Академии наук, где Саша защитил диссертацию. Была бы его жизнь похожа на жизнь его сверстников и коллег, писавших исследования, изучавших прошлое по указаниям очередных пленумов ЦК по идеологическим. И выпускал бы он книги — как они, — которые сегодня стыдно показывать, ибо годятся они только в макулатуру.

Спокойно и удобно жить Саше помешал характер. Основным его качеством была честность. Как нельзя лучше подходят к нему слова Андрея Платонова: он мог ошибиться, но не мог солгать. Честность — это хорошо, но этого мало. Саша обладал смелостью и твердостью, необходимыми для защиты честности. Про таких говорят — крутой характер.

Познакомились с этим характером американцы. На фронте Саша вступил в ВКП (б). Постепенно угар прошел, и, когда его вынудили покинуть родной дом, он уже давно не был в партии. В Италии, где нужно было ждать визы в США, куда его пригласил Гарвардский университет, консул потребовал заявление, что он поступил в партию под нажимом, что его заставили. Для получения визы это было необходимо. Саша отказался сказать неправду. Он объяснял американцам, что вступил в партию, ибо тогда верил. А они ему: такое заявление — формальность, все его делают. А он им: это неправда, я этого говорить не буду. И не сказал.

До американцев познакомились с Сашиним характером в Москве. В 1965 г. вышла его книга «1941. 22 июня». Успех был невероятный: весь тираж расхватили в три дня. Александр Некрич стал самым известным советским историком. Вместе с известностью пришли крупнейшие неприятности. Книга переменяла жизнь автора. Кое-что было уже известно: на XX съезде Никита Хрущев посеял сомнения в гениальности Сталина. Но доклад был секретным. К тому же оценка деятельности отца народов колебалась. Как писал Галич: «То ли гений он, а то ли нет еще». Александр Некрич, используя все доступные в то время документы, рассказал правду о начале войны. Вес книге придавал факт ее публикации в издательстве Академии наук. Официальная публикация становилась официальным подтверждением подлинности фактов и оценок.

Потом стало понятно, что книга попала в окно, точнее, в форточку, приоткрытую на несколько месяцев по случаю очередных склок на высшем уровне. Форточку захлопнули, над

книгой начался суд. Ее обсуждали и осуждали на научных собраниях и партсобраниях, от автора требовали отказа от книги. Тем настоятельнее, что «1941.22 июня» была переведена на множество языков. Саша подчиниться отказался. Потом он подробно расскажет об этом в своих воспоминаниях, которым дал точный и честный заголовок: «Отрепшись от страха».

Последовали жестокие санкции, самой тяжелой из которых было запрещение публикаций. Без работы жизни для Саши не было. В 1976 г. он вынужден был эмигрировать. Друзья помогли переправить на Запад рукописи, фотокопии документов. Очень скоро он опубликовал «Наказанные народы» — первое научное исследование (основанное на архивных документах) истории выселения Сталиным кавказских народов, калмыков, немцев Поволжья.

Едва обосновавшись в Гарварде, Саша предложил совместно написать историю СССР. Больше двух лет работали мы над книгой, которая была названа «Утопия у власти». Работать было непросто: он — в Гарварде, я — в Париже. На расстоянии я еще лучше оценил

достоинства друга — не только научные, но и человеческие: книга рождалась в спорах, были разногласия, они не доходили до разрыва еще и потому, что Саша обладал качеством, без которого все другие человеческие достоинства теряют смысл, — чувством юмора.

В числе важнейших книг, написанных Сашей, — его воспоминания. Именно потому, что он был человеком смелым, Александр Некрич хорошо знал, что такое страх, и хорошо понимал, что страх был воздухом, которым он, как и все его сограждане, дышал. Поняв свою жизнь как процесс освобождения от страха, рассказав, как тяжело шло это освобождение, Саша позволил многое понять в нашем прошлом и, как мне кажется, в будущем.

Есть множество способов определения достоинств человека. Для меня важнейший — количество друзей, которые у него есть, которые у него остаются после смерти. У Саши было много друзей. Они будут его помнить, ибо он завещал им хранить те чувства, которые были для него самыми ценными: честность, смелость, честь, дружба.

Редакция журнала «НОВЫЙ ЧАСОВОЙ» благодарит редакцию еженедельника «Русская мысль» за любезное разрешение воспользоваться ее материалом.

**Обращение
журнала «НОВЫЙ ЧАСОВОЙ»
ко всем читателям за рубежом**

Русская журналистика и книгоиздательство в настоящий момент переживают в России острейший кризис, связанный с общим экономическим положением страны. Даже самый скромный Ваш взнос, пожертвование, укрепят нашу финансово-издательскую базу, сделают стабильным выход журнала и приблизят создание русского независимого издательства «НОВЫЙ ЧАСОВОЙ».

В этой связи мы объявляем о создании общественного фонда капитана Василия Васильевича Орехова (Ореховский фонд) и просим Вас по мере возможности поддержать издание журнала и проект создания издательства. Списки жертвователей будут постоянно публиковаться «НОВЫМ ЧАСОВЫМ».

Первой книгой, выпущенной издательством «НОВЫЙ ЧАСОВОЙ» станет репринтное воспроизведение сборника статей Генерального штаба генерал-майора А.А.фон Лампе «ПУТИ ВЕРНЫХ» (изд. Париж, 1960)

1/14 января 1992 года в храме Св.Новомучеников и Исповедников Российских, в крипте Казанской церкви Воскресенского Новодевичьего монастыря в Санкт-Петербурге, настоятелем о.Сергием Перекрестовым по инициативе скаутов-разведчиков 38-го сводного отряда Генерального штаба генерал-майора М.Г.Дроздовского и членов Национального Объединения Дроздовцев в Санкт-Петербурге в память 73-ей годовщины со дня смерти Белого Вождя-Рыцаря от раны, полученной в бою с большевиками, была отслужена панихида. Затем на Новодевичьем кладбище был освящен новосооруженный тщанием скаутов-дроздовцев символический деревянный крест в память генерала Дроздовского и всех его воинов. Это единственный памятный знак не только дроздовцам, но и всему Белому воинству в Санкт-Петербурге.

Традиционно, два раза в год, о.Сергий Перекрестов служит панихиду по генералу М.Г.Дроздовскому и всем воинам. 38-ой сводный отряд скаутов-разведчиков генерала Дроздовского О.Р.Ю.Р. и Национальное Объединение Дроздовцев в Санкт-Петербурге объявляют о том, что начинают общественный сбор средств на сооружение гранитного обелиска Генерального штаба генерал-майору М.Г.Дроздовскому и воинам Дроздовской дивизии, павшим в боях за Россию, убиенным и умершим на чужбине. Пожертвования в любых размерах просьба направлять на адрес журнала «НОВЫЙ ЧАСОВОЙ» с пометкой «Памятный знак воинам-дроздовцам».

**Уважаемые дамы и господа!
Соотечественники за рубежом!**

Одним из направлений работы Русского Историко-Исследовательского Центра является изучение истории Освободительного Движения Народов России (ОДНР) в 1939-45 гг.

В связи с этим РИИЦ обращается в ВАМ с просьбой оказать помощь в изыскании особо ценных источников по истории ОДНР:

- *Плюцов Б.* Генерал Мальцев. Сан-Франциско, 1982.
- *Науменко В.Г.* Великое предательство. К истории выдачи казаков в Лиенце и других местах 1945-47 гг. Нью-Йорк, 1967, 1970.
- *Черкасов К.* Генерал Кононов. Ответ перед историей за одну попытку. 2 т. Мельбурн, 1963.
- *Русский корпус на Балканах. 1941-45 гг./*под ред.Д.П.Вертепова Нью-Йорк, 1963.

Возможна покупка по соответствующему курсу или обмен на бесплатную годовую подписку журнала «НЧ»

*Адрес: 192241, С.-Петербург, ул.Пражская—33—195
Александрову Кириллу Михайловичу
тел. (812)260—61—11*

Принимаются также любые другие материалы, книги, документы по истории ОДНР, а также неизданные рукописи и материалы с возможным изданием в России.

Русские книги на складе журнала «НОВЫЙ ЧАСОВОЙ»

Все цены в долларах США, с пересылкой авиапочтой.

1. «ВОЗВРАЩЕНИЕ» — церковно-общественный журнал Российских приходов Русской Православной Церкви за границей. Выходит с января 1993 г. Церковно-общественная, историческая публицистика, большой формат, цветная печать, фотографии, 50 стр. №1, №2 за 1993 г. — 7.00.

2. ПОПОВ Анатолий «ПОРА ПРОСНУТЬСЯ (Гонение на православных и русских в Польше в XX веке)», 1993 г., 80 стр. Ретроспективно автор исследует трагическую судьбу православия в Польше, используя документы и прессу. Репринт Белградского издания 1937 г. — 10.00.

3. ПРИЙМА Иван «ГОЛОСА СЕРБИИ», 1993 г., 120 стр., документальные фотографии. Свидетельства, интервью, документы о русско-сербских отношениях и борьбе сербского народа за свое национальное существование в 1941—45 гг. и 1991—92 гг. Автор — убежденный сторонник традиционного русско-сербского единения. — 8.00.

4. «СВЕТЛЫЙ ОТРОКЪ» (сборник статей о Царевичь-Мученикь Алексѣй и другихъ Царственныхъ Мученикахъ), 1990 г., 96 стр. Свидетельства и мемуары рисуют светлый облик Новомучеников, убиенных 4/17 июля 1918 г. Репринтное издание. — 8.00.

5. ИЛЬИН Иван «НАШИ ЗАДАЧИ» (1 и 2 т. в одной книге), 1992 г., 272 стр., твердый переплет. Статьи выдающегося русского мыслителя и философа, общепризнанного надпартийного идеолога Белого движения, 1948—54 гг. Репринт издания Р.О.В.Са 1956 г. — 25.00.

6. БУНИЧ Игорь «ЗОЛОТО ПАРТИИ». Автор — капитан 3-го ранга в отставке, пытается в публицистическом жанре описать финансовые преступления КПСС в России в 1917—91 гг. — 10.00.

7. «БЕЛОЕ ДЕЛО» — 1992 г., твердый переплет. Репринтное воспроизведение 16-томного издания 20-ых гг. — 15.00. Имеются следующие тома:

- «Кубань и Добровольческая Армия» — 350 стр. (Сколов К.Н. «Правление ген.Деникина», Филимонов А.П. «Разгром Кубанской Радь», Скобцов Д.Е. «Драма Кубани», комментарии).
- «Генерал Корнилов» — 297 стр. (Деникин А.И. «Борьба ген.Корнилова», Лукомский А.С. «Воспоминания», комментарии).

8. «РУССКАЯ ИДЕЯ» — 1992 г., твердый переплет, 495 стр. Произведения выдающихся русских мыслителей (И.Киевского, П.Чаадаева, А.Хомякова, Г.Федотова, Вл.Соловьева, И.Ильина, Л.Карсавина и мн.др.), в которых обсуждаются проблемы своеобразия русской истории и культуры, русского национального самосознания, говорится о судьбах России и ее месте в мировой истории. — 15.00.

В 1993 г. вышел из печати 4-й номер историко-документального альманаха «РУССКОЕ ПРОШЛОЕ», издаваемый Независимой Гуманитарной Академией Санкт-Петербурга. В нем опубликованы следующие материалы:

- Февральская революция в императорской резиденции Петергоф;
- Большевики и Предпарламент;
- Г.А.Князев. Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции (1918 г.);
- А.Г.Шапрон дю Ларре. Воспоминания о выезде из Петрограда в 1917 г.
- К истории осведомительной организации «АЗБУКА»;
- Н.В. Устрялов. 1919-й год. Из прошлого;
- В.А.Поссе. НЭП и голод;
- Ликвидация ВСЕРПОМГОЛа: письма Е.Д.Кусковой к В.Н.Фигнер 1921—1922 гг.;
- Русский зарубежный Некрополь: Российская императорская гвардия на кладбище Сен-Женевьев де Буа;
- Неизвестные автографы: президент США В.Вильсон; писатель генерал П.Н.Краснов.

В настоящее время готовится к изданию очередной, 5-й номер альманаха, тематика которого будет существенно расширена. На страницах «РУССКОГО ПРОШЛОГО» (№5) будут опубликованы уникальные документы по истории Православной Русской Церкви начала XX века и периода второй мировой войны, материалы из архива генерала И.Г.Барбовича, письма А.И.Гучкова, продолжение дневника Г.А.Князева, интереснейшие архивные документы о внутренней оппозиции в СССР, об интернировании иностранных граждан на территории Советского Союза в годы второй мировой войны и др. Будет продолжена публикация Русского зарубежного Некрополя.

Заявки на приобретение №№4 и 5 «РУССКОГО ПРОШЛОГО» просьба направлять главному редактору В.Г.Бортневскому (адрес в США — 83 Concord St. Handen, CT 06514) и заместителю главного редактора А.В.Терещуку (телефон в С.-Петербурге: 296—13—87, либо в редакцию «НЧ»).

НОВЫЙ ЧАСОВОЙ
Русский военно-исторический журнал

Технический редактор Таурина Ю.Ю.

Художник Е.А.Соловьева

Подписано в печать 21.01.94. Формат 60x84¹/₈. Печать высокая. Усл. печ. л. 13.02.

Тираж 1000 экз. Заказ № 1

Издательство Независимой Гуманитарной Академии С.-Петербурга. Российская Федерация,
197198, С.-Петербург, Мытнинская наб., 5/2.

Типография "Бум Техно"
193224, Санкт-Петербург, Октябрьская наб., 54.

